

ЖЕНЩИНА В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Российский научный журнал

№ 2 (63) — 2012

Министерство образования и науки Российской Федерации
ФГБОУ ВПО «Ивановский государственный университет»

---

*Журнал зарегистрирован в Министерстве Российской Федерации
по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации ПИ № 77–16955 от 9 января 2004 г.*

*Журнал включен ВАК РФ в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук (ред. от 19.02.2010 г.)*

Редакционная коллегия:

О. А. Хасбулатова (Ивановский государственный университет; *главный редактор*;
доктор исторических наук, профессор),

С. Г. Айвазова (Институт сравнительной политологии РАН, г. Москва; доктор политических наук),

В. Н. Егоров (Ивановский государственный университет; доктор экономических наук, профессор),

В. Н. Аргунова (Ивановский государственный университет; доктор социологических наук, профессор),

И. С. Клёцина (Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена;
доктор психологических наук, профессор),

З. Х. Саралиева (Нижегородский государственный исследовательский университет;
доктор исторических наук, профессор),

Т. Б. Рябова (Ивановский государственный университет; доктор социологических наук, профессор),

Н. А. Шведова (Институт США и Канады РАН; доктор политических наук),

Н. Б. Гафизова (Ивановский государственный университет; *ответственный секретарь*;
кандидат исторических наук, доцент)

Адрес редакции:

153025 Иваново, ул. Ермака, 39
Издательство «Ивановский государственный университет»

Тел./факс в Иваново: (4932) 41 75 79
E-mail: gafizovanb@mail.ru, inna_kodina@mail.ru, riabova2001@inbox.ru
Электронная копия журнала размещена на сайтах www.elibrary.ru,
www.ivanovo.ac.ru

Журнал высылается по предварительной заявке

Подписной индекс в каталоге «Пресса России» 41513

© «Женщина в российском обществе», 2012
© ФГБОУ ВПО «Ивановский
государственный университет», 2012

WOMEN IN RUSSIAN SOCIETY

Russian Scholarly Journal

№ 2 (63) — 2012

Russian Ministry of Education and Sciences
Ivanovo State University

The journal is registered in the Federal Service for the Control over the Observation of Laws
on Mass Communications and for the Preservation of Cultural Heritage
Registration License PI № 77–16955 on January 9, 2004

*The journal is peer-reviewed and recommended
by the Supreme Attestation Commission of the Russian Federation
to publish main results of Doctors and Candidates of Sciences' dissertations (issued on 19/02/2010)*

Editorial Board:

- Prof. **O. A. Khazbulatova**, Dr. Sc. History (*Editor-in-chief*, Ivanovo State University),
S. G. Aivazova, Dr. Sc. Politics (Institute of Sociology of Russian Academy of Sciences, Moscow),
Prof. **V. N. Egorov**, Dr. Sc. Economics (Ivanovo State University),
Prof. **V. N. Argunova**, Dr. Sc. Sociology (Ivanovo State University),
Prof. **I. S. Kletsina**, Dr. Sc. Psychology (Russian State Pedagogic University, St. Petersburg),
Prof. **Z. H. Saralieva**, Dr. Sc. History (Nizhniy Novgorod State Research University),
Prof. **T. B. Ryabova**, Dr. Sc. Sociology (Ivanovo State University),
N. A. Shvedova, Dr. Sc. Politics (Institute of USA and Canada Studies
of Russian Academy of Sciences),
Assoc. Prof. **N. B. Gafizova** (Ivanovo State University)

Editorial Office Address:

153025 Ivanovo, Ermak str., 39
Publishing House «Ivanovo State University»

Tel./Fax: (4932) 41 75 79

E-mail: gafizovanb@mail.ru, inna_kodina@mail.ru, riabova2001@inbox.ru

The e-copy of the issue can be accessed at www.elibrary.ru,
www.ivanovo.ac.ru

The issues may be sent by the preliminary request
Subscription index in catalogue «Press of RF» 41513

ЖЕНСКАЯ И ГЕНДЕРНАЯ ИСТОРИЯ

ББК 60.542.21

Н. А. Мицюк

«ОБРАЗОВАНИЕ НЕ ДЛЯ ОДНОЙ ТОЛЬКО ГОСТИНОЙ». ФЕНОМЕН ПРОВИНЦИАЛЬНЫХ ЖЕНСКИХ ПАНСИОНОВ

Частные женские пансионы сыграли особую роль не только в истории отечественного женского образования, но и в изменении социокультурной среды провинциального женского общества. Феномен женского пансионного образования является малоисследованной проблемой. В дореволюционной историографии Е. Лихачева впервые выделила частные женские пансионы в особую ветвь в структуре женского образования России¹. В советский период гендерный аспект частного образования, по очевидным причинам, не мог претендовать на научно-исследовательский интерес. Огромный вклад в современную отечественную гендерную историографию внесла Н. Л. Пушкарева. Она² и ее ученики, в частности А. В. Белова³, в своих работах уделили внимание женскому воспитанию и образованию. Р. Ф. Усачева, Э. Д. Днепров, рассматривая женское образование, анализируют законодательство в отношении частного образования⁴. Н. И. Яковкина, характеризуя русскую культуру XIX в., дает негативную оценку частным женским пансионам⁵.

Появление частных женских пансионеров в провинции связано с просветительскими преобразованиями Екатерины II. Императрица была ярким поборником развития женского просвещения. В программных документах отмечалось: «С таким же порядком как мужской, так и женский пол воспитывать быть имеет»⁶. Воплотить эту идею должны были закрытые учебные заведения, к примеру институты благородных девиц. Однако их основание предполагало большие капиталовложения, поэтому императрица обратилась к губернским властям, дабы те призвали общество к развитию частной образовательной инициативы. Это послужило предпосылкой к распространению частных женских пансионеров в провинции, содержательницы которых во многом копировали внутреннее устройство столичных благородных институтов. Известно, что в Твери в 1783 г. функционировали 2 женских пансионера, в то время как мужской — только 1⁷. В Рязани известность получил женский пансион для благородных девиц, открытый в 1800 г. поручицей Марией Гаммель⁸, в Полтаве — пансион

француженки Реньи, в Елизаветграде — пансион француженки Бурковской⁹. В течение первой половины XIX в. частные женские пансионы распространились по всей России и функционировали не только в губернских, но и в уездных городах. Этому во многом способствовала государственная образовательная политика. Учебные уставы 1804 г. (ст. 141—158)¹⁰ и 1828 г. (ст. 307—325)¹¹ вводили частные пансионы в систему министерских учебных заведений. Разрешая частным лицам открывать пансионы и школы, уставы запрещали поступать девушкам в уездные училища, гимназии, университеты; они могли обучаться лишь в начальных учебных заведениях МНП — приходских училищах. Выбор женских учебных заведений был ограничен либо привилегированными учебными заведениями императрицы Марии, которые впоследствии перешли в особое ведомство ее имени, либо частными пансионами. Несмотря на то, что столичные женские пансионы считались образцовыми, именно в провинции они сыграли особую историческую роль. Лихачева сообщает, что в 1834 г. женские пансионы являлись единственными учебными заведениями для девиц в 15 губерниях (Пермской, Саратовской, Нижегородской, Рязанской и др.)¹². К 1834 г. в частных пансионах насчитывалось 6890 воспитанниц, в то время как во всех учебных заведениях МНП состояло 8544 ученицы¹³.

В 1830—1840-х гг. правительство, в соответствии с консервативным курсом реформ, стремилось ограничить развитие частного образования¹⁴. К ограничительным мерам можно отнести: комплекс мер «против умножения пансионов и частных учебных заведений» 1833 г.¹⁵, указ о домашних наставниках 1834 г.¹⁶, положение 1835 г. о частных учебных заведениях, которое строго регламентировало порядок их основания и функционирования¹⁷. Для содержательниц частных учебных заведений, нарушавших основные правила открытия пансионов, вводились строгие меры наказания¹⁸. Однако эти меры не могли остановить распространение частных пансионов, т. к. потребность в женском образовании с каждым десятилетием возрастала. Показателен пример Калужской губернии. Первые женские пансионы здесь стали открываться как раз в 1830-е гг.¹⁹ Либеральная атмосфера конца 1850-х гг. способствовала тому, что стала отменяться «вредная монополия и вводилось благотельное соперничество в деле частного воспитания»²⁰. По новому закону 1857 г. при открытии частных школ и пансионов не требовалось разрешения министра народного просвещения, что заметно упрощало процесс организации частных заведений и способствовало увеличению инициатив по их основанию.

Содержательницами женских пансионов в провинции в первой четверти XIX в. являлись иностранки, столичные дамы дворянского происхождения или провинциалки, получившие образование в благородных женских учебных заведениях. В условиях отсутствия женских учебных заведений в губернии дворянское общество стало обращаться к образованным дамам, склоняя их к открытию частных учебных заведений. Например, смоленская дворянка А. Г. Зенченко открыла женский пансион, «убежденная многими лицами из жителей»²¹. В 1848 г. российская подданная, «рижская гражданка» Шарлота Эрихсон (Ерихсон), «убежденная просьбами некоторых помещиков Рославльского уезда»²², основала женский пансион в Рославле. С другой стороны, при открытии частных женских пансионов очевидным было желание содержатель-

ниц заработать. Плата за обучение была высокой, в среднем 300—500 руб. в год, что значительно превышало плату в аналогичных мужских заведениях²³. Высокая плата обеспечивала однородный состав воспитанниц, преимущественно девочек из дворянских, реже купеческих семей. С начала 1860-х гг., с развитием женских учебных заведений МНП в провинции, плата за обучение в пансионах стала снижаться до 60—150 руб. в год.

Возможность открывать частные пансионы явилась для женщин провинции новой формой гендерной идентичности. Основание пансиона давало возможность быть самодостаточной, не зависеть от наследства родителей или состояния мужа. Анализ социального и имущественного положения основательниц пансионов позволяет сделать вывод о том, что они, по преимуществу, принадлежали к обедневшей части дворянства, женщинам, остро нуждающимся в средствах, вдовам, незамужним (девицам). Показателен пример смоленской дворянки А. Гейдуковой. Главной причиной основания пансиона послужило ее бедственное состояние. Отец А. Гейдуковой умер рано, она с двумя сестрами воспитывалась в приемной семье помещицы Д. И. Уваровой, наследства, соответственно, у нее не было. Образование получила в Санкт-Петербургском военном сиротском институте. После смерти мужа, оставшись без средств к существованию, Гейдукова была вынуждена заняться преподавательской деятельностью²⁴.

Открытие женских пансионов в редких случаях было обусловлено проявлением благотворительности аристократических кругов провинции. Так, в 1808 г. в Полтаве С. Кочубей в собственном доме основал женский пансион для бедных дворянок, организацией которого заведовала его жена. В 1821 г. князь Ф. С. Голицын в своем имении Саратовской губернии учредил благородный женский пансион²⁵. С желанием основать благородный благотворительный пансион для девиц в Смоленске выступила княжна М. Барятинская в 1852 г.²⁶ После польского восстания 1831 г. в проекте по развитию женского образования западных губерний предусматривалось выделение денежных сумм содержательницам русских пансионов. Например, Савич, открывшая женский пансион близ Могилева в 1832 г., получала от государства 4440 руб. ежегодно²⁷, в Смоленской губернии данная сумма могла равняться совокупному ежегодному доходу содержательницы.

Количество частных женских пансионов неуклонно росло вплоть до 1860-х гг. Если в 1830-е гг. в Смоленской губернии функционировало не более трех пансионов, то в 1850-х гг. их насчитывалось восемь²⁸. Рост числа женских пансионов в провинции к середине XIX в. был сопряжен и с другой важной тенденцией женской истории — появлением все большего числа женщин, осваивающих новые социальные роли в обществе. Сфера образования являлась плодотворным и вполне возможным поприщем для деятельности.

В связи с неоднородностью учебной программы женские пансионы балансировали между начальными и средними учебными заведениями. Они состояли из трех классов (отделений): начального (низшего), среднего, высшего. Традиционно пансионерки изучали такие предметы, как Закон Божий, русский, французский, немецкий языки, арифметику, географию, историю российскую и всеобщую, рисовальное искусство, рукоделие, танцы. В высших классах могло быть предусмотрено изучение физики. В пансионе смолянки Е. Февизио суще-

ствовали курсы логики, риторики²⁹. Некоторые из содержательниц делали ставку на преподавание иностранных языков, вводя в программу латинский, немецкий, итальянский, английский. Программа обучения содержала обязательную и вариативную (необязательную) часть.

Формы содержания воспитанниц на протяжении первой половины XIX в. заметно эволюционировали. Провинциальные содержательницы первых женских пансионов равнялись на закрытые женские учебные заведения ведомства императрицы Марии, в которых обучение совмещалось с постоянным проживанием. Первоначально в пансионатах существовала единственная форма содержания — полный пансион. К середине XIX в. распространение получили новые формы содержания: полупансионная (в содержание входили завтраки и обеды, после изучения курса предметов воспитанницы отправлялись домой), «приходящая» (содержание состояло исключительно в изучении курса предметов). Разнообразие форм содержания благоприятно сказывалось на количестве пансионерок.

Девочки поступали в пансионы в среднем в 8-летнем возрасте, обучаясь до 16—17 лет. При поступлении на полный пансион воспитанницы должны были иметь при себе постельное белье, столовые приборы, салфетки, которые становились собственностью пансиона. Некоторые содержательницы стремились подражать женским учебным заведениям ведомства императрицы, вводя форменные платья для воспитанниц. Распространенной формой одежды для пансионерок были платья из зеленого терно с черными фартуками для младшего отделения и белыми для старшего. Распорядок жизни воспитанниц в частных пансионатах во многом напоминал распорядок закрытых частных заведений ведомства императрицы. Девочки вставали в 6 часов утра, после гигиенических процедур следовали на утреннюю молитву, с 8 часов — чаепитие, затем повторение занятий и подготовка к урокам. Изучение основных предметов проходило с 9 до 13 часов. После обеда, который включал три блюда, воспитанницы готовили вечерние уроки. Вечером, в 17—18 часов, они обучались дополнительным предметам — танцам, музыке, рукоделиям. Затем чаепитие, подготовка уроков на следующий день, ужин, молитвы и с 23 часов — сон. Таким образом, повседневная жизнь в пансионе была строго регламентирована, на протяжении всего дня воспитанницы были заняты уроками либо приготовлением к ним, свободного времени у девочек фактически не оставалось. Исключение составляли воскресные дни, в которые воспитанницы посещали церковь и в сопровождении наставницы или педагогов могли прогуляться по городу³⁰.

Элитарность заведения зависела от комплекса факторов: от персоны содержательницы, круга преподаваемых предметов, известности педагогов, не последнюю роль играла и цена обучения. Содержательницы пансионатов для поддержания популярности своего заведения прибегали к рекламе. В провинциальной печати нередко публиковались условия поступления в пансионы, отчеты и сведения об успехах деятельности. Одним из самых знаменитых женских пансионатов Смоленской губернии середины 1850-х гг. был женский пансион Е. Ф. Зенкович, открытие которого в 1855 г. проходило в присутствии самого начальника губернии Н. А. Ахвердова³¹. Подчеркивался высокий уровень образования учениц данного пансионата: «...руководствуясь порядком казенных

учебных заведений, где образуют девиц не для одной только гостинной и общественной жизни», предлагают все способы изучить науки фундаментально³². Пансион был рассчитан на 40 учениц, среди которых 10 проживали в нем постоянно, 30 являлись проходящими. В пансионе изучался широкий круг предметов. Основная часть преподавателей являлась учителями гимназии, которые в то время считались лучшими в губернии³³. Ежегодно в частном учебном заведении проводились публичные экзамены, результаты которых освещались в местной прессе³⁴. Престижным женским пансионом в дворянских кругах Смоленска являлся пансион Л. Р. Кнобельсдорф³⁵. Учреждения Л. Кнобельсдорф и Е. Ф. Зенкович в 1858 г. были удостоены посещения самой императрицы и министра народного просвещения Е. П. Ковалевского, которые высказали одобрительные отзывы в пользу женских пансионов³⁶.

После введения положения о женских училищах МНП 1858 и 1860 гг.³⁷, появления в губерниях женских гимназий и прогимназий МНП число женских пансионов в провинции стало заметно снижаться. В 1860 г. в Смоленской губернии функционировало три пансиона³⁸. К 1866 г. действовал только один женский пансион в Гжатске³⁹. Однако частные пансионы не исчезли, их формы эволюционировали. Содержательницам некоторых пансионов было предложено преобразовать свои учреждения в женские училища (гимназии), где они занимали место начальниц. Например, женское училище в Костроме, открытое в 1857 г., было преобразовано из женского пансиона дворянки Шкот; Тверское женское училище в 1858 г. — из пансиона г-жи Гросвальд, Вологодское женское училище — из пансиона г-жи Дозе⁴⁰. Большим спросом стали пользоваться частные женские школы по подготовке девочек в гимназии. К концу XIX в. в провинции начали появляться частные женские гимназии, которые, по сути, были теми же частными пансионами, но с названием и качеством образования, в большей степени соответствующими духу времени. В Смоленске, например, была основана частная женская гимназия Е. И. Ровинской на базе бывшей частной женской школы, а также гимназия Е. Г. Швиттау⁴¹.

Подведем итоги. Появление частных женских пансионов в провинции явилось результатом просветительских реформ Екатерины II. Несмотря на неоднозначное отношение государства к частным учебным заведениям, зигзаги в политике, частные женские заведения просуществовали более века. Они сыграли особую роль в формировании социокультурного пространства образованной женщины провинции XIX в. В условиях отсутствия развитой системы женских учебных заведений, вплоть до либеральных образовательных реформ 1860-х гг., женские пансионы в провинции были едва ли не единственными женскими образовательными учреждениями. После активного распространения женских гимназий и прогимназий МНП частные женские пансионы не исчезли, а продолжили свое сосуществование наравне с государственными учебными заведениями. С другой стороны, женские пансионы явились одним из первых трудовых поприщ для провинциальных дворянок. Открытие и содержание женщинами пансионов — новая форма гендерной идентичности для женщин в провинции.

Примечания

- ¹ *Лихачева Е.* Материалы для истории женского образования в России (1086—1796 гг.). СПб., 1890; То же (1796—1828 гг.). СПб., 1893; То же (1828—1856 гг.). СПб., 1895; То же (1856—1880 гг.). СПб., 1901.
- ² *Пушкарева Н. Л.* Частная жизнь русской женщины: невеста, жена, любовница (X — нач. XIX в.). М., 1997.
- ³ *Белова А. В.* «Четыре возраста женщины»: повседневная жизнь русской провинциальной дворянки XVIII — середины XIX в. СПб., 2010.
- ⁴ *Днепров Э. Д., Усачева Р. Ф.* Женское образование в России. М., 2009.
- ⁵ *Яковкина Н. И.* История русской культуры, XIX век. СПб., 2000.
- ⁶ Учреждения и уставы, касающиеся до воспитания и обучения в России юношества обоего пола / сост. И. Бецкой. СПб., 1774. Т. 1. С. 94.
- ⁷ Краткое описание состояния Тверской губернии, основанное на сравнении статистических данных 1783 и 1846 годов. Тверь, 1847. С. 22.
- ⁸ Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами генерального штаба: Рязанская губерния / сост. М. Баранович. СПб., 1860. С. 372.
- ⁹ *Лихачева Е.* Указ. соч. (1796—1828 гг.). С. 112, 252.
- ¹⁰ Полное собрание законов Российской империи: собр. 1. Т. 28. С. 626—647. Далее: ПСЗ.
- ¹¹ ПСЗ: собр. 2. Т. 3. С. 1097—1127.
- ¹² *Лихачева Е.* Указ. соч. (1828—1856 гг.). С. 216.
- ¹³ Там же. (1796—1828). С. 215—216.
- ¹⁴ РГИА. Ф. 737. Оп. 1. Д. 171. 1831.
- ¹⁵ ПСЗ: собр. 2. Т. 8. С. 707; *Усачева Р. Ф.* Женское образование в системе николаевских школ // Образование в современной школе. 2002. № 7. С. 53.
- ¹⁶ ПСЗ: собр. 2. Т. 9. С. 674.
- ¹⁷ Государственный архив Смоленской области. Ф. 45. Оп. 1. Д. 1457. 1853 г. Л. 1. Далее: ГАСО.
- ¹⁸ *Любимов П.* Исторический очерк Смоленской Мариинской женской гимназии (1861—1911). Смоленск, 1913. С. 38.
- ¹⁹ Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба: Калужская губерния / сост. М. Попроцкий. СПб., 1864. Ч. 2. С. 37.
- ²⁰ *Лихачева Е.* Указ. соч. (1856—1880 гг.). С. 19—20.
- ²¹ ГАСО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 403. 1842 г. Л. 1 об.
- ²² Там же. Д. 926. 1848 г. Л. 12 об.—13.
- ²³ Там же. Д. 102. 1833 г. Л. 6 об.; Д. 797. 1847 г. Л. 10.
- ²⁴ Там же. Л. 2.
- ²⁵ *Лихачева Е.* Указ. соч. (1796—1828 гг.). С. 256—260.
- ²⁶ ГАСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 418. 1852 г.
- ²⁷ *Лихачева Е.* Указ. соч. (1828—1856 гг.). С. 25.
- ²⁸ ГАСО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 452. 1842 г. Л. 1; Д. 289. 1839 г. Л. 9, 15, 33; *Любимов П.* Указ. соч.; ГАСО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 161. 1836 г. Л. 10; Д. 386. 1841 г. Л. 11; Д. 239. 1838 г.
- ²⁹ ГАСО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 27. 1832 г. Л. 20; Ф. 1. Оп. 1. Д. 13 А. 1830 г. Л. 6.
- ³⁰ Там же. Ф. 45. Оп. 1. Д. 102. 1839 г. Л. 7 об.
- ³¹ Об открытии частного женского пансиона в Смоленске из дворян девицею Е. Ф. Зенкович // Смоленские губернские ведомости. 1855. № 46; О пансионе Е. Ф. Зенкович // Там же. 1856. № 27. С. 234.
- ³² Смоленские губернские ведомости. 1856. № 27. С. 234.
- ³³ ГАСО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 1622. 1855 г. Л. 16—17.

- ³⁴ Смоленские губернские ведомости. 1855. № 24. Часть неофиц. С. 147—148; 1856. № 27. С. 233.
- ³⁵ ГАСО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 1708. 1856 г. Л. 4; Д. 1818. 1856 г. Л. 9 об.—10; Д. 1897. 1860 г. Л. 8 об.
- ³⁶ Любимов П. Указ. соч. С. 37.
- ³⁷ ПСЗ : собр. 2. Т. 33. С. 689; Т. 35. С. 532.
- ³⁸ ГАСО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 1897. 1860 г.
- ³⁹ Там же. Д. 2267. 1866 г. Л. 8.
- ⁴⁰ Лихачева Е. Указ. соч. (1856—1880 гг.). С. 22, 49, 154, 255.
- ⁴¹ ГАСО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 2965. 1905 г. Л. 29—30.

ББК 63.3(2)53+60.74

С. Д. Морозов

МУЖЧИНЫ И ЖЕНЩИНЫ РОССИИ НА РУБЕЖЕ XIX—XX вв.: ТЕНДЕНЦИИ БРАЧНОСТИ

Одним из важных демографических показателей естественного движения населения является брачность. На возрастно-половой состав населения России влияли показатели брачности и рождаемости. К концу XIX в. удельный вес невест в возрасте до 20 лет был наиболее высоким в Астраханской, Пензенской, Самарской и Симбирской губерниях, соответственно — 77,5, 73, 67,6 и 67 %; коэффициент рождаемости здесь равнялся 53,7, 52,1, 57,7, и 55,4 ‰. В губерниях с высоким удельным весом невест в возрасте 20 лет и моложе показатели рождаемости оказались более высокими. Вместе с тем в Псковской и Петербургской губерниях удельный вес невест в возрасте до 20 лет был наименьшим в Европейской России — соответственно 31,4 и 27,3 %; коэффициенты рождаемости — 40,6 и 29,5 ‰ [4, с. 21—25; 23, Ф. 571, оп. 9, д. 8, л. 22—25; 29, с. 189].

Показатели брачности в России на рубеже XIX—XX вв. в целом находились на высоком уровне. Высокие показатели брачности, а также ранние браки, особенно среди многочисленного сельского населения, оказывали большое влияние на рост рождаемости.

Коэффициент брачности в России в 90-х гг. XIX в. равнялся 9 ‰. В первые годы XX в. он снизился до 8,6 ‰ [17, с. 36—37]. По этим данным прослеживается снижение показателей брачности примерно на 20 %. Это объясняется, в частности, введением в 1874 г. всеобщей воинской повинности.

Сравнительно повышенными показателями брачности отличался 1906 г.; пониженная брачность отмечалась в 1900—1901 гг. и 1904—1905 гг., что связано либо с относительно благоприятными периодами, либо с происходившими тогда войнами и экономическими кризисами. Подсчет показателей коэффициентов брачности населения России по пятилетиям дал следующие результа-

ты: в 1891—1895 гг. — 9 %, в 1896—1900 гг. — 9 %; в среднем — 9 % [5; 23, ф. 573, оп. 6, д. 73, л. 12—19].

Показательна также группировка данных о распределении вступивших в брак в России по возрастно-половым группам в 1897—1898 гг. Оказалось, что 84—88 % невест были в возрасте до 25 лет, причем более половины (57—59 %) — до 20 лет. Соответствующие показатели для женихов — 67—69 % и 37—38 %. В возрасте 30 лет и старше вступали в брак 17—20 % мужчин и 7—9 % женщин [11, с. 5—12]. Распределение женихов и невест по возрасту в течение указанного периода в целом оставалось неизменным.

По данным переписи населения 1897 г. был подсчитан удельный вес замужних среди женщин в возрасте 15 лет и старше; показатели губерний России распределены в нисходящем порядке. Наиболее высокий коэффициент наблюдался в губерниях Центрально-Земледельческого и Поволжского районов — от 71,3 % до 61,2 %; наименьшим он был в губерниях Центрально-Промышленного и Северо-Западного районов — от 58,5 % до 46,1 %. Средний показатель по губерниям Европейской России составил 61,7 %, что было несколько меньше среднего показателя по всей России — 62,6 %. Группировка губерний России в зависимости от доли замужних к общей численности женщин в возрасте 15 лет и старше дала следующие результаты. К первой группе таких губерний с показателем 70 % и выше в среднем относились 70,8 % замужних женщин, коэффициент рождаемости здесь был 54,9 ‰; ко второй группе с показателем 63—70 % — 65,9 % замужних, коэффициент рождаемости — 51,9 ‰; к третьей группе с показателем 56—63 % — 59,7 % замужних, коэффициент рождаемости — 45,7 ‰; к четвертой группе с показателем 56 % и ниже — 52,4 % замужних, коэффициент рождаемости — 37,8 ‰ [1, с. 14—51; 19; 24, с. 52—59].

Приведенные данные показывают лишь незначительное изменение в сторону «постарения» брачности. В целом эти подсчеты свидетельствуют о том, что подавляющее большинство населения России к началу XX в. жило в условиях традиционной брачности: 80—85 % браков заключалось женщинами в возрасте до 25 лет включительно, а если учесть только первые браки, то эта доля может повыситься. Некоторое «постарение» брачности на рождаемость сильно не влияло: она по-прежнему оставалась высокой, особенно в крестьянской среде. Об активной роли внебрачного репродуктивного поведения говорить не приходится. Предубеждение против такого поведения в русском обществе было очень велико.

Браки были не только ранними, но и всеобщими: к возрасту 45—49 лет лишь 4 % мужчин и 5 % женщин России оставались вне брака. Низкий уровень безбрачия складывался также за счет села: по переписи 1897 г. в городах к возрасту 50 лет свыше 10 % мужчин и женщин не вступили в брак, оставаясь холостыми и незамужними практически до конца жизни. В 1896—1897 гг. 93 % женщин к возрасту 30 лет вступили в первый брак. Медианный возраст вступивших в брак в 1900 г. для мужчин составил 23,6 года, для женщин — 20,5 лет [23, ф. 1291, оп. 3, д. 107, л. 5—15, 52—56; 26, с. 88—89].

Россия в изучаемый период была страной преимущественно крестьянской. Однако уже тогда в деревне обнаружилась тенденция к снижению уровня брачности до 9 ‰. Основные демографические компоненты для крестьян православ-

ного вероисповедания были следующими: с 1891 по 1901 гг. рождаемость снизилась с 50,2 до 49,2 ‰, смертность — с 36,9 до 34,2 ‰, естественный прирост, напротив, поднялся с 13,3 до 15 ‰, а коэффициент заключенных браков снизился с 10,4 до 9 ‰, при этом число рождений на каждый заключенный брак в среднем выросло с 4,9 до 5,5 [18, с. 14—94; 22, с. 182].

В России крестьянская семья на протяжении многих веков формировалась из родственников по мужской линии. В конце XIX в. она представляла собой в основном традиционный тип семейной организации, в которой формальным главой являлся отец, имевший практически неограниченную власть над всеми членами семьи. Такая семья отличалась авторитарной структурой, полным подчинением жены мужу и требованием абсолютного послушания детей родителям при всеобщей строгости и субординации во взаимоотношениях [15, с. 7—30].

Крестьянский парень до женитьбы в деревне никем всерьез не воспринимался; он не имел голоса ни в семье, ни на крестьянском сходе; деревню ему не разрешали покинуть даже на короткий срок. Только после свадьбы он становился полноправным членом семьи и «мира» — сельской общины, обладателем прав и обязанностей полноценного члена крестьянского общества. Невеселая судьба ожидала и незамужнюю крестьянскую девушку. По крестьянским понятиям, женщина без мужа не имела самостоятельной ценности; кроме того, «засидеться в девках» было позором, поэтому девичеству крестьянка предпочитала замужество, пусть даже самое худое [13, с. 158—206, 219—232, 236—250; 14, с. 85, 93, 95].

Невозможность холостой жизни земледельца объясняется огромной ролью материального расчета. Многих наблюдателей крестьянской жизни это приводило к мысли, что брак — хозяйственная сделка. Так, знаток крестьянского быта В. И. Семевский считал, что в основе крестьянского брака лежала не столько привязанность, сколько экономический расчет; крестьянин женился не по страсти, а по необходимости. По мнению земледельца, не любовь, а нужда служила оправданием брака [9, с. 87; 10, с. 1—3; 24, с. 72].

Однако к началу XX в. доля состоявших в браке крестьян понизилась. По данным переписи 1897 г., женатых и замужних крестьян в России было свыше 65 %. При этом удельный вес лиц в возрасте 40—45 лет, не состоявших в браке, стал несколько ниже по сравнению с серединой XIX в. — около 3 % мужчин и 4 % женщин. К концу XIX в. в деревне тенденция к снижению уровня брачности проявилась так: за последнее десятилетие XIX в. коэффициент брачности понизился до 9 ‰; за первое десятилетие XX в. — до 8,5 ‰; за три года, предшествовавших Первой мировой войне, он достиг 8 ‰ [12, с. 8—13].

Думается, снижение брачности у крестьян на рубеже XIX—XX вв. было обусловлено рядом причин: освобождением из-под опеки помещиков и местной администрации в решении матримониальных дел; развитием промысловой деятельности, особенно отходничества; усилением социальной дифференциации деревни; интенсификацией миграционных процессов, вызванной проведением столыпинской аграрной реформы. Все это вместе вело к повышению брачного возраста. Тем не менее на протяжении всего рассматриваемого периода отмечалось стремление женить детей как можно раньше: парней — обычно в 18—20 лет, девушек — в 16—18. По закону в конце XIX — начале XX в. в

браком разрешалось вступать мужчинам в 18, а женщинам в 16 лет. В ряде же губерний, особенно Центрально-Земледельческого района (Курская, Орловская, Рязанская и др.), нередко случалось, что девушек выдавали замуж до установленного законом срока — в 15, 14, 13 и даже 12 лет. Крестьяне этих губерний часто обращались к епархиальным властям с просьбой разрешить вступление в брак до 16 лет, мотивируя это необходимостью иметь дома работницу или хозяйку [25, с. 4, 214—215].

Однако земские врачи считали, что браки до 20 лет преждевременны по причине неполной физической и половой зрелости крестьянской молодежи. Известно, что в конце XIX в. около 8—10 % новобранцев ежегодно получали отсрочку от призыва в армию [2, с. 33; 30, с. 48; 28, с. 95—105]. И это в возрасте 21 года! На позднее половое и физическое созревание крестьян и в начале XX в. неоднократно указывали земские врачи.

Но все же, хотя и в начале XX в. браки крестьян продолжали оставаться очень ранними, следует отметить, что средний возраст женихов и невест по регионам и губерниям заметно колебался. Браки «молодели» с севера на юг и с запада на восток; наиболее молодыми женились в губерниях с сельскохозяйственной специализацией; в промысловых же селениях были самые поздние браки. Более того, возрастные различия наблюдались в пределах губернии, уезда и даже волости. Следует отметить также, что разница в возрасте между женихом и невестой при вступлении в первый брак, как правило, не превышала 2—3 лет (в сторону старшинства жениха) [15, с. 7—30].

Брачность в России в 1900-х гг. в основном находилась на высоком уровне. Высокие показатели брачности, а также ранние браки, особенно среди многочисленного сельского населения, оказывали большое влияние на рост рождаемости. Основные показатели в 1897—1911 гг. так характеризуют брачность населения: в 1897 г. она составила 9,1 ‰, 1898 — 8,7, 1899 — 9,3, 1900 — 8,9, 1901 — 8,6, 1902 — 8,6, 1903 — 8,9, 1904 — 7,6, 1905 — 7,6, 1906 — 9,6, 1907 — 9, 1908 — 8, 1909 — 8, 1910 — 8,4, 1911 — 8 ‰ (снижение показателя брачности примерно на 20 %). В среднем по губерниям России в 1897—1911 гг. брачность составила 8,6 ‰. Сравнительно повышенными показателями брачности были отмечены 1897, 1899, 1900, 1903, 1906, 1907 гг. Пониженная брачность характерна для 1904, 1905, 1908, 1909, 1911 гг., что связано с происходившими тогда военными действиями и социально-экономическими кризисами. Приведенные подсчеты показателей брачности населения России по пятилетиям в 1896—1911 гг. также свидетельствуют о снижении брачности: 1896—1900 гг. — 9 ‰, 1901—1905 гг. — 8,3, 1906—1910 гг. — 8,6; в среднем — 8,5 ‰ [20, ф. 26, оп. 2, д. 1, л. 36—37; 24; 27, с. 10—31].

Данные за 1898—1910 гг. не показывают каких-либо значительных сдвигов и в распределении вступивших в брак по возрастным группам. Таким образом, показатели 1898 и 1910 гг. практически не изменились. Они свидетельствуют о том, что значительно преобладающая масса невест приходилась на возрастные группы до 25 лет (85—86 %), причем по отдельным годам колебания этого показателя были небольшими [6; 16, с. 7—73].

Кроме того, распределение по возрастным группам вступивших в брак отдельно для различного вида населенных пунктов: губернских городов, про-

чих городов и сельских местностей — показывает, что браки в более ранних возрастах особенно были распространены в селах. В возрасте 20 лет и моложе невест оказалось в губернских городах 35,5 %, в прочих городах — 43 %, в сельских местностях — 56,7 % от общего числа невест. Мужчины вступали в брак в городах в более старших возрастах. Так, в возрасте 26 лет и старше их оказалось в селах 30,7 %, в губернских городах — 52,1%, в прочих городах — 45,5 % от общего числа женихов [7; 9, с. 18].

Следующие подсчеты показывают лишь незначительное изменение в сторону некоторого «постарения» брачности у женщин России в 1898—1910 гг. Невесты в возрасте 20 лет и моложе в 1898 г. составляли 54,7 %, в 1910 г. — 56,4 %; в возрасте 21—25 лет — соответственно 31,7 и 28,9 %, 26—30 лет — 7,1 и 7,1 %, 30 лет и старше — 6,5 и 7,6 %. В целом, повторимся, эти данные свидетельствуют о том, что подавляющее большинство населения России в этот период жило в условиях традиционной брачности: 80—85 % браков заключалось женщинами в возрасте до 25 лет включительно, а если учесть только первые браки, то эта доля была более высокой [7; 20, ф. 26, оп. 1, д. 2, л. 18].

Итак, более половины всех невест имели возраст до 20 лет. При этом следует учесть, что в приведенные подсчеты входят и повторные браки. Если их исключить, то удельный вес младших возрастных групп будет еще более значительным. В некоторых губерниях, даже с учетом повторных браков, свыше $\frac{3}{4}$ всех невест были моложе 21 года. Именно возраст вступления в брак в ту пору в значительной степени определял уровень рождаемости, о чем говорилось выше.

Общий коэффициент брачности, рассчитанный для губерний России, показывает, что уровень брачности медленно снижался от рубежа столетий к 1911 г. — от 9—10 до 8 %, причем в городах это явление было более заметным, чем в селах. Понижение уровня брачности происходило за счет некоторого сокращения доли ранних браков (20 лет и ниже) при ее незначительном увеличении в следующей возрастной группе (21—25 лет). Как указывалось ранее, подобные изменения почти не отражались на уровне рождаемости. Более заметным сокращением доли ранних браков было в городах, в Северо-Западном и Центрально-Промышленном районах России [27, с. 10—31].

Тем не менее изменения в социальных нормах имели место, что, в частности, выражалось в постепенном увеличении числа разводов. Хотя высшие церковные власти обычно препятствовали разводам, но случалось (крайне редко), что приходской священник своей властью расторгал браки. Разводы, особенно в деревнях, вплоть до 1914 г. были большой редкостью. В 1912 г. число разводов среди православного населения составило всего 3,5 тыс., в 1913 г. — 3,8 тыс., причем львиная их доля приходилась на города [21, с. 35—40, 60, 123, 238—255]. Об этом наглядно свидетельствует принятый по настоянию общности в марте 1914 г. Закон о раздельном проживании супругов [8, с. 2].

Таким образом, в 1900-х гг. в России наблюдалась определенная тенденция к снижению уровня брачности, сокращению доли ранних браков и росту среднего возраста вступления в брак. Однако, за исключением городского населения ряда губерний, эти изменения происходили медленно. Справедливости ради надо отметить, что изменения социально-экономических институтов в

стране в конце XIX — начале XX в. были слишком незначительны, чтобы воздействовать на брачность, т. к. они требовали определенного времени.

Влияние Первой мировой войны на брачность проявилось прежде всего в уменьшении числа заключенных браков, вызванном мобилизацией мужчин и отчасти ухудшением экономических условий.

Обычно война в большей степени влияет на брачность сельского населения, чем городского. Для городов характерны концентрация военнотружущих, система брони для мужчин, работавших на военных предприятиях и в некоторых гражданских учреждениях. В селах же все мужские призывные возраста, за редким исключением, подлежали мобилизации. Например, изменение коэффициента брачности по Москве и Московской губернии накануне и в годы войны было следующим: в 1913 г. — соответственно 5,9 и 7,4 ‰, 1914 — 5,5 и 5,6 ‰, 1915 — 4,1 и 2,2 ‰, 1916 — 3,9 и 2,3 ‰. Количество нереализованных браков в России в годы войны оценивается в 1,7 млн. В целом по сокращению числа браков Россия занимала одно из ведущих мест среди воюющих государств. Если принять количество браков, заключенных в 1913 г. в 6 губерниях Европейской России, Петрограде и Москве, за 100 %, то в 1914 г. оно составило 85 %, 1915 — 46, 1916 — 44. В 1917 г. число браков увеличилось до 65 % [3, с. 43], видимо, из-за стихийно нарастающей демобилизации и прекратившихся со второй половины года наборов в армию, а также по причине возвращения раненых воинов домой, «прилива» беженцев и военнопленных, увеличения численности лиц, получивших броню.

Такое резкое повышение уровня брачности носило отчасти компенсаторный характер. Но в большей степени оно объяснялось введением полной свободы разводов и гражданского брака, а также коренными изменениями бытовых и хозяйственных условий жизни людей.

Библиографический список

1. Вестник общественной гигиены. 1904. № 9. 150 с.
2. Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству православного исповедания за 1913 г. Пг. : Изд-во канц. С. Синода, 1915. 290 с.
3. Горбунов А. В. Влияние мировой войны на движение населения Европы // Русский евгенистический журн. 1920. Т. 1, вып. 1. С. 40—55.
4. Движение населения в Европейской России за 1890—1898 гг. СПб. : Изд-во ЦСК МВД, 1900. 390 с.
5. Движение населения в Европейской России за 1890—1900 гг. СПб. : Изд-во ЦСК МВД, 1902. Вып. 33—62. 450 с.
6. Движение населения в Европейской России за 1898—1910 гг. СПб. : Изд-во ЦСК МВД, 1912. Вып. 56—93. 430 с.
7. Движение населения в Европейской России за 1900—1910 гг. СПб. : Изд-во ЦСК МВД, 1912. Вып. 63—93. 450 с.
8. Закон о раздельном жительстве супругов // Женское дело. 1914. № 8. С. 12—20.
9. Звонкова А. П. Современный брак и свадьба среди крестьян Тамбовской губернии // Сб. сведений для изучения быта сельского населения России. М. : Изд-во губернского статистического комитета, 1899. Вып. 1. С. 18—28.

10. *Ильинский Ф.* Русская свадьба в Белгородском уезде. Кременец : Изд-во губернского статистического комитета, 1893. 200 с.
11. *Куркин П. И.* Статистика движения населения в Московской губернии. М. : Изд-во ЦСК МВД, 1900. 280 с.
12. Материалы Высочайше учрежденной 16 ноября 1901 г. Комиссии по исследованию вопроса о движении с 1861 по 1900 г. благосостояния сельского населения среднеземледельческих губерний, сравнительно с другими местностями Европейской России. СПб. : Изд-во ЦСК МВД, 1903. 230 с.
13. *Миронов Б. Н.* Социальная история России периода империи (XVIII — нач. XX в.). СПб. : Блиц, 1999. Т. 1. 530 с.
14. *Миронов Б. Н.* Традиционное демографическое поведение крестьян в XIX — начале XX в. // Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР. М. : Наука, 1977. С. 80—95.
15. Население России в XX веке. М. : РОССПЭН, 2000. Т. 1. 425 с.
16. Население России за 100 лет. М. : Наука, 2000. 350 с.
17. *Новосельский С. А.* Обзор главнейших данных по демографии и санитарной статистике России. Пг. : Изд-во ЦСК МВД, 1916. 216 с.
18. *Новосельский С. А.* Обзор главнейших данных по демографической и санитарной статистике России // Календарь для врачей всех ведомств на 1916 г. Пг. : Изд-во ЦСК МВД, 1916. Ч. 2. С. 14—94.
19. Общий свод по империи. СПб. : Изд-во ЦСК МВД, 1900. Т. 1. 250 с.
20. Отдел рукописных фондов Института российской истории РАН.
21. Переписи населения Санкт-Петербурга 1890, 1900, 1910 гг. СПб. : Изд-во ЦСК МВД, 1892—1912. 1020 с.
22. *Покровский В. И.* Влияние колебаний урожая и хлебных цен на естественное движение населения // Влияние урожая и хлебных цен на некоторые стороны русского народного хозяйства. СПб. : Изд-во ЦСК МВД, 1897. Т. 2. С. 170—195.
23. Российский государственный исторический архив.
24. *Семевский В. И.* Домашний быт и нравы крестьян во второй половине XVIII в. // Устой. 1882. № 2. С. 50—72.
25. *Славянский К. Ф.* К изучению физиологических проявлений половой жизни женщины-крестьянки // Здоровье. 1894/1895. № 10. С. 209—229.
26. Статистика Российской империи : движение населения в Европейской России за 1900 год. СПб. : Изд-во ЦСК МВД, 1901. 250 с.
27. Статистический ежегодник России 1904—1910 гг. СПб. : Изд-во ЦСК МВД, 1905—1911. 310 с.
28. *Уипль Дж. Ч., Новосельский С. А.* Основы демографической и санитарной статистики. М. : Роскомстат, 1929. 310 с.
29. *Федоров А. В.* Закон о всеобщей воинской повинности 1874 г. и крестьянство // Исторические записки. М. : Наука, 1975. Т. 46. С. 165—195.
30. *Чупров А. И.* Динамика населения г. Москвы и Московской губернии. М. : Госстат, 1925. 350 с.

О. А. Николаенко

ГЕНДЕРНЫЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ ПАМЯТИ (На примере поляков юго-западных губерний Российской империи в конце XIX — начале XX в.)

Проблемы исторической памяти, ее особенности, динамика, воспроизводство становятся центральными для историков, которые являются одними из ее производителей. Однако память формируется не только и не столько историческими трудами, сколько собственным пережитым опытом, семейными преданиями, рассказами школьных учителей, государством, поддерживающим память об определенных событиях. Любое архитектурное сооружение, газетная статья, этнический фестиваль или художественная выставка прочно входят в наше сознание, трансформируя исторические образы, влияя на индивидуальную и преломляя коллективную память общественных групп.

Образы прошлого укореняются в нашем сознании подобно схемам, что является причиной существования стереотипов. Именно они затрудняют диалог, вызывают непонимание, иногда могут служить причиной массовых конфликтов. Сегодня историку предстоит пробиваться сквозь прочную стену исторических стереотипов к поиску того, что же послужило их источником. Для этого необходимо обратиться к истокам формирования представлений о прошлом, которые человек получает в детстве.

Одним из наиболее влиятельных социальных институтов формирования памяти является семья. А ведущей фигурой социализации человека в семье выступает женщина — мать, бабушка, сестра, няня. Благодаря этим женщинам человек получает знания о своем происхождении, истории своей семьи, рода, а далее о коллективной истории — группы, нации, государства. Память в ее «женском» измерении становится первичной памятью человека.

Значительное место семейная память занимает в обществах, лишенных государственности или проживающих в окружении иных этносов, испытывающих ограничения в доступе к коллективной памяти своей нации или класса. Именно в таких условиях формировалась память поляков, проживающих в юго-западных губерниях Российской империи. Испытывающие притеснения в культурной сфере, обучавшиеся в имперских учебных заведениях, только в семье или близком кругу соотечественников поляки черпали представления о прошлом своей родины.

Цель данного исследования — проанализировать стратегии формирования памяти в семье, роль женщин в конструировании национальной и культур-

---

© Николаенко О. А., 2012

Исследование выполнено при помощи Фонда поддержки польской науки Кассы им. Ю. Мянковского, предоставившего возможность работать в научных учреждениях Польши.

ной памяти. Для этого мы проанализируем влияние, оказываемое женщинами в польских семьях на формирование исторических представлений, опишем пути производства памяти и ее гендерные особенности. Ключевые события польской истории и их интерпретация в семейной памяти позволяют выявить травму и пути ее преодоления в национальной памяти.

Источниками для написания данной работы являются воспоминания поляков, проживавших в юго-западных губерниях Российской империи в конце XIX — начале XX в. Они открывают страницы семейной истории и позволяют увидеть гендерный аспект производства памяти. К исследованию были привлечены источники, находящиеся в архивах и библиотеках Польши, сгруппированные по территориальному признаку. Их многообразие позволило отобрать около тридцати нарративов, непосредственно задействованных в работе.

Особенность источниковой базы определила методологию исследования. В нарративах, представляющих собой иногда достаточно объемные книги, избирались определенные единицы текста, позволяющие судить о том, что в данный момент у автора формировались представления о прошлом. Нельзя сказать, что эти единицы анализа представляют собой определенные смысловые единицы, ведь зачастую никто целенаправленно не стремится познать прошлое. Однако упоминания о семейных вечерах и рассказанных в это время легендах, чтении определенных книг, праздновании каких-либо событий, традициях дома дают представление о путях формирования знаний о прошлом и о роли женщины в этом процессе.

Индивидуальная память человека, автора источника, в течение жизни встраивается в коллективную память — семьи, рода, группы, класса, этноса. В процессе перехода от индивидуальной к коллективной памяти происходит трансформация обеих. Быстротечная память поддается фильтрации, и в результате мы имеем только шаблоны, легко вписывающиеся в коллективные представления. Сложный процесс искривления индивидуальной памяти, а вместе с тем и деформация коллективной отсекает все, что не находит себе места в общей типовой схеме. Именно эти особенности необходимо учитывать при работе с источником.

Другим, не менее важным, фактором является социальная обусловленность памяти, а соответственно и нарратива как ее производителя [8, с. 44]. Используемые воспоминания были написаны в межвоенный период, когда Польша, восстановив независимость, становилась мощной европейской державой. То, что помнилось и что забывалось, зависело от господствующего дискурса. Из памяти вытеснялось то, что в обществе считалось неприкрытым, не представляющим ценности, одновременно преувеличенное значение придавалось тому, что ставилось в пример. Сохранение польскости и памяти о своем государстве было той осью, вокруг которой выстраивались названные нарративы.

Как известно, женская память более восприимчива, более эмоциональна. Сегодняшние исследования памяти и процесса запоминания доказали, что при одинаково хорошем воспроизводстве текстов женская память имеет свои особенности. Так, женщины вспоминают не только события, но и людей, принимавших в них участие, они сохраняют больше деталей, подробностей, конкретных фактов [3, 4]. В женских историях больше непрямо́й речи, т. е. рассказыва-

ется как бы об общепринятом, а не от имени автора, в них больше диалогов [10, p. 17]. В женских воспоминаниях большее место занимают рассказы о частной жизни с описаниями деталей и подробностей [5]. Именно эти особенности делают женские нарративы более ценными источниками, раскрывающими особенности формирования индивидуальной памяти.

Женское влияние на детей во многих польских дворянских семьях было доминирующим. Матери заботились не столько о детях, сколько об их воспитании. В источниках часто повторяются утверждения, что матери давали первоначальные представления о религии и музыке. В доме Е. Покрывницкого «религиозная мать приучала детей к вере», в домах Ю. Ивашкевича, С. Краузовой — давала первые уроки музыки [25, s. 32; 12, s. 17; 17, s. 29].

Именно католическая религия служила одним из базовых символов идентичности поляков. Уменьшение влияния католической церкви в начале XIX в. в связи с упрочением позиций православия в юго-западных губерниях воспринималось поляками как тяжелое испытание, требовавшее от них преданности своей вере. Поддержка католицизма стала одной из основных стратегий формирования польской нации в данном регионе, позволявшей не ассимилироваться с окружающим населением.

Если воспитанием детей занимались не матери, а источники представляют информацию и о таких случаях [7, s. 10], дети попадали под влияние нянечек или родственниц. В доме П. Подгорского после смерти матери детей воспитывала приглашенная родственница, а няни занимались детьми у Ю. Ивашкевича и А. Растворовского [24, s. 6; 12, s. 29; 27, s. 10].

Следующие воспоминания об общении с матерями касаются времяпровождения и совместной деятельности. Дети и взрослые совместно проводили вечера, музицировали, ставили спектакли, готовились к праздникам. И во всех этих мероприятиях ведущую роль также играли женщины.

Воспитание патриотического духа, которым гордятся авторы нарративов, является для них заслугой матерей. Мать В. Ласоцкого «не поддавалась модным французским влияниям и была примером патриотизма» [18, s. 9]. Отец С. Козариновой «был патриотом благодаря своей матери» [15, s. 41].

Что же служит для авторов источников основанием для таких утверждений? Прежде всего, это та роль, которую исполняли польские женщины в семье. Поскольку большинство авторов были выходцами из зажиточных дворянских семей, их матери не занимались производственной деятельностью. Они были озабочены организацией и благоустройством дома и семьи, но в основном не самостоятельно, а с помощью челяди. Дети, весь день бывшие на попечении нянечек, с матерями проводили свободное время. А. Павелчинская вспоминает, что, по рассказам ее деда, мать обучала его польским стихам, сохранению традиций [23, s. 102]. С историей и культурой Польши знакомили детей матери С. Краузовой и К. Скрынского [17, s. 29; 28, s. 4]. У Ю. Ивашкевича этим занималась старшая сестра, а у З. Подгорского — тетка, проживавшая в его доме [12, s. 29; 32, s. 44].

Польские женщины получали домашнее образование или же воспитывались в частных пансионах [11, 6]. Как правило, история Польши преподавалась в середине XIX в. в романтической традиции, а закреплялась в сознании попу-

лярной в дворянских домах литературой. М. Собаньская утверждает, что начала истории Польши включали изучение важнейших битв, жизни королей, выдающихся личностей [29, s. 28]. В такой версии события польской истории, далекой и потерянной Родины окружались ореолом героизма и ностальгии.

Следовательно, именно женщины сквозь призму своей идентичности формировали память о прошлом. Конечно, так выстраивалась индивидуальная память, которая в процессе социализации трансформировалась в память коллективную. Но именно знание, заложенное в первые годы жизни, остается наиболее ярким и цепким.

Следующим важным фактором формирования памяти, кроме первых детских впечатлений от материнских рассказов, является книга. Образы прошлого, воссозданные автором литературного произведения, навсегда обосновываются в памяти, заставляя переживать прошлое путем акта припоминания и творческого воображения.

Если значительная роль матери в становлении национального самосознания предстает практически во всех источниках, то о книгах встречаются различные мнения. В домах М. Лажинского, Ю. Дыяковской, К. Скрынского было много книг, востребованных семьей [19, s. 14; 9, s. 12; 30, s. 4]. В воспоминаниях предстает разная литература: у М. Лажинского две любимые книги — «Робинзон Крузо» и «История Польши», К. Скрынский помнит в библиотеке матери произведения Б. Пруса, Э. Ожешко, Г. Сенкевича. М. Лоскевич в своих воспоминаниях утверждает, что его любимым занятием в детстве было чтение исторических книг [21, s. 7].

Противоположные впечатления о библиотеках встречаем в воспоминаниях М. Ивашкевичевой. Она пишет, что польских книг у жителей городков не было. Только богатые люди давали деньги на приобретение книг для обучения польских детей [13, s. 40]. Вероятно, польская обедневшая шляхта, в кругу которой воспитывалась девушка, не могла себе позволить покупать или выписывать книги.

Еще одно мнение о книжной культуре польского дворянства высказано в воспоминаниях Ю. Крашевского. Он пишет, что в польских домах много книг, ибо домашние библиотеки в моде, хотя их собственники не нуждаются в чтении и книги покрываются пылью [16]. Вообще, данное высказывание вполне соответствует духу самих воспоминаний, в которых польская шляхта обвиняется в легкомыслии, лени, бездеятельности и тому подобных грехах. Следует отметить, что эти воспоминания написаны в середине XIX в., поэтому их с оговоркой можно спроецировать на рубеж веков. Однако симптоматичными являются сами мемуары, выбивающиеся из общей канвы. Их оригинальность свидетельствует о шаблонности и схематичности написания нарративов, об определенной традиции, которой придерживались авторы воспоминаний, на самом деле не отражающих реальной ситуации.

Как известно, память передается не только через семейное воспитание и книги, но также через сохранение и воспроизведение определенных ритуалов, имеющих в сознании ребенка значительность и приобщенность к коллективной памяти. Такими ритуалами были семейные любительские театральные спектакли. Иногда проигрывались только небольшие сценки из пьес, иногда вос-

производились «живые картинки» — сценки из литературных произведений, захватывающие участников подготовкой сцены, костюмов и др. Эти забавы были частью семейного досуга, позволявшей оживить литературные и исторические образы, сделать их ближе и доступнее. Но в этих действиях также угадывается путь упрощения истории, ее превращение в сувенир или живой маскарад. Прошлое становилось лишь игрой, так не похожей на назидательное *Historia magistra vitae*.

Однако иногда ритуалы получают в описании авторов воспоминаний значительность в связи с ценностью их исполнения взрослыми. Так, у М. Ивашкевичевой находим воспоминание о том, что при посещении костела Св. Александра в Киеве отец всегда облачался в мундир [13, s. 72]. Нахождение среди «своих» требовало специальной формы, которая бы подчеркивала твое место в социальной иерархии, являлась репрезентацией представлений своей идентичности [1]. Равенство перед Богом, проповедуемое церковью, не всегда совпадало с классовой идентичностью, которая формировалась не только осознанием владения «средствами производства», но и влиянием представлений о заслугах предков. Монополия на память дифференцировала общество, позволяя занимать властные позиции в нем.

Власть над памятью и прошлым репрезентовали не только мужчины, но и женщины. Известно, что после разгрома Январского восстания женщины надели черные платья в знак траура, а также чугунные украшения, демонстрировавшие передачу драгоценностей на нужды повстанцев. Именно такие образы женщин мы увидим на картинах Я. Матейко или А. Гротгерга. Соответственно визуальные образы: одежда матери, картины на стене, отцовский парадный мундир, костюмы из кладовой для «живых сенок» и спектаклей — также формировали индивидуальную память. Такая репрезентация имела символическую природу и часто навевала стереотипные образы и представления о прошлом. Фактически налицо становление современного отношения к исторической памяти, представляющей собой сувенир, подделку, китч, пародию на прошлое [7].

В коллективной памяти, формирующейся посредством социализации личности, соблюдения ритуалов, книжной культуры, необходимо выявить и ключевые моменты, подвергшиеся забвению. Трагедией для польского населения стал разгром национально-освободительных восстаний. Особенно чувствительным оказалось поражение Январского восстания, приведшего к «отрезвлению» польского общества и появлению идеологии позитивизма и «реальной политики». Память о восстании сохранялась во многих польских домах, поэтому важно проследить, что и как оставалось в ней, а что подвергалось коллективной амнезии.

Поражение восстания можно считать поворотным моментом в польской истории. Как считает Я. Зерубавель, такие поворотные моменты, будучи глубоко символическими, являются наиболее противоречивыми в связи с их пограничной природой — уходом от прошлого и вступлением в новую эру [2]. Несущие ощущение приобщения к святыне, они очень скоро приобретают мифическую сущность и сохраняют сакральное значение. Но их внутренняя противоречивость определяет и разнообразие политик памяти по отношению к ним.

Следует сказать, что о восстании говорится мельком лишь в нескольких нарративах, которые дают представление о том, каким образом сохранялась

память о борьбе поляков за независимость Родины. Столь малая репрезентация ключевого события истории может служить свидетельством различных политик памяти. Первое, что приходит на ум, — это стратегия коллективной амнезии, забвения. Многочисленные репрессии и притеснения, переселения и экономическое давление настолько сильно ударили по сознанию поляков, что восстание стало коллективной травмой. Путь преодоления травмы долг и труден, и легче всего на определенном этапе ее просто забыть.

Если варшавские позитивисты призывали извлечь уроки из прошлого и вместо апатии и уныния вернуться к созидательному «органическому труду», то массовое сознание жителей юго-западных губерний предпочитало вычеркнуть восстание из памяти.

Вполне вероятно также, что авторы нарративов не до конца определили свое отношение к восстанию. Долгие годы замалчивания сделали данное событие маргинальным в памяти поляков, проживающих в украинских губерниях. Политика примирения с господствующей державой, демонстрируемая поляками этого региона в конце XIX — начале XX в., вытеснила из памяти события, мешавшие достигнуть подлинного компромисса, а потому они отодвигались на периферию сознания.

Нарративы, которые содержат упоминания о восстании, показывают, насколько значимым оно было в судьбах поляков. Так, З. Подгорский пишет, что «дети в доме воспитывались в традициях восстаний», и это означало, что в доме у бабушки постоянно гостили ссыльные, возвращавшиеся в родные места [32, s. 44]. Отец Е. Липинского составил картотеку, куда вносил всех участников восстания, возвращавшихся домой [20, s. 15]. Как утверждает автор, делал он это под влиянием тех патриотических идей, которые были присущи всем польским дворянам края.

В воспоминаниях Ю. Дыяковской восстание также носит характер утраты. Ее бабушка «после конфискации имущества, земель и имения, жила в городе в своем собственном доме». «О восстании, — продолжает она, — не говорили вслух, а только шепотом» [9, s. 15]. М. Лажинский пишет, что «повстанцы в рассказах — богатыри» [19, s. 10].

Названные свидетельства демонстрируют двойственную политику памяти в отношении восстания. С одной стороны, о нем умалчивается. С другой — то, как говорится и что говорится, подтверждает значительность данного события в коллективном сознании. Замалчивание связано с зависимым положением Польши и господствующим имперским дискурсом, но те немногочисленные упоминания, которые проскальзывают в нарративах, определяют значимость семейной памяти в сохранении событий прошлого. Такая семейная память была контрпамятью, не вписывающейся в рамки официального дискурса о «польских инсургентах». Однако из-за немногочисленности упоминаний о восстании трудно установить гендерные особенности стратегий памяти и забвения.

Чем же было продиктовано стремление женщин сохранить и передать детям память о прошлом, и не только своем или семейном, но и национальном? Н. Ювал-Дэвис указывает несколько функций, приписываемых женщинам в патриархальном обществе: биологическое, культурное, символическое воспроизводство нации [33]. Кроме общепринятых ожиданий исполнения биологиче-

ской роли матери, от женщины также ожидали и воспитания детей, верных своей религии, нации, группе. В отсутствие национального государства именно семейная память, носителем и транслятором которой становились женщины, была той опорой, которая позволяла полякам стремиться к независимости своей Родины и в итоге добиться ее.

Понимали ли женщины свою роль в национально-государственном проекте? Нарративы, даже женские, не дают ответа на этот вопрос. Написанные в виде воспоминаний о детстве, они передают лишь опыт и взгляд ребенка, но не женщины-матери. Однако в передаче коллективной памяти видят предназначение матери большинство авторов. В. Велхорский считает, что семейное воспитание стало панацеей при отсутствии польских школ [31]. С. Шимановская, Е. Мошинский, М. Яловецкий и другие считают именно семью, дворянский двор охранителем польскости [30, 22, 14].

Интересным замечанием по этому поводу является видение роли женщины в сохранении коллективной памяти в одном из нарративов. Вероятно, следует воспроизвести цитату целиком, чтобы почувствовать интонацию текста: «Дом — твердь польскости. Задача матери — опровержение того, что в учебниках, обучение литературе, языку, истории». И далее: «Необходимо было сохранить польский дух. Русификация рождала противостояние. На борьбу вставала прежде всего польская семья — воспитание, религиозность, литература» [26, s. 72, 100]. Национальное воспитание здесь подается как главное предназначение женщины, которое она должна исполнить.

Намного ли самосознание польской женщины отличалось от представленного в нарративах, сегодня невозможно установить. Вероятно, что не все принимали на себя роль культурного воспроизводителя нации и репрезентанта коллективной памяти, хотя сконструированные и навязанные обществом стереотипы бытовали на практике.

Ситуация конца XIX — начала XX в. показывает зарождение новых идеологий — националистической и революционной. Кроме известных в историографии причин их становления, до сих пор не раскрытым остается вопрос, как при общей политике забвения национального прошлого, при господствующем реалистическо-рациональном мировоззрении капиталистического общества поляки умудрились не забыть историю своего народа и стремились к восстановлению государства. Будет уместным считать, что решающей фигурой сохранения памяти о национальном прошлом, объединявшем поляков Российской империи, даже если проживали они в Петербурге или Виннице, была польская женщина.

Мало влияя на официальную политику памяти или же на представления о прошлом, которые конструировались историками, женщины сохраняли семейную память и передавали ее последующим поколениям. Занимая в целом подчиненное положение в среде институтов формирования памяти, семья оказывалась в действительности той доминирующей структурой, которая сохраняла и воспроизводила альтернативную память. Именно эта альтернативная память помогла в начале XX в. объединить польское общество вокруг идеи независимого государства. Незаметной и вычеркнутой господствующим патриархатным дискурсом, обойденной историей оказалась личность женщины, сберегшей эту коллективную память нации.

Библиографический список

1. *Бурдые П.* Идентичность и репрезентация : элементы критической рефлексии идеи «региона» // *Ab imperio*. 2002. № 3. URL: <http://abimperio.net/cgi-bin/aishow.pl?state=contents&idlang=2> (дата обращения: 07.03.2012).
2. *Зерубавель Я.* Динамика коллективной памяти // *Ibid*. 2004. № 3. URL: <http://abimperio.net/cgi-bin/aishow.pl?state=showa&idart=1041&idlang=2> (дата обращения: 22.03.2012).
3. *Иванова Е. Ф.* О гендерных особенностях памяти // *Гендер. исслед.* 1999. № 2. С. 242—252.
4. *Иванова Е. Ф.* Память об исторических событиях : (на материале Холокоста) : гендерный аспект // *Социальная история. Женская и гендерная история*. М. : Невский простор, 2003. С. 217—234.
5. *Мещеркина Е. Ю.* Структура женской биографии в отличие от мужской // *Устная история и биография : женский взгляд*. М. : Невский простор, 2004. С. 221—253.
6. *Николаенко О.* Жіноча освіта в середовищі польського населення південно-західних губерній Російської імперії в 60-х рр. XIX — початку XX ст. // *Історичний архів*. 2008. В. 2. С. 138—146.
7. Размышления о памяти, империи и нации : круглый стол (Т. Джадт. «“Места памяти” П. Нора. Чьи места? Чья память?», М. Лоскутова. «О памяти, зрительных образах, устной истории и не только») // *Ab imperio*. 2004. № 1. URL: <http://abimperio.net/cgi-bin/aishow.pl?idlang=2&state=shown&idnumb=33> (дата обращения: 15.03.2012).
8. *Репина Л. П.* Историческая память и современная историография // *Новая и новейшая история*. 2004. № 5. С. 39—51.
9. *Dyakowska J.* Wspomnienia // *Biblioteka Zakładu Narodowego im. Ossolińskich we Wrocławiu*. Sygn. 15 375.
10. *Ely R., McCabe A.* Gender differences in memories for speech // *Gender and Memory*. Oxford : Oxford university press, 1996. P. 17—30.
11. *Epsztejn T.* Edukacja dzieci i młodzieży w polskich rodzinach ziemiańskich na Wołyniu, Podolu i Ukrainie w II połowie XIX wieku. Warszawa : DiG, 1998. 233 s.
12. *Iwaszkiewicz J.* Książka moich wspomnień. Kraków, 1957.
13. *Iwaszkiewiczowa M.* Wspomnienia // *Biblioteka Zakładu Narodowego im. Ossolińskich we Wrocławiu*. Sygn. 13 173.
14. *Jalowiecki M.* W słońcy // *Pamiętnik Kijowski*. Londyn, 1963. Т. 2. S. 243—284.
15. *Kozarynowa Z.* Sto lat gawęda o kulturze środowiska. Wrocław : Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1992. 325 s.
16. *Kraszewski J. I.* Wspomnienia Wołynia, Polesia i Litwy. Warszawa : Wydawnictwo LSW, 1985. 212 s.
17. *Krauzowa Z.* Rzeki mojego życia. Kraków : Wydawnictwo Literackie, 1979. 290 s.
18. *Lasocki W.* Pamiętniki mojego życia. Kraków : Gmina Stoł. Król. Miasta Krakowa, 1933. Т. 1. 495 s.
19. *Łazynski M.* Sto lat bez mała : wspomnienia lekarza y lat 1869—1956. Warszawa : PZWL, 1961. 320 s.
20. *Lipinski E.* Pamiętniki. Warszawa : PWN, 1950.
21. *Łoskiewicz-Paszkowicz M.* Wspomnienia // *Biblioteka Zakładu Narodowego im. Ossolińskich we Wrocławiu*. Sygn. 15 518.
22. *Moszyński E. i K.* Szkice i wspomnienia z ziemi Owruckiej na Wołyniu // *Pamiętnik Kijowski*. Т. 2. S. 217—232.
23. *Pawelczyńska A.* Koniec kresowego świata. Lublin : Wydawnictwo TEST, 2003. 418 s.

24. *Podchorski P.* Moje wspomnienia // Biblioteka Zakładu Narodowego im. Ossolińskich we Wrocławiu. Sygn. 15 657.
25. *Pokrzywnicki E. J.* Zywoty i sprawy // Ibid. Sygn. 15 415.
26. *Rodowicz W., Rodowiczowa S., z Rodowiczow Iwanicka Z.* Tryptyk rodzinny. Dzieje rodziny Rodowiczów. Warszawa : Państwowy Instytut Wydawniczy, 1999. 462 s.
27. *Rostworowski A.* Ziemia, której już nie zobaczysz : wspomnienia kresowe. Warszawa : Czytelnik, 2001. 502 s.
28. *Skrzyński K.* Wspomnienia z lat 1891—1917 // Biblioteka Zakładu Narodowego im. Ossolińskich we Wrocławiu. Sygn. 15 585.
29. *Sobanska z Grocholskich M.* Wspominki nikle. Grodzick Mazowiecki : Primum, 2002.
30. *Szymanowska Z.* Opowieść o naszym domu. Warszawa : Polskie Wydawnictwo Muzyczne, 1977.
31. *Wielhorski W.* Firma Leon Idzikowski w Kijowie // Pamiętnik Kijowski. T. 2. S. 215—216.
32. Wspomnienia generała Z. Podhorskiego // Ibid. Londyn, 1980. T. 4. S. 39—88.
33. *Yuval-Davis N., Anthias F.* Women — Nation — State. London : Sage Publication, 1986.

ББК 63.3(2)53-284.4

Е. Н. Меньшикова

**АНАЛИЗ «ВЫДАЮЩИХСЯ ЧЕРТ»
ИСТОРИЧЕСКОГО ОБЛИКА ЖЕНЩИНЫ-КУПЧИХИ
ПРОВИНЦИАЛЬНОЙ РОССИИ В 60—90-е гг. XIX в.
(На примере купеческого семейства Гладковых
из Курской губернии)**

В современной отечественной историографии при всем многообразии проблематики, составляющей предметное поле истории русского купечества¹,

---

© Меньшикова Е. Н., 2012

Исследование выполнено при частичной финансовой поддержке Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009—2013 гг. (государственный контракт № 16740110545 от 23 мая 2011 г.).

¹ На сегодняшний день в научном дискурсе, связанном с историей российского купеческого сословия, сложилась определенная модель изучения истории как столичного, так и провинциального купечества. Она включает в себя ряд следующих проблем: состав и источники пополнения купеческого сословия, предпринимательская деятельность купечества, процесс формирования купеческого капитала, участие в структурах городского управления, в политических партиях (после октября 1905 г.), благотворительность купечества, демографические характеристики купеческой семьи (людность, брачно-возрастные особенности, структура), особенности купеческого быта и материальной культуры. Однако по-прежнему преобладают научные работы с андроцентричным подходом к исследованию. Оторваться от ставших традиционными вопросов и сфокусировать внимание на женщинах, той части купечества, которая численно преобладала на всем протяжении пореформенного периода в Курской губернии, — цель, которую преследовал автор в настоящей статье.

по-прежнему мало работ комплексного характера (применительно к провинциальному купечеству они вообще единичны), отражающих «женскую историю» этого сословия в целом, и особенно в переломные для российской истории эпохи (например, в пореформенный период — 60—90-е гг. XIX в.) [5, 4, 12]. Между тем изучение на микроисторическом уровне проблемы трансформации жизненных практик женщин купеческого сословия под влиянием модернизационных процессов в Российской империи 60—90-х гг. XIX в. чрезвычайно важно, поскольку позволяет существенно изменить стереотипное восприятие «женского мира» провинциального купеческого сословия как замкнутого, жестко иерархичного, пространство которого якобы исключало нестандартное поведение женщин, замыкалось только лишь на частной жизни.

Хотя в 60—90-х гг. XIX столетия купеческое общество Курской губернии в основной массе по-прежнему жило «патриархально, замкнуто и со всевозможными приличиями» [6, с. 24], в нем находилось немало женщин, которые более или менее регулярно отказывались следовать по традиционно предназначенному им обществом пути. Персонификацию подобного исторического типажа можно с высокой долей уверенности увидеть в представительницах двух поколений купеческого семейства Гладковых, Аграфене Алексеевне Гладковой и Марии Ивановне Слатиной (в девичестве Гладковой).

Семья купца второй гильдии, потомственного почетного гражданина Ивана Васильевича Гладкова относилась к высшему кругу курского купечества благодаря своему финансовому положению (Гладковы являлись крупными домовладельцами в городе Курске; специализировались в основном на оптовой торговле сукнами, но не пренебрегали и другими сферами предпринимательства — торговлей хлебом, продуктами питания), общественной активности (в частности, И. В. Гладков одно время возглавлял Курскую городскую думу) и благотворительности. Поэтому жизненный опыт второй жены И. В. Гладкова — Аграфены Алексеевны и его дочери Марии Ивановны Слатиной можно распространять исключительно на представительниц их круга. Но и эта возможность выглядит неоценимой в силу ограниченного количества источников, отражающих жизненную практику обыкновенных женщин купеческого сословия провинциальной России, ничем в традиционном смысле не знаменитых. Действительно, выявить «женский след» в истории провинциального купечества непросто, поскольку сохранившиеся в региональных архивах источники, которые открывают живую женскую историю, проблемы и заботы женщин-купчих, свидетельствуют об изменении исторического облика, социально-психологических установок, — не массовые, а собственноручно написанные женщинами-купчихами — вообще единичны. Следует учитывать и то обстоятельство, что наиболее интимные источники, доступные для исследования, такие, как письма или дневники, автобиографические сочинения, сохранившиеся до наших дней, в своем большинстве отражают жизнь элитарной части купечества, в основном населявшей губернские города. Подавляющее же число представителей купеческого сословия Курской губернии в 60—90-х гг. XIX в. не оставили после себя таких документов. В этой связи видится большой исследовательской удачей возможность работать с многочисленными личными документами купеческого семейства Гладковых. Они хранятся в личном фонде

И. В. Гладкова в Государственном архиве Курской области, а также в Курском государственном областном краеведческом музее.

Указанные материалы ценны, во-первых, тем, что включают в себя документы, составляющие семейный архив, который собирался на протяжении длительного времени — с 40-х по 70-е гг. XIX столетия. Во-вторых, они содержат внушительное собрание частных писем, написанных разными поколениями женщин семьи Гладковых. Интересно и то, что в фондах хранится большая коллекция приглашений на разные официальные и частные мероприятия. Эти мероприятия устраивались знакомыми семьи, а также первыми лицами Курска — губернатором, купеческим обществом во главе с городским головой, предводителем губернского дворянства, учредителями Курского благотворительного общества и другими. Данная коллекция приглашений, датированных 50—70-ми гг. XIX в., с основательностью позволяет нарисовать картину присутствия женщины в публичной сфере жизни богатого купеческого семейства. Само обстоятельство собирательства и более чем двадцатипятилетнего хранения приглашений, наряду с другими личными документами, указывает на осознанное желание Гладковых оставить после себя семейный архив, которое, надо предполагать, было рождено одновременно с упрочившимся в пореформенный период купеческим самосознанием.

Одна из героинь настоящей статьи, Аграфена Алексеевна Гладкова, как было замечено выше, являлась второй женой Ивана Васильевича Гладкова, матерью двух сыновей (Василия, Ивана) и пяти дочерей (Надежды, Марии, Раисы, Елизаветы, Варвары) [1, д. 1, л. 1]. Аграфена Гладкова предстает перед нами как женщина, чья повседневная жизнь была наполнена мелочными, ежедневно возобновляющимися хлопотами о домашнем хозяйстве, разнообразными торговыми делами, заботами матери и бабки, а также как активная участница светской жизни Курска. Материалы личного архива Гладковых помогают реконструировать многие аспекты жизненной практики Аграфены Алексеевны: показывают многогранность хозяйственных забот, в том числе демонстрируют эволюцию деловых интересов представительницы одной из влиятельнейших фамилий в купеческом мире Курской губернии; освещают скрытую от внешнего мира психоэмоциональную сферу жизни женщины в семье в целом и супружеских отношений в частности; наконец, раскрывают характерные черты ее ментальности сквозь призму пореформенного слома традиционного мировоззрения.

Судя по многолетней деловой переписке Аграфены Алексеевны, текстам разнообразных торговых контрактов и арендных договоров, на протяжении 40—70 гг. XIX в. ее деловые интересы распространялись далеко за пределы семейного бизнеса Гладковых. Документы свидетельствуют о широкой географии и разнообразии личного бизнеса этой купчихи, о значительных размерах оборотов ее торговли.

Помимо занятия семейным бизнесом — торговли так называемым красным товаром, Аграфена Алексеевна Гладкова активно занималась самостоятельным торговым делом² [11]. Она вела крупную оптовую торговлю. Прежде

---

² В соответствии с Торговым уставом, регламентировавшим наряду с Кредитным уставом все условия торговой деятельности в России, к «родам торговых действий»

всего во время знаменитой Коренной ярмарки, в областях, традиционно представляющих собой поле острого конкурентного соперничества среди купцов-мужчин. Источники указывают на существование у А. А. Гладковой группы представителей ее торговых интересов. Например, на Коренной ярмарке в июне 1846 г. суджанский купец И. И. Богомазов через маклеров продал Гладковой топленое баранье сало первого сорта, имевшее характеристики высококачественного товара: «сало вытопленное и без тяжелого запаха, без всякой подмеси других сортов», в количестве 300 пудов, на сумму 720 руб. (цена одного пуда — 2 руб. 40 коп.). Проданное сало Богомазов обязывался доставить Аграфене Алексеевне в Курск спустя некоторое время, в октябре-ноябре, в своих собственных бочках [1, д. 24, л. 8]. Еще одна сделка, совершенная на Коренной ярмарке в то же время представителями Гладковой, заключалась в покупке крупной партии «превосходного» мела, добытого в Белгородском уезде [1, д. 24, л. 9].

А. А. Гладкова в течение многих лет (по архивным данным с 1848 по 1871 г.) получала дополнительный доход, занимаясь сдачей в аренду торговых помещений под различные лавки, магазины, склады; жилых площадей в так называемых доходных домах — для долговременного проживания в городе представителей различных состояний. Конкретно — она сдавала в аренду лично принадлежащие ей лавки, находившиеся во 2-й части города Курска, на углу Пушной линии и Московской улицы. Согласно условиям контракта, наниматели лавок купчихи Гладковой были обязаны соблюдать следующие условия: исправно выплачивать арендные платежи, «содержать караул, очищать мостовую напротив лавки, в торжественные дни освещать лавку плашками» [1, д. 24, л. 1]. Надо заметить, только сдача одной из лавок курскому купцу В. П. Полевому сроком на один год с 15 июля 1868 г. принесла Аграфене Алексеевне доход в сумме 135 руб. серебром [там же].

Имевшиеся «свободные» капиталы Аграфена Гладкова охотно пускала в оборот. Она давала деньги в долг под проценты, под залог недвижимого имущества, помещала в банки на «вечное хранение» с правом пользования процентами, вкладывала в государственные ценные бумаги. Аграфена Алексеевна предпочитала вкладывать деньги в билеты Московского опекунского совета, Государственного коммерческого банка, городских губернских банков и др.

Операции с денежными капиталами приносили А. А. Гладковой внушительную прибыль. Но подобного рода деятельность, как известно, была сопряжена с серьезным риском. Особенно когда деньги давались в долг под проценты, под залог недвижимого имущества: здесь грозила опасность потери одолженных денег. В этих случаях приходилось прибегать к помощи властных институтов. Многочисленные подтверждения этому находятся в объявлениях газеты «Курские губернские ведомости» о судебных разбирательствах дел по взысканию долгов и просроченных закладных. Например, в 1865 г. Конкурсное управление по

относились такие области, как комиссионные и маклерские дела, банковские операции, содержание магазинов, амбаров, складов, лавок, погребов, заводов, трактиров, гостиниц, ресторанов, постоялых домов, питейных домов, харчевен, рыбных садков, бань, размен денег, вступление в казенные подряды и откупа.

делам несостоятельных по Курской губернии известило почетную гражданку Аграфену Алексеевну Гладкову о взыскании в ее пользу с купца Матвея Антимонова 900 руб. «вследствие невозможности платить по векселю» добровольно [3].

Разумеется, наряду с построением самостоятельной «бизнес-карьеры» Аграфена Алексеевна Гладкова была чрезвычайно заинтересована в успехе семейных торговых дел. Эта заинтересованность отражается в переписке с мужем — Иваном Васильевичем Гладковым. В письмах супругов читается ее способность быть сотрудницей, «умной подругой, чей совет дорог, чьего совета надо спросить и чьему совету нередко следуют» (цит. по: [9, с. 85]) — характеристика, во многом типичная для женщины-купчихи исследуемого периода.

Судя по имеющимся документам, публичная жизнь Аграфены Алексеевны Гладковой не ограничивалась деловой сферой, но была заполнена участием в мероприятиях, обязательных для занимаемого ее семейством социального положения. Особенно значимым для купечества, как верноподданного сословия правящей династии, было присутствие на встречах в Курске особ императорской фамилии, а также на вечерах, организованных в их честь. Именно на такого рода мероприятиях присутствовало семейство Гладковых 8 октября 1863 г., когда предводитель дворянства и городской голова давали бал в зале Дворянского собрания, устраивавшийся «дворянством и купечеством Курской губернии Его Императорскому Высочеству Государю Наследнику Цесаревичу Николаю Александровичу» [1, д. 30, л. 5], и 10 ноября 1863 г. при поднесении хлеба и соли Государыне Императрице в доме городского головы [1, д. 30, л. 9].

В полной мере удовлетворить свои верноподданнические чувства купеческая чета Гладковых смогла 14 сентября 1873 г. при встрече самого Государя Императора Александра II за Московскими воротами Курска и поднесении ему хлеба и соли [1, д. 30, л. 24].

Целый блок приглашений, адресованных семейству Гладковых, свидетельствует о регулярных контактах с представителями «высшего света» Курска. Так, в январе 1863 г. Гладковы присутствовали на обеде, который был устроен в зале Дворянского собрания курским городским головой и купеческим обществом в честь начальника губернии генерал-майора В. И. Дена [1, д. 28, л. 7], а 14 июня 1863 г. поздравляли его с днем ангела [1, д. 28, л. 4]. 7 февраля 1863 г. семья Гладковых была приглашена на бал, дававшийся в зале Дворянского собрания в честь супруги губернатора, Ее превосходительства Анны Алексеевны Ден [1, д. 28, л. 3]. А в первый день нового, 1866 г. после обедни в Знаменском монастыре Курска Гладковы отправились поздравлять губернатора с Новым годом [1, д. 28, л. 10].

Посещения женщинами из купеческих семей подобных мероприятий, носящих официальный характер, оговаривались в приглашениях специальным образом: или пометкой «с семейством», или, например, как в случае с приглашением Гладковых на обед, дававшийся в зале Дворянского собрания 15 июля 1876 г. гражданами Курска в честь городского головы Прокопия Адриановича Устимовича [1, д. 31, л. 11]. В нижней части приглашения стояла фраза: «Семейства присутствующих в обеде лиц могут быть на хорах».

Купеческая жена Аграфена Гладкова проводила и не зависящую от мужа общественную работу. Она являлась членом комитета и деятельной участницей

Курского благотворительного общества, заседания которого систематически проходили в губернаторском доме под патронатом губернаторши. Так, 20 мая 1874 г. состоялось очередное собрание общества. В официальной повестке дня стояли два вопроса: рассмотрение отчета за минувший год и выборы председательницы общества, участковых попечительниц и членов комитета [1, д. 31, л. 4].

Аграфена Алексеевна принимала участие в работе благотворительного общества по разным направлениям его деятельности. Например, при содействии общества и поддержке «всего курского купечества в лице городского головы П. А. Устимовича» 13 января 1875 г. проводилось «молебствие, имеющее быть по случаю освящения» нового городского общественного дома [1, д. 31, л. 6].

1 декабря этого же года было открыто городское образцовое училище имени Его Императорского Высочества Государя Наследника Цесаревича, после чего городской голова Устимович пригласил всех на пирог [1, д. 31, л. 8].

В 1878 г. благотворительное общество вместе с курским педагогическим комитетом устраивали литературно-музыкальный вечер. Собранные на этом вечере средства пошли «на приобретение рождественских подарков для воинов Курского гарнизона, находящихся на театрах военных действий» [1, д. 31, л. 10].

Нередко Курское благотворительное общество принимало участие в организации различных городских гуляний по случаю праздников. Так, 1 мая 1850 г. на Пасху на средства купечества были устроены массовые гулянья. Вот как позже они были описаны местной прессой: «Первое мая, встреча весны, праздновано было в роскошном Лазаретном саду, где все аллеи были наполнены гулявшею публикою. Это гулянье было устроено купечеством. Хоры музыкантов и песенников, попеременно исполнявших любимые танцевальные пьесы и народные песни, прекрасный фейерверк, продолжавшийся около часа, и роскошное угощение в ротонде много содействовали общей веселости» [7, с. 45]. На этом празднике присутствовали и члены семьи Гладковых, равно как и на «открытии Весны» в Лазаретном саду 1 мая 1862 г. [1, д. 30, л. 1].

Открытость образа жизни купеческой женщины — Аграфены Гладковой в исследуемый период проявлялась и в частом общении с представителями своего сословия не только Курска, но и других городов губернии. Обращение к имеющимся в распоряжении приглашениям дает возможность проследить личные контакты семейства Гладковых внутри своего сословия. Вместе с супругом Аграфена Гладкова нередко приглашалась на частные мероприятия, устраивавшиеся их друзьями или деловыми партнерами по случаю каких-либо важных событий: дней рождения, юбилеев, помолвок, свадеб, похорон и поминовений усопших. Например, 5 февраля 1862 г. Иван Васильевич Гладков с семейством были приглашены «на бал и вечерний стол по случаю бракосочетания» дочери купца Чернова Екатерины Васильевны с Федором Ивановичем Волчанским [1, д. 28, л. 2]. А 16 августа 1865 г. Гладковы отправились в Белгород в собственный дом купчихи Александры Николаевны Гуслевой, чтобы присутствовать на балу по случаю свадьбы ее внука и сына купца Павла Николаевича Слатина — Николая Павловича Слатина с девицей Екатериной Дягилевой [1, д. 28, л. 11].

Через десять дней, 27 августа 1865 г., чета Гладковых была приглашена купцом П. М. Сыромятниковым (крупнейшим в губернии скупщиком пеньки) в свой дом на вечер и ужин по случаю помолвки его дочери Марии с

А. Ф. Мальцовым [1, д. 28, л. 23]. В октябре того же года Гладковы присутствовали на балу и «вечернем столе» в честь бракосочетания сына в купеческом доме Анны Ивановны Голиковой [1, д. 28, л. 24].

Интересным выглядит и приглашение купцом Андреем Клеменко семьи Гладковых «на пиры» по случаю дня его ангела, 4 июля 1865 г. [1, д. 28, л. 22].

Проявить почтительное отношение к представителям своей корпорации семейство Гладковых могло, посещая похоронные мероприятия. В декабре 1861 г. Гладковы получили такое приглашение: «Семья Апальковых с душевным прискорбием извещают о кончине <...> дражайшей невестки, незабвенной супруги Анны Николаевны, последовавшей 20-го числа сего декабря 1861 года, покорнейше просят пожаловать на вынос тела 22 декабря в 3 часа пополудню в церковь Святого Ильи Пророка, 23 числа в 9 часов для выслушивания Божественной литургии и на отпевание, имеющее быть на Московском кладбище, оттуда в дом их на обеденный стол в 12 часов» [1, д. 28, л. 1]. В феврале 1862 г. купец Тюпин приглашал Гладковых на Божественную литургию и панихиду по случаю двухгодичного поминовения супруги и 40-дневного поминовения сына в Смоленскую церковь, по окончании которых — к нему в дом на поминальный обед [1, д. 28, л. 5].

Вообще, судя по частоте приглашений, можно говорить о ведении Гладковыми чрезвычайно активного светского образа жизни. Так, только за два месяца 1872 г. — январь и февраль — они были приглашены на пять похорон и одну свадьбу [1, д. 28, л. 14—19]. В их числе были похороны Олимпиады Александровны Баушевой, представительницы богатейшей курской купеческой фамилии [1, д. 28, л. 18]. О. А. Баушева была супругой Андрея Ивановича Баушева, занимавшегося наряду с семейством Гладковых крупной торговлей красным товаром. Этот купец был известен в Курске своей благотворительностью и увлеченностью искусством: он систематически вносил средства на содержание архиерейского хора, ему же принадлежала библиотека, в которой хранились редкие, а потому очень ценные книги. По ним занимался изучением французского, немецкого, латинского и русского языков будущий издатель «Московского телеграфа» Н. А. Полевой [7, с. 47].

С одной стороны, приглашения, адресованные семье Гладковых, непосредственно указывают на участие данной купеческой фамилии, а значит, и принадлежавших к ней женщин в различных общественных и частных мероприятиях. С другой — они дают основания предполагать наличие обратной стороны: наверняка эта семья сама устраивала мероприятия с приглашением гостей разного ранга, приуроченные к неким важным для нее событиям. И то и другое составляет элементы светского образа жизни, ведение которого является одним из свидетельств раскрепощения женщины из купеческой среды.

Во многом была похожа на Аграфену Алексеевну по личностным качествам и по деловой хватке ее дочь — Мария Ивановна Слатина, чей «исторический портрет» также можно воспроизвести благодаря архивным материалам. У Марии Слатиной, по распространенному в ту пору представлению, жизнь сложилась более чем успешно. Она была отдана замуж за Илью Ильича Слатина, белгородского второй гильдии купца, чей род был известен не только в уездном Белгороде, а коммерческие интересы сосредоточены во многих городах

Курской губернии, Харькове, Чернигове. Илья Слатин был заметной фигурой в системе городского управления Белгорода: во второй половине 70-х гг. XIX в. он возглавлял Белгородскую городскую думу — состоял в должности городского головы. Как видно, Марию Ивановну, вступившую в роль супруги, не коснулись какие-либо серьезные изменения в семейном укладе: ее муж по социальному статусу, по весу в местном обществе ничем не отличался от ее отца — Ивана Васильевича Гладкова. Отличие было лишь в одном — в величине города. Привычная к стилю жизни губернского города Мария Ивановна, судя по ее письмам к родителям, довольно долго привыкала к небольшому уездному Белгороду [1, д. 67, 69].

Вообще, письма Марии Слатиной к родителям — это отдельный корпус источников, позволяющий исследовать, помимо прочего, историю чувств купеческой семьи; это пример многолетнего поддержания женщиной-купчихой родственных связей. Мария Ивановна играла решающую роль в духовной коммуникации членов всего купеческого семейства, от нее во многом зависела эмоциональная окрашенность внутрисемейных отношений. Об этом говорит, во-первых, частота обмена письмами дочери с родителями. Так, с января по май 1872 г. их было написано четырнадцать. Во-вторых, заслуживает внимания информационная насыщенность писем, разнообразие их тематики — от поздравлений с праздниками (Новым годом, Рождеством, Пасхой, днями рождения и именинами и др.) и сообщений о самочувствии домочадцев, ходе домашних дел (в письме от 14 января 1874 г. М. Слатина делилась с родителями приятной новостью: ее сын Александр получил новую должность, Белгородское общество избрало его директором банка) [2], предпринимаемых деловых командировках до извещения о пожарах, случившихся в Курске в 1872 г. [1, д. 69]. Перечисленные моменты свидетельствуют о крепкой душевной привязанности дочери и родителей, других членов семьи (невзирая на объективные препятствия, вызванные переездом Марии Ивановны в Белгород после замужества). Вербально эмоциональная близость купчихи Слатиной и членов семейства Гладковых выражалась в проявлении заботы, в подчеркнута вежливых формах обращения: к родителям — «любезнейший папенька и милая дорогая маменька, с истинным почтением имею честь быть вашей покорнейшей слугою», «любящая вас и уважающая всей душой дочь ваша» и др.; к мужу — «Илюша», «Илинька», «милый и любезный друг души моей», «любящая вас сердечно супруга ваша, друг вечный», «целую вас без счета, милый мой супруг, и остаюсь всегда послушная жена и верная супруга, душой и сердцем преданная».

Подобно своей матери, Мария Ивановна Слатина создала многодетную семью: у них с мужем в браке родились семь детей [1, д. 1, л. 1]. Так же как ее мать, Мария Ивановна активно участвовала в совместной с мужем предпринимательской деятельности, о чем можно судить по многочисленным письмам, написанным ею в 70-е гг. Как уже отмечалось, экономический интерес семьи Слатиных был сосредоточен во многих городах Курской губернии, Харькове, Чернигове. Основное внимание они уделяли торговле хлебом, кроме того, владели предприятием по переработке сельскохозяйственной продукции. Судя по письмам, написанным в первой половине 70-х гг. Марией Ивановной своему отцу, она в полном объеме владела информацией об экономических делах сво-

его мужа, более того, имела свою точку зрения на развитие тех или иных направлений семейного бизнеса. В одном из писем она сетует отцу на высокий банковский процент по кредиту и на то, что реальное количество зерна на продажу не соответствует запланированной массе на 100 четвертей [1, д. 69, л. 5].

Помимо этого, Марию Ивановну глубоко волновало и то обстоятельство, что брат Василий (старший сын И. В. Гладкова — наследник всего семейного состояния) взял в долг у ее мужа, по-видимому, крупную сумму денег. По каким-то причинам Василий не смог вовремя вернуть долг. Мария многократно просит отца, ссылаясь на его авторитет в семье, повлиять на брата и потребовать от него возврата долга. Красноречива по этому поводу ее фраза: «...из кармана прибыль за прибылью <...> вот бы любезный братец хоть годика два или три побыл немного на моем месте, тогда бы не только под ложечкой заболело и, быть может, и голова бы с плеч слетела, а живши за головой такого отца, как вы, милый папенька, он ничего не знает, ему ни горе, ни нужда недоступны, и потому он никому не сочувствует...» [1, д. 69, л. 5]. Даже этот единственный пример указывает на высокую степень вовлеченности женщины, принадлежащей к элите купеческого мира Курской губернии, в семейную экономику. Очевидно, участие женщин-купчих в семейном бизнесе обуславливало их поведенческую активность, ведь занятия торговой деятельностью требовали от купчихи «писать деловые письма, считать деньги, встречаться и совещаться с должностными людьми и т. д.» [8, с. 24].

Относительная имущественная независимость Марии Слатиной в семье (аналогичная ее матери) основывалась еще и на том, что она изначально владела собственностью, выделенной ей родителями по случаю замужества в качестве приданого. Вообще, приданое рассматривалось гражданским законодательством России второй половины XIX в. как часть собственности, обязательно выделяемая родителями вступающей в брак дочери для поддержки тягостей семейной жизни [10, ст. 110]. Как известно, приданое могло выделяться как до заключения брака, так и после него. Факт получения женщиной приданого фиксировался документально. Подписание так называемой рядной записи означало подтверждение получения имущества, составлявшего приданое, и отречение от дальнейшего участия в разделе наследства родителей после их кончины [10, ст. 1002]. Считалось, что в виде приданого дочери получали свою долю наследства родителей. Так, о выделении части имения в виде приданого своим дочерям указывал в духовном завещании, составленном 2 января 1854 г., И. В. Гладков: «...дочери, выданные в замужество Марья Слатина (муж — почетный гражданин Илья Слатин), Варвара (купеческий сын Малыхин), Елизавета (купеческий сын Дмитрий Елисеев), Надежда (поручик Аркадий Выхотцев), Раиса (капитан <...>), при выдаче их в замужество и после того от меня им <...> на приданое награждены» [1, д. 24, л. 13]. Конкретно Мария Ивановна Слатина получила в «единственное владение» капитал в сумме 30 тыс. руб. серебром [1, д. 24, л. 12]. В сумме парафернальную собственность М. И. Слатиной составляли приданое и имущество, приобретенное во время замужества через куплю, дарение, наследование или иным другим законным способом. Подобная имущественная обеспеченность женщины во многом яв-

лялась залогом складывания в купеческой среде партнерских семейных отношений.

Таким образом, даже единичные примеры жизненных проектов женщин из купеческого сословия могут многое дать исследователю, а именно показать трансформации, произошедшие в жизни женщин-купчих, в связи с изменившимся ритмом жизни всего российского общества в пореформенный период. Ведь то, что еще недавно казалось невозможным для женщины из купеческой среды, стало обыденным явлением: она постепенно освобождалась от домашнего «затворничества» и становилась все более заметной для общества провинциального города. Теперь ее, принадлежащую к купеческой верхушке, можно было встретить вместе с мужем или со всем семейством на различных светских мероприятиях города: на балу в Дворянском собрании в честь именин «начальника губернии» или на открытии летнего сезона в городском парке и др. А женщина, занимавшая более скромное место во внутрисословной иерархии, стала чаще бывать в гостях, посещать городские гулянья по случаю праздников и пр. В целом изучение архивных материалов одной купеческой семьи Гладковых позволило во многом опровергнуть устойчивое стереотипное представление о безгласных женщинах из купеческого сословия как об узницах «темного царства». Такое представление в пореформенный период было очевидным анахронизмом. В реальности женщины из купеческой среды являлись существенным элементом производственной и культурной жизни провинции.

Библиографический список

1. Государственный архив Курской области. Ф. 724. Оп. 1.
2. Курский государственный областной краеведческий музей. Отдел досоветского периода. Архив Гладковых. Письмо И. В. Гладкову от М. Слатиной, 14 января 1874 г.
3. Курский государственный областной краеведческий музей. Отдел истории досоветского периода. Архив Гладковых. Объявление Аграфене Алексеевне Гладковой.
4. Меньшикова Е. Н. Купчиха Центрального Черноземья в 60—90-х годах XIX века в семье и семейном бизнесе // Социальная история : ежегодник, 2008 / отв. ред. Н. Л. Пушкарева. СПб. : Алетей, 2009. С. 69—89.
5. Меньшикова Е. Н. Купеческая женщина Центрального Черноземья в 60—90-е годы XIX века: исторический портрет : (на примере Воронежской и Курской губерний) : дис. ... канд. ист. наук. Курск, 2008. 256 с.
6. Наше купечество с серьезной и карикатурной стороны. М. : Тип. Лазаревского ин-та восточных языков, 1867. Вып. 3. 185 с.
7. Озеров Ю. В. Курское купечество в середине XIX века. Курск : Маэстро-Принт, 2001. 76 с.
8. Салтыков-Щедрин М. Е. Пошехонская старина. М. : Худож. лит., 1950. 479 с.
9. Сведения о купеческом роде Вишняковых (1762—1847), собранные Н. Вишняковым. М. : Тип. Г. Лисснера и А. Гешала, 1905. Ч. 2. 210 с.
10. Свод законов Российской империи. СПб., 1900. Т. 10, ч. 1 : Гражданские законы.
11. Свод законов Российской империи. СПб., 1857. Т. 11, ч. 2, тетр. 2 : Торговый устав. Ст. 2.
12. Ульянова Г. Н. Женщины-предприниматели в России XIX века. London : Pickering & Chatto, 2009. 272 с.

МЕТОДОЛОГИЯ ЖЕНСКИХ И ГЕНДЕРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

ББК 60.561.1

Е. В. Базуева

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ВНЕШНЕЙ СРЕДЫ КАК ДЕТЕРМИНАНТ КАЧЕСТВА СИСТЕМЫ ИНСТИТУТОВ ГЕНДЕРНОЙ ВЛАСТИ

В современной экономике, как было установлено нами, институциональная среда гендерной власти создает возможности выступать в качестве субъектов гендерной власти следующим экономическим агентам: мужчинам, социальному окружению, организациям и государству [1—3]. Каждый из них, формируя собственную систему ограничений для объекта власти в отведенной области регулирования властных отношений, выступает в качестве института гендерной власти¹. При этом для объекта власти их значимость будет различаться в зависимости от экономической позиции, которая определяется властным потенциалом каждого института. Следовательно, можно сказать, что в совокупности институты гендерной власти образуют иерархическую систему, действующую в нашей стране (схематично система представлена нами в табл. 1²). Качество функционирования данной системы, с одной стороны, определяется внешней макросредой, в роли которой выступает социально-экономическая система страны в целом, с другой стороны, оно влияет на состояние, направленность и эффективность функционирования последней (подробнее об этом см.: [3]). В данной статье остановимся на выявлении причинной взаимосвязи воздействия параметров внешней среды на уровень качества институционального регулирования степени гендерной власти. Для этого используем методы корреляционного и регрессионного анализа модели линейной регрессии. Факторные признаки для данной модели представлены в табл. 2.

© Базуева Е. В., 2012

¹ Под институтом гендерной власти мы понимаем особый вид социально-экономического института, сформировавшегося под влиянием объективных условий материального производства (общественного разделения труда), который можно представить в виде системы относительно устойчивых властных отношений, закрепленных через систему законодательных актов, контрактов и неформальных правил, которые упорядочивают формы взаимодействий субъекта и объекта власти и определяют цели и варианты выбора модели их собственного жизнеповедения [1].

² Заметим, что для целей нашего анализа экономика России представлена как закрытая система, т. е. исключен анализ воздействия норм международного права, регулирующих права человека, на национальное законодательство (систему формальных институтов).

Таблица 1

Иерархическая система институтов гендерной власти в современной России

Институт (субъект)	Объект власти	Цели власти	Функция власти	Потенциал власти (ресурсы власти)	Содержание диспозиции гендерной власти	Вид санкций за нарушение диспозиции власти	Механизм контроля за соблюдением правил	Границы власти
1	2	3	4	5	6	7	8	9
Макроэкономические институты								
Власть государства	Все экономические агенты национальной экономики	Установление фундаментальных правил экономического поведения. Обеспечение соблюдения экономических и гражданских прав	Является основанием для власти частных экономических агентов, базирующейся на обладании собственностью или на правах власти, предоставляемых государством	Обладание экономическими ресурсами. Контроль над ресурсами насилия. Контроль над использованием ресурсов. Контроль над интересами и мотивацией	Закрепление формального гендерного равенства. Приоритетное государственное финансирование «мужских» отраслей экономики. Закрепление за женщинами статуса работника с семейными обязанностями и основного получателя социальных услуг	Государственная система принуждения	Система государственных органов и учреждений	Нормативно-правовые акты
Мезоэкономические институты								
Власть региона	Все экономические агенты региональной экономики	Установление правил экономического поведения в регионе	Является основанием для власти частных экономических агентов, базирующейся на обладании собственностью или на правах власти, предоставляемых на региональном уровне	Обладание экономическими ресурсами. Контроль над экономическими процессами при определенном использовании ресурсов экономическими агентами. Контроль над интересами и мотивацией	Ограничение доступа к ресурсам и благам. Приоритетное финансирование «мужских» отраслей экономики	Региональная система принуждения	Система региональных органов и учреждений	Нормативно-правовые акты

Окончание табл. 1

1	2	3	4	5	6	7	8	9
Микроэкономические институты								
Власть организации	Сотрудники. Другие организации, взаимодействующие с ней	Оказание прямого влияния на поведение других экономических и государственных агентов	Максимизация прибыли в результате использования более дешевого и квалифицированного женского труда	Экономические ресурсы, контролируемые организацией. Степень монополизации на рынке. Этический кодекс поведения, принятый в данной организации	Потеря части доходов в результате изъятий со стороны субъекта власти (гендерный разрыв в оплате труда). Зависимость вакансий от наличия семейных обязательств. Сексуальное домогательство работниц как условие продвижения по карьерной лестнице	Система принуждения, которая принята в организации и осуществляется самой организацией	Система контроля, принятая в организации	Контракты. Этический кодекс организации
Власть социального окружения	Участники группы	Контроль над поведением участников группы	Формирование гендерно стереотипной модели жизнеповедения	Идеологическое влияние	Воспроизводство стандартных моделей жизнеповедения: для женщин — работающей матери или домохозяйки, для мужчин — кормильца семьи	Санкции, осуществляемые социальной группой (общественное осуждение)	Неформальный контроль со стороны социальной группы	Возможности осуществления неформального контроля за членами группы

Власть семьи в лице ее главы	Женщины и мужчины	Использование ресурсов объекта власти с целью присвоения ренты власти	Максимизация выгоды субъекта власти в виде получения ренты власти, возможности выхода за ограниченные рамки собственных ресурсов	Личный	Домашние обязанности должны быть четко разделены по признаку пола. Выбор типа семьи, сферы профессиональной деятельности, форм досуга должен соответствовать стереотипу кормильца семьи	Санкции выносятся в зависимости от вида гендерной власти и осуществляются единолично	Соответствие действий объекта власти диспозиции власти	Система формальных и неформальных правил
<i>Наноэкономические институты</i>								
Внутренняя власть	Женщины и мужчины	Внутренний контроль за собственным поведением	Модификация структуры целей и мотивации с учетом требований субъекта власти	Личный	Занятость в общественном секторе экономики не должна отражаться на выполнении женщинами обслуживающих функций в домохозяйстве. Действие стереотипов положения. Домашние обязанности должны быть четко разделены по признаку пола. Поведение мужчин и женщин должно соответствовать их гендерному статусу	Внутренние санкции, зависящие от норм морали (угрызения совести, чувство вины)	Самоконтроль (встроенность гендерных правил поведения в самоидентичность женщины и мужчины)	Ограничены степенью усвоения гендерных норм в процессе первичной и вторичной социализации

Факторные показатели авторской эконометрической модели

Вид эффективности	Индикатор (факторный признак)	Характеристика
Экономическая	ВВП на душу (ВВП ₁), тыс. долл.	Определяет качество экономического развития, рассчитывается как ВВП, деленный на среднегодовую численность населения
	Индекс конкурентоспособности (GCI), пункт от 0 до 7	Агрегированный показатель, который обобщает результаты микро- и макроэкономических исследований конкурентоспособности страны
	Индекс знаний (KI), пункт от 0 до 10	Индекс, оценивающий степень эффективности воспроизводства и накопления интеллектуальных ресурсов
	Инновации (In), пункт от 0 до 10	Индекс развития инновационной системы, который включает оценку уровня восприимчивости субъектов экономической деятельности к инновациям и возможностей адаптации знаний для местных нужд, создания новых знаний и основанных на них новых технологий и продуктов
Социальная	Индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП), пункт от 0 до 1	Интегральный показатель развития человека, который демонстрирует средний уровень достижений по трем базовым измерениям человеческого развития: долголетию и здоровью, доступу к знаниям и достойному уровню жизни
Институциональная	Индекс гражданских прав и свобод (CL), пункт от 7 до 0	Составной индекс, измеряющий возможность реализации гражданами их личных прав, включающих право на жизнь, достоинство личности, свободу и личную неприкосновенность, принципы равенства и т. д.
	Право голоса и подотчетность (IPDVA), пункт от 0 до 10	Индекс включает показатели, измеряющие различные аспекты политических процессов, гражданских свобод и политических прав. Показатели этой категории измеряют степень возможности участия граждан в выборе правительства и других органов власти, степень независимости прессы, оценку уровня свободы слова, свободы объединений, других гражданских свобод
	Качество регулирования (IPDRQ), пункт от 0 до 10	Индекс включает показатели, измеряющие способность правительства формулировать и реализовывать рациональную политику и правовые акты, которые допускают развитие частного сектора и способствуют его развитию
	Институциональный режим (EIR), пункт от 0 до 10	Индекс, описывающий фундаментальные институциональные социально-экономические условия развития, определяющие границы выбора в реализации интеллектуальной составляющей экономики и общества

Примечания. При указании границ измерения показателей интервал движения от минимального значения к максимальному учитывает направление изменения индикатора в сторону его улучшения. При составлении таблицы использованы данные [8, 9, 10, 11].

В качестве результативного признака будем использовать интегральный показатель — индекс гендерного неравенства (Global Gender Gap)³. Выбор данного показателя неслучаен, т. к. он, прежде всего, позволяет оценить распределение ресурсов и возможностей между мужским и женским населением вне зависимости от общего объема таких ресурсов и возможностей. Следовательно, он направлен на измерение гендерных различий, а не уровней, достигнутых по каждому отдельному показателю мужчинами и женщинами. Поэтому ИГНР, на наш взгляд, позволяет измерить, с одной стороны, воздействие различных институтов гендерной власти (см. табл. 1), фактически показывая перераспределение доходов в пользу субъектов власти — мужчин, с другой стороны, изменение структуры целей и мотивов поведения объекта власти — женщин.

Согласно нашей гипотезе, низкое качество системы институтов гендерной власти, выраженное ИГНР, определяется качеством институциональной среды в целом, а также уровнем социальной и экономической эффективности функционирования общества. Авторская эконометрическая модель базировалась на методе межстрановых сопоставлений. В выборку попало 77 стран (2009 г.), при этом она является сбалансированной. Нами была получена значимая функциональная зависимость, которая имеет следующий вид:

$$\text{ИГНР} = 0,842 + 0,013 \text{ ВВП}_1 + 0,018 \text{ GCI} + 0,093 \text{ ИРЧП} - 0,027 \text{ GL} + 0,140 \text{ IPDVA} + 0,1 \text{ IPDRQ} + 0,023 \text{ KI} + 0,01 \text{ EIPR} + 0,017 \text{ In},$$

качество модели (R-квадрат) — 68 %.

Полученная модель характеризуется приемлемым коэффициентом детерминации. Все коэффициенты на 10 %-м уровне значимы ($|t\text{-статистика}| > t\text{-критического}; 1,67$). По критерию Фишера модель значима на 5 %-м уровне. Результаты эконометрического анализа модели представлены в табл. 3.

Таблица 3

Характеристика параметров эконометрической модели

	Коэффициент	Стандартная ошибка	t-статистика	Средние	Эластичность
Y-пересечение	0,842	0,082	10,333	0,682	—
ВВП ₁	0,001	0,001	2,633	16,452	0,032
GCI	0,018	0,010	1,767	4,279	0,114
ИРЧП	0,094	0,052	1,794	0,703	0,096
CL	-0,027	0,008	-3,604	2,779	-0,111
IPDVA	0,140	0,069	2,039	0,721	0,148
IPDRQ	0,100	0,054	1,862	0,586	0,086
KI	0,023	0,009	2,434	5,689	0,190
EIPR	0,010	0,005	2,148	5,690	0,082
In	0,017	0,008	1,995	5,706	0,138

³ Индекс гендерного неравенства (ИГНР) — составной индекс, определяющий уровень средних достижений по четырем основным направлениям: здоровью и долголетию, знаниям, доступу к политике и достойному уровню жизни, скорректированный для учета диспропорций в положении мужчин и женщин [9].

Данная модель позволяет сделать следующие выводы.

Во-первых, на качество институтов гендерной власти в большей степени влияет эффективность экономического развития (максимальная сумма коэффициентов эластичности 0,474). Это объясняется тем, что именно экономические факторы, как было показано нами, являются объективными причинами, обуславливающими возможность возникновения и перманентного воспроизводства гендерной власти в процессе исторического развития общества, ограничивая доступ женщин к экономическим ресурсам [2, 3]. Следовательно, увеличение экономических ресурсов у женщин (объекта власти) будет уменьшать издержки перехода к альтернативным вариантам поведения и к деятельности независимой от субъекта власти. Кроме того, наличие умеренной связи между ИГНР и качественным показателем экономического роста, измеряемым как ВВП на душу населения (значение коэффициента корреляции $r = 0,59$), и уровнем глобальной конкурентоспособности (значение коэффициента корреляции $r = 0,54$) доказывает также и наличие обратной зависимости: чем выше качество системы институтов гендерной власти, тем выше будут достижения в уровне жизни индивидов и уровне конкурентоспособности страны. Данная зависимость неслучайна, т. к. эффективное распределение ресурсов между экономическими агентами будет способствовать повышению уровня их производительности. Расчет коэффициента эластичности показывает, что улучшение индекса конкурентоспособности на 1 пункт приводит к уменьшению степени концентрации гендерной власти на 0,026 пункта, а увеличение ВВП на душу населения на 1000 долл. увеличивает значение ИГНР на 0,001 пункта.

Аналогичным образом связаны между собой ИГНР и факторные признаки — степень воспроизводства и накопления интеллектуальных ресурсов (коэффициент корреляции $r = 0,62$) и способность экономики воспроизводить инновации (коэффициент корреляции $r = 0,62$). Данные статистические зависимости отражены на рис. 1 и 2.

Исходя из представленных на рис. 1 и 2 закономерностей низкое качество институтов гендерной власти будет тормозить темпы инновационного развития экономики, т. к. воспроизводство системы этих институтов в основном обеспечивается элементами институциональной среды, сформировавшейся еще в период доиндустриальной экономики (неформальные правила), которые, как показывают многочисленные исследования, значительно сдерживают восприимчивость к инновациям (подробнее об этом см.: [4, 6]). В этой связи начиная с 2010 г. экспертами Всемирного банка в рамках программы международных сопоставлений «Знания для развития» индикаторы гендерного равенства были выделены как отдельное направление оценки качества институционального строения экономики [10]. Результаты нашего эконометрического моделирования выявили следующую причинную зависимость: улучшение значений композитного индекса знаний и индекса развития инновационной системы на 1 пункт будет повышать значение ИГНР на 0,19 и 0,138 пункта соответственно. Заметим: это максимальные значения коэффициентов эластичности в нашей модели, что еще раз подчеркивает значимость улучшения качества функционирования системы институтов гендерной власти в условиях построения экономики, основанной на знаниях.

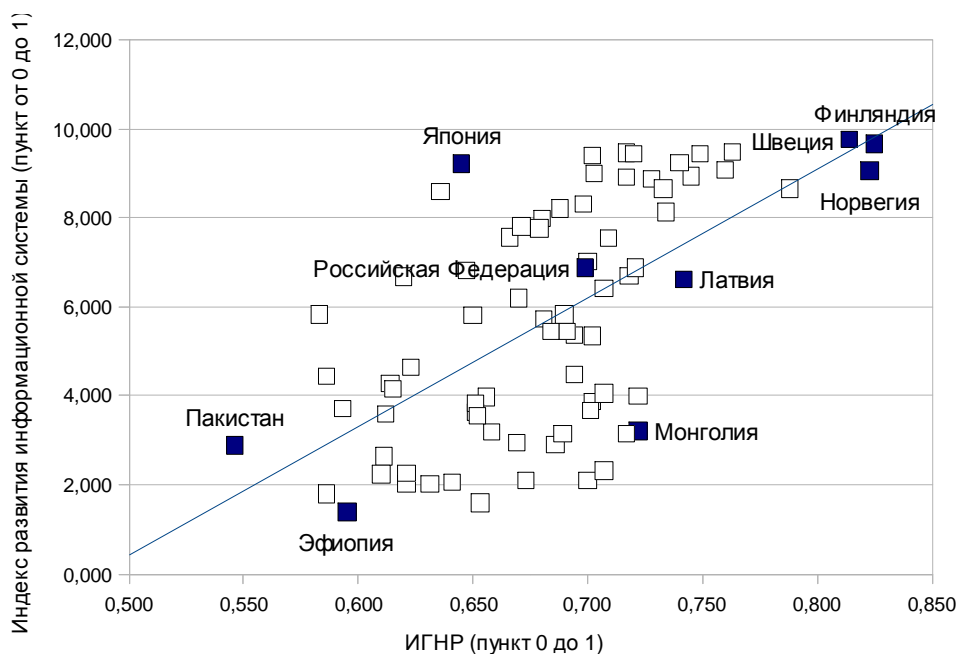

Рис. 1. Корреляционная зависимость между ИГНР и индексом институционального режима экономики, основанной на знаниях

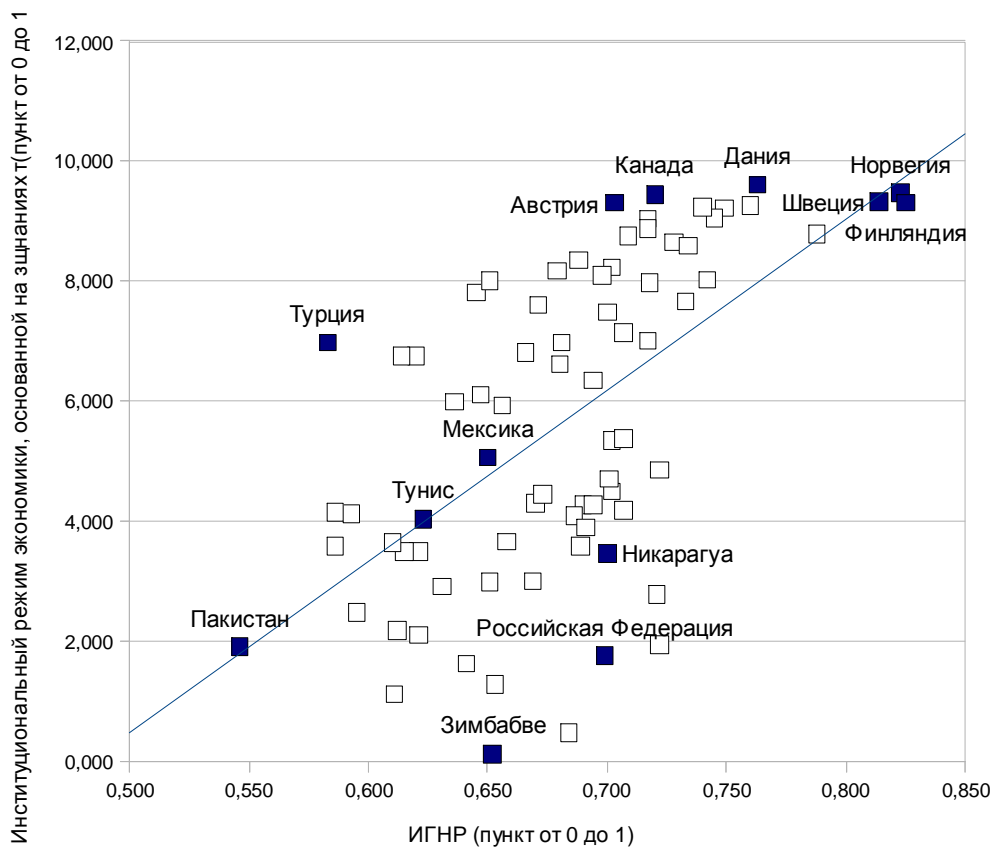

Рис. 2. Корреляционная зависимость между ИГНР и индексом развития инновационной системы

Во-вторых, представляется закономерной выявленная нами причинная зависимость между качеством системы институтов гендерной власти и качеством институциональной системы в целом (сумма коэффициентов эластичности составляет 0,427), т. к. эффективность последней, как было отмечено нами, прежде всего зависит от степени когерентности институтов ее составляющих [1, 3]. Это значит, что все они должны быть направлены на расширение свободы участников экономического процесса. Не случайно, согласно полученным значениям коэффициента эластичности, снижение уровня демократии на 1 пункт увеличивает степень концентрации гендерной власти на 0,111 пункта, а снижение права голоса и подотчетности на 1 пункт снижает качество системы институтов гендерной власти на 0,148 пунктов. Последнее подтверждает, что недостаточно институционализировать гражданские свободы, необходимо еще наращивать институциональные гарантии гражданского общества в подотчетности властей всех уровней — от низового до государства в целом. Здесь, по мнению международных экспертов, помимо общественной экспертизы измерения эффективности функционирования государственной власти для снижения степени концентрации гендерной власти необходимо проводить специализированную гендерную экспертизу всех управленческих решений (подробнее об этом см.: [5]).

В результате закономерной является полученная в модели значимая причинная зависимость — качество системы институтов гендерной власти зависит от способности правительства формулировать и реализовывать рациональную политику (коэффициент регрессии 0,1), которую невозможно проводить в условиях отсутствия обратных связей. На наш взгляд, именно наличие обратных связей позволяет быстро и своевременно корректировать условия выполнения институтами их функций. Данная система связей может функционировать только тогда, когда обеспечены возможности контроля за действиями властей со стороны всех экономических агентов. Не случайно снижение качества регулирования на 1 пункт снижает качество функционирования системы институтов гендерной власти на 0,086 пункта.

В-третьих, не вызывает сомнения и тот факт, что качество системы институтов гендерной власти определяется эффективностью социального развития, для оценки которой нами был выбран интегральный показатель — индекс развития человеческого потенциала. Существенная зависимость между данными признаками (коэффициент регрессии 0,093) объясняется тем, что более высокие значения этого показателя, как уже было отмечено нами, обеспечивают для женщин больше возможностей в реализации собственного человеческого капитала, повышая его рентабельность (подробнее об этом см.: [7]). Расчет коэффициента эластичности показывает, что улучшение индекса развития человеческого капитала на 1 пункт приводит к увеличению гендерного равенства на 0,096 пункта.

В заключение заметим, что представленная выше эконометрическая модель позволила только количественно измерить влияние параметров эффективности социально-экономической системы на качество системы институтов гендерной власти. Были определены лишь общемировые тренды данной взаимозависимости, которые исключают учет специфики реализации институтами гендерной власти в каждой отдельно взятой стране. Последнее определяет дальнейшие направления наших исследований.

Библиографический список

1. *Базуева Е. В.* Институциональный анализ системы гендерной власти в современной России // *Экономический анализ: теория и практика*. 2011. № 19 (226). С. 9—20.
2. *Базуева Е. В.* Власть как предмет исследования гендерной экономики // *Женщина в российском обществе*. 2011. № 2. С. 3—14.
3. *Базуева Е. В., Перский Ю. К.* Гендерная экономика как иерархическая система // *Журн. экон. теории*. 2011. № 2. С. 7—21.
4. *Инновационное развитие экономики России: институциональная среда : Четвертая Междунар. конф., Москва, МГУ, 20—22 апр. 2011 г. : сб. ст. / под ред. В. П. Колесова, Л. А. Тутова. М. : Изд-во МГУ, 2011. Т. 1. 814 с.*
5. *Контроль женщин над экономическими ресурсами и доступ к финансовым ресурсам, в том числе по линии микрофинансирования : докл. Генерального секретаря ООН // Мировой обзор о роли женщин в развитии в 2009 г. URL: <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N09/372/27/PDF/N0937227.pdf?OpenElement> (дата обращения: 12.01.2011).*
6. *Управление инновациями — 2010 : материалы Междунар. науч.-практ. конф., 15—17 нояб. / под ред. Р. М. Нижегородцева. М. : ЛЕНАНД, 2010. 488 с.*
7. *Vazueva E. V.* The human capital of the Perm region: gender peculiarities of realization // *Экономика региона*. 2010. № 2 (22). С. 60—71.
8. *Institutional Profiles Database. URL: <http://www.cepii.fr/anglaisgraph/bdd/institutions.htm> (дата обращения: 15.03.2011).*
9. *Hausmann R., Tyson L. D., Zahidi S.* The Global Gender Gap Report 2009. URL: <http://www.weforum.org/en/initiatives/gsp/Gender%20Gap/index.htm> (дата обращения: 15.01.2011).
10. *KEI and KI Indexes (KAM 2008). URL: <http://info.worldbank.org/etools/kam2/KAMpage3.asp?default=1> (дата обращения: 12.01.2011).*
11. *The Global Competitiveness Report 2010—2011. URL: http://www3.weforum.org/docs/WEF_GlobalCompetitivenessReport_2010-11.pdf (дата обращения: 12.01.2011).*

ББК 60.542.22: 60.561.5

Е. А. Чикалова

**ИССЛЕДОВАНИЯ ОТЦОВСТВА И МАСКУЛИННОСТИ:
ТОЧКИ ПЕРЕСЕЧЕНИЯ**

В последнее время в академической среде наметилась тенденция изучения различных аспектов отцовства. Интерес исследователей к данной проблематике неслучаен. За последние десятилетия в российском обществе произошли значительные изменения, которые привели к трансформациям гендерного порядка и семейных ценностей. Исследователи выделяют в качестве проблемных такие тенденции, как снижение рождаемости, увеличение разводов, рост количества внебрачных рождений, увеличение числа детей, воспитываемых одним родителем и др. Несмотря на разные позиции по отношению к сущности

данных тенденций, многие из исследователей ориентируются на возможность изменения ситуации в случае обращения к изучению отцовства. Активный интерес к исследованию указанной темы может быть связан с попыткой преодоления так называемого «кризиса отцовства», желанием «вернуть мужчину в семью», «восстановить авторитет отца» [8, 28, 29, 31]. Иные мотивы обращения к исследованию отцовства демонстрируют представители гендерного подхода. Они указывают на необходимость разобраться в противоречивых тенденциях, выражающихся, с одной стороны, в более активном включении мужчин в сферу семьи и, с другой стороны, в том, что данный процесс зачастую не проходит гладко, а сопровождается трудностями и конфликтами. Интерес к отцовству связывается также с длительным отсутствием работ, анализирующих роль мужчины в семье, и в то же время с появлением зарубежных исследований о «новых мужчинах», «новых отцах», об «ответственном отцовстве».

Характеристика становления зарубежных исследований отцовства

За рубежом до 80-х гг. XX в. отцовство оставалось вне поля зрения ученых, политиков и общественности. Однако изменения, произошедшие в обществе, сформировали новые требования к семье и выдвинули вопросы воспитания в новых условиях на первый план.

Интерес к отцовству характерен как для сторонников феминистской позиции, так и для участников движений за мужские права (Уоррен Фаррелл, Роберт Брэннон, Роберт Блай и другие) [22, 39]. По отношению ко второму направлению мнения исследователей разделились. В активном интересе к проблемам отцов со стороны данных движений некоторые видят тенденции к изменениям в сторону равноправия и ответственного родительства. В то же время это может рассматриваться как реакция на социальные изменения, поставившие под сомнение прежний авторитет мужчин в традиционной семье. Акцентирование роли отца (особенно в исследованиях отношений между отцами и сыновьями) сопровождалось зачастую сужением исследовательской перспективы до изучения белых гетеросексуальных мужчин, принадлежащих к среднему классу. В этом контексте понимание отцовства соотносится со следующими идеями: анализ отцовства как биологически детерминированного феномена; подчеркивание уникальности отцовства в сравнении с материнством; понимание безотцовщины как свидетельства морального разложения общества и в связи с этим принятие мер по восстановлению семейных ценностей и поддержке гетеросексуальных браков; трактовка отношений между отцом и сыном как более ценных по сравнению с отношениями «отец — дочь»; рассмотрение существовавших на заре человечества отношений между полами в качестве эталонных; акцент на необходимости присутствия мужского образца для подражания как условия нормального развития мальчиков [39, p. 108—109].

В ходе развития исследований отцовства, постепенно формируется направление, в рамках которого отцовство рассматривается как социально конструируемый феномен, зависящий от культурно-исторических, социальных условий, тесно связанный с представлением о маскулинности [18, 22]. Таким образом, важным для характеристики процесса становления исследований отцовства становится анализ развития критических мужских исследований.

Этапы развития критических исследований маскулинности

Первая волна критических исследований маскулинности связывается с развитием полоролевой парадигмы в 1970-х гг. в направлении более акцентированного внимания к вопросам мужественности. Ключевыми целями данных исследований были, во-первых, обоснование социально конструируемого характера маскулинности и ее воспроизводства в процессе социализации, обучения поведению, соответствующему половой роли, и социального контроля и, во-вторых, демонстрация того, как данные факторы влияют на психологическое и физическое здоровье мужчин [38, р. 2].

Вторая фаза критических исследований маскулинности началась в 1980-х гг. Она возникла как ответная реакция на некоторые идеи, развиваемые в рамках первой волны. Полоролевая парадигма критиковалась, в частности, за сведение всего многообразия мужских практик к одной модели, характерной для мужчин из привилегированных слоев общества. Основопологающей для данного периода была концепция гегемонной маскулинности (Р. Коннелл). В качестве доминирующей представлялась модель маскулинности, принятая в парадигме половых ролей. Наряду с данной моделью выделялись также модели соучаствующей и подчиненной маскулинности. В качестве векторов различий, по которым проводится разграничение между этими моделями, выступают раса, класс и сексуальная ориентация [ibid.]. Таким образом, фиксировался иерархичный характер отношений внутри одной системы. Разрабатываемые в рамках второй волны проблемы в большинстве случаев пересекались с идеями феминизма и выдвигались в поле политики в качестве перспективных проектов в борьбе за равноправие.

Третья волна исследований маскулинности формируется под влиянием постструктурализма. Оперирование терминами «нормативность», «перформативность» и «сексуальность» предполагает включенность проблематики маскулинности на данном этапе в более широкий контекст гендерных исследований. Ключевым свойством исследований маскулинности этого периода является междисциплинарность. Изучение маскулинности проводится в рамках различных наук (история, культурология, социология, литература). Связующей темой для исследований маскулинности с позиций разных дисциплин становится рассмотрение тенденций изменений данного феномена на современном этапе, его соотношение с идентичностью, а также анализ в историческом контексте [38, р. 2]. Еще одним важным моментом, на котором сосредоточивают свое внимание современные исследователи, является признание нестабильного и неунифицированного характера маскулинной субъективности, ее непрерывного конструирования посредством дискурсивных практик [5, с. 22—23].

Подходы к анализу понятия «отцовство»

С одной стороны, отцовство может быть рассмотрено как социальный институт, и в соответствии с этим речь пойдет о требованиях и ожиданиях общества по отношению к родительской роли мужчины. С другой стороны, под отцовством подразумевается практическая деятельность мужчины по воспитанию детей и уходу за ними, иначе говоря, практики, стили воспитания [10, 24].

В английском языке данные понятия можно соотнести с терминами «fatherhood» и «fathering». Дж. Плек проводит различия между отцовством как родительским статусом и отцовством как родительским поведением и идентичностью. Анализируя специфику влияния отцовства на ребенка и на личность самого мужчины, он отмечает, что более перспективным является представление о важности отцовства для развития ребенка наряду с учетом других факторов (взаимоотношения в семье, социально-экономические факторы, отношения матери и ребенка). Рассмотрение отцовства в понятиях необходимости, исключительности, по мнению исследователя, является односторонним [40, р. 27]. Так, представление об уникальности отцовского отношения по сравнению с материнским сужает исследовательскую перспективу, сглаживает индивидуальные различия в подходах к воспитанию и нивелирует действия других факторов [40, р. 28]. Таким образом, признается необходимость исследования отцовства не изолированно, а с учетом психологического, социального, культурного, исторического контекста.

Как отмечает И. С. Кон, отцовство может быть исследовано «на разных уровнях и в разном контексте» [25, с. 3]. Речь идет о трех уровнях анализа, выделяемых в социогуманитарных науках (микро-, мезо- и макроуровень). Таким образом, изучение отцовства возможно на уровне межличностных взаимодействий (рассмотрение, например, взаимоотношений между отцом и ребенком), на групповом уровне (изучение особенностей различных групп отцов), а также на уровне всего общества (анализ соотношения отцовства с различными социальными институтами, исследование практик отцовства, доминирующих в той или иной культуре). Кроме того, отдельно оговаривается, что отцовство может рассматриваться как «одна из главных мужских идентичностей» [21, с. 30].

Позиция И. С. Кона вполне сопоставима с концепцией В. Дуаза, предполагающей возможность выделения четырех уровней объяснения социальных феноменов. На первом уровне анализируются «психологические», или «внутриличностные», процессы. На втором уровне исследуются «межличностные», или «внутриситуативные», процессы. Третий уровень — уровень ситуационных «взаимодействий» и формирующихся на их основе коллективных представлений. На четвертом уровне проводится анализ «социальных отношений и идеологических воздействий на формирование индивидуальных представлений и поведения» (см.: [3, с. 246]). На наш взгляд, применение данной концепции позволит более четко представить, с одной стороны, целостность, а с другой — комплексный характер отцовства.

Следующее, на что стоит обратить внимание при изучении отцовства, это зависимость представления о свойствах, способностях и задачах отца от социокультурного контекста. В данном смысле можно говорить не о едином представлении об отцовстве, а о представлениях об отцовстве. В обществе может одновременно существовать несколько вариантов отцовских практик, интерпретаций отцовства, но при этом какая-то из них является доминирующей в данной культуре, а остальные оцениваются как более или менее соответствующие норме [41, р. 38]. Так, например, в современном западном обществе отцовство в его институциональном аспекте все еще соотносится с необходимостью выполнять функцию кормильца семьи [41]. В то же время во многих се-

мьях уже достаточно длительное время практикуется модель вовлеченного отцовства. Каждая модель может быть соотнесена с определенной моделью маскулинности, существующей в обществе. С этой позиции становится очевидной взаимосвязь представлений об отцовстве с моделями маскулинности. В зависимости от социальных, культурных и исторических условий, они могут трактоваться либо как идентичные, либо как имеющие незначительные отличия, либо как различающиеся кардинально. Как отмечает А. Вольде, «чем больше друг от друга оторваны объяснительные модели отцовства и маскулинности, тем более сложно будет мужчинам ориентироваться в этих разноплановых моделях» [41, р. 38].

Комплексный подход к изучению феномена отцовства сформировался в рамках гендерных исследований на базе парадигмы социального конструкционизма. С этой точки зрения отцовство рассматривается как детерминированный социальными и культурными условиями, изменяющийся с течением времени и зависящий от идеологии маскулинности феномен [18, 20].

Подходы к определению понятия «маскулинность»

Маскулинность также представляет собой комплексный феномен и может быть охарактеризована с нескольких позиций. В качестве описательной категории маскулинность понимается как «совокупность поведенческих и психических черт, свойств и особенностей, объективно присущих мужчинам, в отличие от женщин» [22]. Маскулинность также может быть истолкована как «аскриптивная категория». В этом случае речь идет о социальных представлениях и установках, включающих сущностные характеристики мужчины, приписываемые ему качества. Прескриптивность маскулинности выражается в наличии системы предписаний, формирующих определенный идеал, некий нормативный эталон мужественности [22].

Современные гендерные исследования мужчин и маскулинностей акцентируют свое внимание на анализе отношений доминирования и подчинения, концептуальной схемой для которого становится так называемая «гегемонная маскулинность».

Р. Коннелл предлагает анализировать маскулинность на нескольких уровнях:

1) локальном (подразумевает анализ взаимодействий на межличностном уровне — в семьях, организациях, различных сообществах; описывается, как правило, в этнографических и биографических исследованиях);

2) региональном (это уровень отдельных культур или этносов; может быть раскрыт в демографических исследованиях, а также в исследованиях политического дискурса);

3) глобальном (уровень транснациональных отношений, мировой политики, транснациональных корпораций и СМИ; исследуется в работах, посвященных изучению маскулинности в контексте глобализации).

Исследование взаимосвязей между этими уровнями может быть полезно для анализа гендерной политики. Глобальные институты оказывают давление на региональный и локальный гендерный порядок; в то же время региональный

гендерный порядок формирует культурные модели, принимаемые или трансформируемые на глобальном уровне, а также обеспечивает модель маскулинности, которая может быть важна для динамики гендерных отношений на локальном уровне [37, p. 849].

Ш. Берд, указывая на социально конструируемый характер маскулинности, отмечает, однако, что в некоторых кругах она по-прежнему трактуется как биологически детерминированный набор личностных характеристик и особенностей поведения. В теоретическом анализе маскулинности Ш. Берд рассматривает подходы к трактовке маскулинности и фемининности, соотношения мужского и женского в рамках биологического детерминизма в психоаналитических теориях, психологических теориях идентичности и ролевых теориях. Особое внимание уделяется критике данных теорий со стороны профеминистских гендерных исследований [5, с. 6—8].

Профеминистские гендерные исследователи трактуют маскулинность как «множественность практик, представлений и характеристик, которые не только усвоены индивидом, но также включены в повседневность и институционализованы посредством дискурсивных практик и материальных отношений... и являются объектом обсуждения и переговоров между группами и индивидами» [5, с. 18]. Это позволяет говорить о существовании множества маскулинностей, которые формируются и поддерживаются в процессе взаимодействия на различных уровнях.

На наш взгляд, определение маскулинности, предложенное Ш. Берд, охватывает весь спектр рассмотренных выше характеристик. Маскулинность трактуется как «понятие, обозначающее социально сконструированные ожидания, касающиеся поведения, представлений, переживаний, стиля социального взаимодействия, соответствующего мужчинам, представленные в определенной культуре и субкультуре в определенное время» [5, с. 7].

Отечественные исследования отцовства в рамках гендерного подхода

Развитие российских исследований отцовства имеет некоторые общие тенденции с Западом, однако специфика социокультурного, исторического и политического контекста задает свои рамки для данного процесса. Как отмечалось выше, фиксируемые в настоящее время тенденции изменений в общественной жизни тесно взаимосвязаны с трансформацией взглядов на взаимоотношения полов [7, 12, 19]. Оценка данных трансформаций, как отмечают исследователи, может быть сведена к двум основным позициям: кризисной (ала-рмистской) и модернизационной [34, 36].

Представители первого направления придерживаются мнения, что в настоящее время институт семьи находится в кризисном состоянии, и трактуют произошедшие трансформации в сугубо негативном ключе, выдвигая в некоторых случаях весьма консервативные требования [36, с. 24]. Выходом из сложившейся ситуации, согласно данной позиции, является продвижение социальной политики, направленной на «укрепление семьи, упрочение семейных ценностей в противовес индивидуальным, развитие семейной собственности и семейного производства, переориентация деятельности всех социальных ин-

ституты с индивида на семью» [34, с. 29]. Признание необходимости новых инструментов поддержки семейной системы и родительства сопровождается зачастую традиционными взглядами.

Второй подход проблематизирует современное состояние семьи в терминах «модернизации». Плюрализм семейных форм и перераспределение семейных обязанностей рассматриваются как этап перехода к новому типу семьи. Сопровождающие данный процесс сложности трактуются как результат экономических, социальных, политических преобразований [36, с. 24]. Решение проблемы представители этого подхода видят в реализации такой социальной политики, которая направлена на обеспечение равновесия «между личностью, семьей и обществом на принципах свободы личности, равноправия и партнерства» [36, с. 30].

В соответствии с выделенными направлениями акценты при исследовании отцовства также могут быть расставлены по-разному. В русле кризисного подхода отцовство рассматривается скорее с позиции борьбы с безотцовщиной, восстановления прежнего авторитета отца, укрепления и поддержки полной многодетной семьи. В рамках модернизационного подхода признается, что, наряду с изменением положения женщин в профессиональной сфере, происходит пересмотр значимости для мужчин приватной сферы, это, в частности, выражается в переоценке отцовства как института и как практики воспитания детей.

Отечественные исследования, посвященные проблемам отцовства, можно классифицировать по различным параметрам: в зависимости от принадлежности к той или иной научной дисциплине, от уровня анализа, от того, на каких аспектах фокусируется внимание исследователя и др. В рамках данной работы ключевым параметром классификации выступает критерий учета/игнорирования связи отцовства с маскулинностью.

Как показывает анализ литературы, наиболее разработанными являются такие направления, как влияние эмоциональных и психологических характеристик отца, стиля воспитания на личность ребенка, влияние отцовства на развитие личности самих мужчин [1, 6, 13, 17, 32]. Акцент также делается на изучении динамики представлений об отцовстве, образов отца [1, 14, 26]. Можно выделить лишь несколько работ, в которых рассматривается аспект взаимосвязи маскулинности и отцовства. Теоретические разработки данной проблематики содержатся в исследованиях И. С. Кона [20, 21, 23] и И. С. Клециной [18].

Вкратце охарактеризуем предложенную И. С. Клециной схему анализа отцовства и маскулинности. В работе «Отцовство в аналитических подходах к изучению маскулинности» автор анализирует теоретические подходы к пониманию маскулинности (биолого-эволюционный, психоаналитический подход, теория половых ролей и социализации, гендерный подход), выделяет характерную для каждого из подходов модель маскулинности и соотносит их с определенными моделями отцовства [18, с. 31—32]. Традиционной модели маскулинности, связанной с доминантно-зависимыми гендерными отношениями, соответствуют такие варианты отцовства, как «традиционный отец» (его основными функциями в семье являются руководство и контроль) и «отсутствующий отец» (чаще всего он не принимает участия в воспитании детей, присутствует в

семье лишь формально). Новая модель маскулинности, характеризующаяся большей вариативностью и предполагающая одинаковую важность для мужчин как семейной, так и профессиональной сфер, соотносится со следующими типами отцовства: «ответственный отец» (вовлечен в процесс воспитания, но менее активно, чем мать) и «новый отец» (наравне с матерью участвует в воспитании и уходе за детьми, в ведении домашнего хозяйства) [18].

Эмпирические исследования отцовства в соотношении с маскулинностью представлены в работах А. Е. Звонаревой [15], И. В. Рыбалко [30], Е. Ангеловой и А. Темкиной [2], Т. А. Гурко [9]. В дополнение к этому можно выделить ряд работ, в которых отцовство и маскулинность попадают в фокус исследователей наряду с другими феноменами [4, 11, 27, 33, 35].

Таким образом, можно заключить, что в рамках отечественных исследований проблематика взаимосвязи отцовства и маскулинности остается практически нераскрытой, данные феномены чаще всего изучаются обособленно друг от друга. Исключение составляют несколько работ, выполненных в рамках гендерного подхода. Однако анализ отцовства именно через призму маскулинности открывает, на наш взгляд, новые перспективы. Это позволит, во-первых, получить более полное представление о проблемах, с которыми нередко сталкиваются отцы при осуществлении практической деятельности, а также мужчины, готовящиеся стать отцами; во-вторых, выявить причины расхождения между установками и поведением отцов, представлениями об отцовстве и реальными практиками, раскрыть механизмы конструирования отцовства; в-третьих, показать относительность эталонных представлений о маскулинности; в-четвертых, прояснить сущность кризисных явлений, испытываемых современным человеком (например, феномен «несостоявшейся маскулинности»), раскрыть возможные причины гендерных конфликтов; в-пятых, выработать рекомендации по формированию непротиворечивых представлений об отцовстве.

Заключение

Зарубежные и отечественные исследователи констатируют, что забота, нежность и эмоциональная привязанность достаточно трудно сочетаются с доминирующим в обществе эталоном маскулинности, в связи с чем сфера семьи для мужчин все еще остается малопривлекательной.

Становление зарубежных исследований отцовства и маскулинности происходит параллельно. Логика данного процесса может быть описана как постепенный переход от узкого понимания данных феноменов к признанию их неоднородного характера, их социальной и культурно-исторической обусловленности, к их анализу через призму властных отношений.

Сравнение процесса развития исследований отцовства в России и на Западе позволяет сделать следующий вывод. К общим тенденциям необходимо отнести присутствие как в западном, так и в российском академическом дискурсе двух противоположенных точек зрения на происходящие изменения в сфере семьи. Условно их можно обозначить как «традиционная» и «эгалитарная». Сторонники первой оперируют понятиями кризиса и стремятся восстановить прежний порядок, сторонники второй рассматривают происходящие из-

менения в более позитивном ключе и склонны искать новые варианты адаптации к изменяющимся условиям. Следующей тенденцией, сближающей российские и зарубежные исследования, является схожая логика их становления: формирование в русле мужских исследований, единая методологическая основа, включенность во взаимосвязи с различными дисциплинами. Различия прослеживаются в содержательном и временном аспектах. Многие проблемы, которые интересуют западных исследователей, не находят отклика в России. В то же время отечественных ученых могут интересовать совершенно иные проблемы, связанные с особенностями российского общества, его культурой и историей. Это еще раз подтверждает необходимость учета в научном исследовании культурно-исторических и социально-политических факторов.

Специфика содержания терминов «отцовство» и «маскулинность» предполагает большое количество вариантов и возможностей их исследования. Оба эти понятия могут рассматриваться с разных точек зрения в зависимости от уровня анализа, методологической позиции исследователя, его представления о структурных компонентах данных феноменов, их взаимосвязи с другими феноменами и обусловленности культурно-историческими и социальными факторами.

Исследование взаимосвязи между отцовством и маскулинностью видится весьма продуктивным. Развитие данного направления будет способствовать решению многих проблем, с которыми сталкиваются мужчины и женщины в современном динамичном, нестабильном, полном противоречий обществе.

Библиографический список

1. *Акимова М. К., Усцева М. Н.* Влияние отца и его образа на возникновение аддикции у подростков // Высшее образование сегодня. 2010. № 5. С. 63—67.
2. *Ангелова Е., Темкина А.* Отец, участвующий в родах: гендерное партнерство или ситуативный контроль? // Новый быт в современной России: гендерные исследования повседневности: коллектив. моногр. / под ред. Е. Здравомысловой, А. Роткирх, А. Темкиной. СПб., 2009. С. 473—507.
3. *Андреева Г. М., Богомолова Н. Н., Петровская Л. А.* Зарубежная социальная психология XX столетия: теоретические подходы: учеб. пособие для вузов. М.: Аспект Пресс, 2002. 287 с.
4. *Ассонова Е.* Новые ценности в детско-родительских отношениях // Pro et Contra. 2010. № 1/2. С. 78—93.
5. *Берд Ш.* Теоретизируя маскулинности: современные тенденции в социальных науках // Гендер. исслед. 2006. № 14. С. 5—33.
6. *Борисенко Ю. В., Портнова А. Г.* Отцовство как фактор развития личности // Развитие личности. 2006. № 2. С. 70—81.
7. *Воронина О. А.* Социокультурные детерминанты развития гендерной теории в России и на Западе // Обществ. науки и современность. 2000. № 4. С. 9—21.
8. *Григорова Т. В.* Психология отцовско-детских отношений в историко-культурной перспективе // История отечественной и мировой психологической мысли: постигая прошлое, понимать настоящее, предвидеть будущее: материалы Междунар. конф. по истории психологии «IV Московские встречи», 26—29 июня 2006 г. / отв. ред. А. Л. Журавлев, В. А. Кольцова, Ю. Н. Олейник. М.: Ин-т психологии РАН, 2006. С. 188—190.
9. *Гурко Т. А.* Родительство в изменяющихся социокультурных условиях // Социол. исслед. 1997. № 1. С. 72—79.

10. *Гурко Т. А.* Родительство: социологические аспекты. М. : Ин-т социологии РАН, 2003. 164 с.
11. *Гусева Ю. Е.* Влияние социально-исторических изменений в обществе на трансформацию гендерных представлений в популярной прессе : дис. ... канд. психол. наук. СПб., 2007. 200 с.
12. *Дашкова Т.* Гендерная проблематика: подходы к описанию // Исторические исследования в России — II : семь лет спустя. М. : АИРО-XX, 2003. С. 203—245.
13. *Евсеев Ю. В.* Отцовство как психологический фактор развития личности : автореф. дис. ... канд. психол. наук. Новосибирск, 2006. 18 с.
14. *Евсеев Ю. В., Портнова А. Г.* Отцовство как структурно-динамический феномен // Сибирская психология сегодня : сб. науч. тр. Кемерово : Кузбассвузиздат, 2003. Вып. 2. 410 с.
15. *Звонарева А. Е.* Образ отца в позднесоветской журнальной периодике (вторая половина 50-х — 80-е годы XX века) // Женщина в российском обществе. 2009. № 1. С. 65—73.
16. *Игнатова О. В.* «Кризис отцовства» как индикатор гендерной асимметрии // Актуальные проблемы психологического знания. 2010. № 2. С. 50—57.
17. *Калина О. Г., Холмогорова А. Б.* Значение отца для развития ребенка : (на материале зарубежных исследований) // Семейная психология и семейная терапия. 2006. № 1. С. 87—99.
18. *Клецина И. С.* Отцовство в аналитических подходах к изучению маскулинности // Женщина в российском обществе. 2009. № 3. С. 29—41.
19. *Ключко О. И.* Отечественный вариант гендерных исследований // Обществ. науки и современность. 2007. № 4. С. 172—176.
20. *Кон И. С.* Мальчик — отец мужчины. М. : Время, 2010. 704 с.
21. *Кон И. С.* Маскулинность в меняющемся мире // Вопр. философии. 2010. № 5. С. 25—35.
22. *Кон И. С.* Меняющиеся мужчины в изменяющемся мире. URL: http://sexology.narod.ru/publ018_2.html (дата обращения: 14.05.2011).
23. *Кон И. С.* Мужская роль и гендерный порядок // Вестн. обществ. мнения : данные. Анализ. Дискуссии. 2008. № 2. С. 37—43.
24. *Кон И. С.* Отцовство как компонент мужской идентичности // Демоскоп Weekly 2006. № 237/238. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2006/0237/analit03.php> (дата обращения: 12.12.2010).
25. *Кон И. С.* Отцовство как социокультурный институт // Педагогика. 2005. № 9. С. 3—16.
26. *Лукина А. А.* Представления об отце у юношей и девушек из неполных семей как практическая проблема современной психологии // Вестн. Рос. гос. ун-та им. И. Канта. 2008. № 11. С. 55—58.
27. *Мальшева Н. Г.* Гендерные стереотипы в молодежных средствах массовой коммуникации : дис. ... канд. психол. наук. М., 2008. 178 с.
28. *Прокофьев В. Н.* Возрождение ответственного отцовства — одна из важнейших задач современного общества // Педагогика, психология и медико-биологические проблемы физического воспитания и спорта. 2009. № 5. С. 217—220.
29. *Протопопов С. С.* Теоретические основы изучения феномена отцовства // Вопр. культурологии. 2009. № 12. С. 46—49.
30. *Рыбалко И. В.* Трансформация отцовства в современной России : дис. ... канд. социол. наук. Саратов, 2006. 125 с.
31. *Соколюк Н. В.* Родительство в условиях современного кризиса семьи. URL: http://www.isras.ru/abstract_bank/1210198470.pdf (дата обращения: 17.12.2011).

32. Старостина Л. Д. Роль отца в психическом развитии ребенка // Вестн. Якут. гос. ун-та. 2008. Т. 5, № 3. С. 74—80.
33. Темкина А. А., Роткирх А. Советские гендерные контракты и их трансформация в современной России // Социол. исслед. 2002. № 11. С. 4—15.
34. Чернова Ж. В. «Демографический резерв»: молодая семья как объект государственной политики // Женщина в российском обществе. 2010. № 2. С. 26—38.
35. Чернова Ж. В. Семейная политика в Европе и России: гендерный анализ: СПб.: Норма, 2008. 328 с.
36. Ярская-Смирнова Е. Р. «Да-да, я вас помню, вы же у нас неблагополучная семья!» : дискурсивное оформление современной российской семейной политики // Женщина в российском обществе. 2010. № 2. С. 14—25.
37. Connell R. W., Messerschmidt J. W. Hegemonic masculinity: rethinking the concept // Gender & Society. 2005. № 19. P. 829—859.
38. Edwards T. Cultures of Masculinity. London ; New York : Taylor & Francis Group, 2005. 174 p.
39. Howard J. A feminist perspective on fathering // Sullivan R. Focus on fathering. Melbourne : ACER Press, 2003. P. 107—124.
40. Pleck J. H. Fatherhood and masculinity // Lamb M. E. The Role of the Father in Child Development. 5th ed. Hoboken (N. J.) : John Wiley & Sons, 2010. P. 27—57.
41. Wolde A. Väter im Aufbruch. Deutungsmuster von Väterlichkeit und Männlichkeit im Kontext von Väterinitiativen. Wiesbaden : VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2007. 311 S.

ББК 60.542.2

И. П. Попова

МУЖЧИНЫ И ЖЕНЩИНЫ В СФЕРАХ ЗАНЯТОСТИ И ЗДОРОВЬЯ: КОНТЕКСТ ДЕВЯНОСТЕЙ

Влияние социально-экономического кризиса 1990-х гг. на состояние здоровья населения (падение уровня жизни, социальная неустроенность, деградация системы здравоохранения и т. д.) было значительным и продолжает сохранять свое значение и сегодня. В этот период, с одной стороны, проявлялась неспособность социальной политики учитывать гендерные аспекты здравоохранения, с другой — гендер стал одним из факторов социально-экономических неравенств. Свидетельство этому — углубление разрыва в уровне смертности между мужчинами и женщинами, различий в структуре причин смертности, заболеваемости и т. д., что привело к актуализации проблемы гендерных неравенств в здоровье (см., напр.: [2, 3, 4, 10]). Эти неравенства рассматриваются как в рамках гендерного подхода в исследованиях социологии здоровья (здравоохранения), так и при изучении гендерных моделей в самосохранительном поведении. Формируются два основных направления их объяснения. Представители одного из них связывают данные неравенства с неравенством в соци-

ально-экономических позициях, представители другого — с культурными (поведенческими) нормами, ценностями, убеждениями, обуславливающими механизмы поведения [11, р. 16]. Объединением этих двух объяснений может быть видение поведенческих/культурных факторов как выражений (проявлений) социально-классовой позиции, при котором в процессе изучения поведения в сфере здоровья принимается во внимание социальный и классовый контекст этого поведения [14, р. 119].

Вопрос о приоритетности того или иного подхода остается открытым. С одной стороны, во многих исследованиях преобладают поведенческие объяснения, что оправдано фиксируемым в них спектром различий в самосохранительном поведении мужчин и женщин. Исследователи отмечают устойчивость и действенность гендерных стереотипов, которые в числе многих других влияют на это поведение [6, с. 315]. Исследование автора выявило комплекс поведенческих характеристик, связанных с занятостью, качеством социальных связей и профилактикой здоровья, которые могут способствовать выходу из ситуации бедности и нездоровья [8]. Среди наиболее ярких проявлений различий — большая распространенность среди мужчин вредных привычек (алкоголизм, курение), травматизм, более частые самоубийства и т. д. [9, с. 9—11]. В то же время на первый план часто выходит анализ социально-экономических условий, общего социального контекста жизни населения как главных факторов, оказывающих воздействие на здоровье мужчин и женщин [12]. По данным исследований, влияние поведенческих факторов весьма умеренно, роль факторов, связанных с социальной структурой, выражена значительно [2, с. 120].

Очевидно, что и социальные, и поведенческие факторы, действуя в совокупности, под влиянием российских социально-экономических трансформаций углубляют друг друга. Поэтому в формировании гендерно ориентированной социальной политики важно учитывать, что гендерные различия формируются и закрепляются на институциональном уровне, через действие ценностей и норм, вплетенных в организационные структуры различных сфер жизни общества — экономической, политико-правовой, культурно-религиозной и т. д. Это усиливает различные виды гендерных неравенств, в том числе в здоровье, путем ограничений в доступе к ресурсам, выборе тех или иных стратегий поведения в сфере занятости, экономической сфере и т. д.

Таким образом, исследуя социальные причины формирования гендерных неравенств в отношении здоровья, следует учитывать прежде всего влияние социальной обстановки в целом, социально-экономического статуса индивидов и домохозяйств, а также выявлять механизмы этих процессов, скрытые в сложившихся поведенческих моделях. Особую ценность для такого анализа представляют мониторинговые исследования. Обратимся к анализу данных лонгитюдного опроса¹, дающих возможность проследить динамику изменения мате-

---

¹ Исследования в рамках проекта, поддержанного INTAS (ref. nr 03-51-3769; руководитель Н. Меннинг, Н. Тихонова). В основе статьи качественный анализ данных лонгитюдного опроса членов домохозяйств Москвы (N = 38), Воронежа (N = 27), который проводился на протяжении ряда лет (1996—2005), а также Казани (N = 21), выборка сформирована И. Б. Назаровой (с 1997 г.).

риального положения, состояния здоровья, а также особенности поведенческих практик в отношении своего здоровья мужчин и женщин, которые в середине 1990-х находились в сходных социально-экономических условиях и принадлежали практически к одному социальному классу. В фокусе нашего внимания — анализ полуструктурированных интервью с целью рассмотрения основной сферы, в которой происходит углубление гендерных неравенств — занятости, а также поведения в отношении своего здоровья.

Положение мужчин и женщин в сфере занятости и его влияние на их здоровье

Прежде всего необходимо отметить, что масштабный экономический кризис 1990-х гг. следует рассматривать как генеральный фактор макроуровня, который определял социально-экономический контекст изменения положения мужчин и женщин.

Изменения в сфере занятости генерировали все основные изменения в социально-экономическом положении женщин и мужчин и гендерных различий в нем. Данные лонгитюдной выборки дают при этом общее представление о гендерных различиях моделей приспособления к изменившимся условиям: мужчин — через большую активность на рынке труда, женщин — через минимизацию потребностей. Анализ интервью позволяет получить более детальное представление о специфике поведения мужчин и женщин в этой сфере.

Мужчины. В нашей выборке мы выделили ряд типов и подтипов ситуаций в сфере занятости, которые могут объяснять причины ухудшения здоровья мужчин и которые связаны с их активностью и не активностью в данной сфере.

1. **Активность в сфере занятости** была, как правило, нацелена на поиск более высокооплачиваемого места работы. К этой ситуации относится подавляющее большинство историй в выборках всех трех городов в нашем лонгитюдном исследовании.

Можно выделить ряд подтипов ситуаций в зависимости от характера и результатов смены работы и специальностей, ее восприятия и влияния на здоровье. На людей, попадавших в эти ситуации, существенное влияние оказывали как внешние обстоятельства, так и индивидуальные характеристики — возраст, состояние здоровья, полученное образование и прежний опыт работы, установки в отношении места работы и специальности и т. д.

Один из подтипов — *кризисное предпринимательство*, т. е. предпринимательство в условиях кризиса занятости по основному месту работы, без должной предварительной подготовки и достаточных ресурсов для открытия бизнеса.

Здесь встречаются относительно успешные истории, но чаще такая смена деятельности не воспринимается оптимистично. Так, предприниматель из Казани (Л., 34 года, в панели с 1997 г.) отмечал:

Занялся не тем, чему учился (в университете) и к чему стремился. Был период, когда чувствовал себя неловко: от физмата перейти в торговлю. Первое время мучался: «Кем я был, кем хотел быть и кем я стал!» Собственно, и сейчас некоторое сожаление осталось. Если бы тогда в материальном плане было легче и

если бы моя специальность (физик) была перспективной, я бы лучше сохранил то, что имел.

Однако постепенное изменение ситуации в бизнесе и жизни к лучшему принесло ему в начале 2000-х гг. ощущение стабильности, прочности, в отличие от ситуации 1990-х гг.:

Когда есть деньги, есть и некоторое спокойствие, уверенность, что сможешь купить лекарства, положить родных в больницу, в какую надо, договориться со специалистом.

В выборке встречались и примеры менее успешной предпринимательской деятельности, заканчивающейся порой развалом. Такие респонденты, как правило, входят в следующую рассматриваемую подгруппу.

Смена мест работы и специальности — один из наиболее распространенных способов адаптации к постоянно изменяющимся условиям занятости и падению уровня жизни. Он характеризует значительную часть респондентов-мужчин и для многих служит главной причиной подрыва здоровья.

Это проявляется, например, в истории Н. (работающий пенсионер из Казани, 60 лет, в панели с 1997 г.):

В связи со всеми этими реформами начиная с 1991 года пришлось сменить несколько мест работы: и каменщиком и разнорабочим, и сторожем. Пришлось браться за любую работу, т. к. предприятия закрывались, людей увольняли.

Нестабильность, неясность правил игры при приеме на работу и стала главной причиной подрыва его здоровья.

Похожа на первый взгляд и ситуация у респондента из Москвы (В., 53 года, в панели с 1996 г.), на момент последнего интервью официального безработного (после сокращения). История смен им работы и специальности в целом носила нисходящий характер — до начала реформ он занимал инженерно-технические должности на крупном московском заводе, а после увольнения с завода в середине 1990-х гг. переквалифицировался в рабочие:

Я уже раз 6 за эти 10 лет сменил работу. И это не потому, что у меня неуживчивый характер, а просто потому, что у нас обстановка такая.

Отдельно следует выделить подтип *слом прежнего социального и профессионального статуса*. В выборке он представлен историями мужчин — квалифицированных специалистов (профессионалов), длительное время работавших на крупных предприятиях и занимавших там достаточно высокие должности.

В истории респондента из Москвы (А., 60 лет, пенсионер, в панели с 1997 г.), доктора наук, бывшего научного сотрудника НИИ, связанного с исследованиями в области космической медицины и биологии, такой слом занимал центральное место. Главной причиной обострения своих наследственных болезней респондент считает внешний стрессогенный макрофактор — изменение ситуации в стране (упадок науки) и на своей работе (фактическое закрытие его научного направления). В судьбе этого человека потеря статуса, чувства востребованности как специалиста стала фактором ухудшения состояния здоровья и перехода на пенсию по инвалидности:

Я работал, я был значимым человеком... по крайней мере, во всем мире признавалась моя приоритетность в определенной области науки. И вдруг я стал никто — вообще! <...> Тогда моя наука — космическая медицина и биология — стала никому не нужна. Как наука, подчеркиваю. И примерно в это же время и пошли все вспышки моих наследственных заболеваний.

Бывший инженер научно-производственного объединения из Казани (К., 62 года, ведущий специалист, в панели с 1997 г.) также рассматривал слом профессионального статуса как потерю стабильности, ощущения значимости и самоуважения:

Раньше я работал в институте НПО (научно-производственном объединении) «Волга». Это был крупный всесоюзный институт. Когда я там работал, я считал, что я очень нужен. Со мной считались там. Я жил хорошо. В командировки ездил. Повышение квалификации. Освоение новой техники. Постоянно новые машины приходили. И у меня постоянный рост был... Раньше я был спокоен, знал, что у меня две работы запасных всегда будут с повышенной зарплатой. Сейчас нет никакой защищенности, уважения никакого нет. Раньше, из-за того что человек нужен был на работе, с ним считались. Сейчас такого нет.

1990-е гг. были отмечены для этого респондента постоянной сменой работ и специальностей из-за необходимости иметь какой-то доход. Этот ритм интенсивной работы, продолжавшейся и после выхода на пенсию, был задан значимой для него нормой ответственности за семью и образование детей — у респондента было три сына. В стремлении удержаться на рабочем месте («пока могу ходить, пока не выгонят, буду работать») он забывал следить за собственным здоровьем.

Подобные жизненные истории характерны не только для пожилых респондентов. Но значительные ресурсы адаптации у более молодых респондентов обуславливают большую сглаженность влияния этого слома на социальное положение и психологическое состояние, а следовательно, и на здоровье.

Стабильность в сфере занятости в контексте нашего исследования означает принятие сложившейся ситуации на основной работе и характеризует не только успешных (как правило, это молодые респонденты), но и неуспешных (те, чья работа не приносит высокого дохода и оставляет их на уровне бедности при плохом здоровье). В выборке такие респонденты составили около четверти, и, как правило, они отмечали стабильность состояния здоровья в последние годы.

2. Неактивность в сфере занятости — небольшой по численности попавших в него респондентов, но весьма значимый для понимания причин социального нисхождения тип, представленный респондентами с тяжелыми жизненными обстоятельствами (болезнь/инвалидность, выход на пенсию при отсутствии поддержки, развитие алкоголизма и т. п.).

Одна из таких историй весьма нетипична и даже в своем роде уникальна (подобные ситуации характерны главным образом для женщин). Это история отца-одиночки с двумя детьми, рабочего (С., 50 лет, слесарь-ремонтник, Воронеж, в панели с 1996 г.). На иждивении у респондента долгое время находилась также мать-инвалид. Ему пришлось сменить немало мест работы, главной трудностью была необходимость содержать одному детей. В интервью 2002 г. он признавался:

Много приходилось ходить по предприятиям... Но в основном так: либо я не нужен, либо места нет. Не брали меня на работу чаще всего потому, что скрывать не скрывал: семейные проблемы у меня есть, двое детей на мне. В основном играла (роль) эта причина. Честно сказать, и я отказывался иногда от работы, если она попадалась у черта на куличках. Зарплата тут особой роли не играла, потому что те рабочие места, которые я брал, это государственные организации, поэтому плюс-минус 200 рублей роли не играли.

На предприятиях, где он работал, не собирались учитывать жизненные сложности респондента, откровенно манипулируя с их помощью, в частности, при навязывании худших условий работы, что влияло и на его здоровье.

Если они увольняют по состоянию здоровья, это одно. Я могу и в суд подавать, и пенсию с предприятия требовать за профзаболевание. А если я уйду по собственному желанию, то меня как бы и никто не заставлял, я сам подписал. Поэтому вынуждают, специально предлагая такую работу и заработок, что никто работать не будет, сам уйдет. Это чтобы пенсию не платить.

Все это способствовало ухудшению здоровья респондента.

Таким образом, *материалы интервью подтверждают гипотезу о важности влияния обстоятельств в сфере занятости на взаимосвязь уровня жизни и здоровья мужчин. Особую роль в механизме их взаимовлияния именно у мужчин играла значимость для них профессионального статуса, слом и невозможность восстановления которого являлись источником обострения болезни и ухудшения жизненной ситуации, далее следовала смена мест работы и сфер занятости в поиске приемлемой замены утраченного места, которая лишь еще больше подрывала стабильность и упорядоченность их жизни и ухудшала ситуацию. Внешние ограничивающие и дискриминирующие факторы играли главную роль в создании таких обстоятельств.*

Женщины. Спецификой положения женщин в сфере занятости, по данным многих исследований, являются более слабые, чем у мужчин, позиции на рынке труда. Одна из причин этого рядом исследователей видится во влиянии гендерного порядка, сложившегося в советский период, при котором женщина должна была работать и на производстве, и в домашнем хозяйстве, что вытесняло ее с более экономически выгодных, престижных позиций в структуре занятости, закрепляло «вторичное» положение на рынке труда.

Анализ женских интервью в лонгитюдном исследовании дает представление о наиболее типичных ситуациях в сфере занятости, возникающих там трудностях и способах их преодоления. При общей схожести этих ситуаций с мужскими, они несколько по-иному формируют типы (формы) стрессов из-за ситуации на работе.

1. **Активность в сфере занятости** в женской подвыборке, как и в мужской, имела определенную специфику.

Предпринимательские стратегии, составлявшие один из подтипов этой активности, были представлены еще реже, чем среди мужчин. В выборке только одна история успешной женщины-предпринимательницы из Казани (Л., заведующая магазином, 45 лет, в панели с 1997 г.), при этом возглавляемый ею

бизнес был не основан ею, а «получен» в ходе приватизации — она создала акционерное общество на основе магазина, в котором работала до этого.

Попытки заняться предпринимательской деятельностью у женщин часто терпели неудачу, даже при опоре на должную квалификацию. Это были усилия по организации дела без связей и денег. Типичный пример такой попытки — история Г., психолога бюджетной организации из Казани (45 лет, в панели с 1997 г.):

В 1996 году я окончила курсы переподготовки. Первое мое образование — техническое. Прошла переподготовку на психолога. <...> А вообще, я себя в ней (работе по новой специальности) нашла. Но я нашла бы себя больше, если бы она больше оплачивалась или если бы была возможность зарабатывать деньги. Но чтобы была возможность — это нужны деньги, связи. Сколько (времени) мы с сослуживцами пытаемся организовать свой консультационный пункт, мы обращались к депутату в нашем районе. Ходили по всем структурам, по всем организациям, чтобы получить помещение, аренда за которое требовала бы минимальных средств, чтобы раскрутиться. Депутат нас переслал к кому-то другому. Несмотря на то, что мы достаточно настойчиво добивались встречи. И только тогда, когда поняли, что это совершенно бесполезно, перестали этим заниматься...

Стремясь открыть свое дело, респондентка ставила перед собой достаточно скромные цели — не достижение богатства, а скорее обретение определенного качества жизни, позволяющего выживать и реально поддерживать здоровье свое и близких. Но и это при существующих ограничениях оказалось недоступным:

Иметь бы бизнес, если бы нам удалось добиться этого, то мы могли бы обеспечить себе человеческую жизнь. Человеческую — это если бы я смогла сходить в сауну, в бассейн, на массаж, съездить куда-то, в санаторий или еще куда-то. Позволить себе какую-то одежду, не то, что традиционно, не то, что носишь по 5 лет, а чтобы это было что-то нарядное, красивое...

Наиболее распространенным подтипом активности в сфере занятости, так же как и в мужской подвыборке, являлась *смена мест работы и специальностей*. Чаще всего она также была нацелена на получение дохода для содержания семьи, поскольку значительная часть респонденток — матери-одиночки. Это и определяет специфику данной группы — более серьезные препятствия в занятии привлекательных рабочих мест.

В группе — женщины разных возрастов и социальных слоев. Само наличие иждивенцев, особенно маленьких детей, становится первым и основным фактором, препятствующим трудоустройству:

Просто говорилось в открытую: если, например, заболел ребенок, то кто будет брать больничный? (Г., 37 лет на момент интервью в 2002 г., экономист, Москва, в панели с 1999 г.).

Такое отношение становилось одной из причин того, что женщинам приходилось устраиваться на любую работу, соответственно, занимать «некачественные» и невыгодные рабочие места, а кроме того, «крутиться» сразу на нескольких малоприбыльных работах.

Я знаю некоторых людей, которые работают в четырех местах. Чтобы как-то выжить. Хватаются за любую работу. Женщины одинокие, бегают, хватают эти кусочки, чтобы как-то прожить (Т., 56 лет, зам. директора вуза, Казань, в панели с 1997 г.).

Положение осложнялось тем, что, как правило, помощь многим неполным семьям от бывших мужей практически отсутствовала. Поэтому женщинам после развода приходилось рассчитывать только на свои силы.

Муж сейчас не помогает. У него есть деньги, но нет желания... Надеяться не на кого, только на себя (О., 34 года, педагог по музыке, Казань, в панели с 1997 г.).

Ответственность за семью и нацеленность на доходы от работы, невзирая на ее тяжесть, отличают истории респонденток, которым приходилось содержать членов семьи и при муже, неспособном выполнять роль главного кормильца.

Типична в этом смысле история респондентки из Казани (О., 43 года, аппаратчик химического производства, в панели с 1997 г.). Она была уволена с предприятия, на котором работала лаборантом, в середине 1990-х гг. на волне сокращений по городу. Обстановка в семье — две дочери, выпивающий муж — заставила ее взять весь груз заботы о ней на себя, освоить другую специальность и работать во вредных условиях:

Я переучилась на аппаратчицу. И сейчас работаю аппаратчицей на своем же заводе. Работа тяжелая, посменная. И вредность есть, поскольку химическое производство. Но... не представляю, если опять останусь без работы, где и что найти. Держишься за свою работу и боишься потерять... Здоровье за последние годы ухудшилось в связи с реформами. Стало хуже материально, появилась зависимость от работодателей. Нельзя выразить недовольство чем-либо, могут уволить.

В женских историях в меньшей степени проявляется отмеченный в мужской подвыборке *слом профессионального статуса* как фактор слома судьбы и соответственно значительного ухудшения здоровья. Этот аспект выражен в некоторых историях женщин, как правило специалистов с высшим образованием, но и у них доминируют все же скорее проблемы семьи, детей, и зачастую они «смягчают» жесткость и силу удара по профессиональной карьере. Это можно видеть в историях женщин-профессионалов, занимавших достаточно высокие должностные позиции на своих предприятиях в дореформенный период и в одночасье «выброшенных на улицу».

Действие подобного механизма «амортизации» потери работы и профессиональной идентичности прослеживается, например, в истории респондентки из Москвы, специалиста предприятия, входившего в военно-промышленный комплекс (И., 53 года, пенсионер по инвалидности, в панели с 1996 г.). В начале 1990-х гг. она находилась в декретном отпуске по уходу за ребенком, а после выхода из отпуска была уволена по сокращению штатов предприятия, серьезно подорвала здоровье в связи с этими изменениями («Сильный удар был, когда мы оба потеряли работу в 1995 году») и ушла на инвалидность (по мнению мужа, «это у нее все из-за психического здоровья, это очередное испытание»).

Рассуждая на тему гендерного неравенства на рынке труда, респондентка отмечала, что в условиях кризиса занятости женщины чаще находят выход в

том, что посвящают себя семье. Это смягчает для них сложности потери работы, профессионального статуса, хотя и увеличивает ответственность за бытовые проблемы семьи.

Мои знакомые женщины не работают — многим в последнее время стало так удобнее, не работать, больше заниматься детьми, домом. И потом было бы из-за чего работать, заработок [был бы] стоящий, а просто высидивать время — так лучше посвятить его детям, сейчас такая тяжелая криминальная ситуация, и в школу надо проводить, и с голоду они у тебя не помирают.

Данная точка зрения близка выводам исследователей, склонных объяснять различия в состоянии здоровья, уровне смертности между мужчинами и женщинами в числе прочего различиями в степени влияния макроэкономического стресса на них в силу особенностей их социальных ролей: «Мужчинам больше свойственно вовлечение в политическую и экономическую сферу, где разочарование и ощущение потери контроля над собственной судьбой могут доминировать. Женщины, в силу причин экономического характера также вовлеченные в сферу общественной занятости, имеют обычно традиционный круг забот: домашнее хозяйство, семья, дети, муж, родители. Эти заботы вносят в их жизнь ощущение смысла и чувство ответственности, которые в определенной мере служат защитой от социального стресса и способны компенсировать его последствия» [7, с. 23].

Таким образом, описанная в мужской подвыборке ситуация слома профессионального статуса, влияющая на состояние здоровья и, соответственно, на материальное положение, в «женском варианте» имела обычно несколько иной характер.

2. Неактивность в сфере занятости, свойственная незначительной группе респонденток, обуславливалась в основном не безвыходной ситуацией с трудоустройством, а опорой на ресурсы домохозяйства, прежде всего на поддержку работающего мужа — кормильца семьи. При этом женщина чаще всего либо работала на удобной, но низкооплачиваемой работе, либо была домохозяйкой, готовой пойти работать в случае необходимости.

Респондентка из Москвы (И., 33 года, домохозяйка, в панели с 1996 г.), мать двоих детей, долго предпочитала не работать и сидеть дома с двумя сыновьями, хотя и строила планы выйти на работу. Предыдущий опыт трудовой деятельности был неудачным из-за низкого уровня зарплаты, который делал эту занятость нерентабельной с точки зрения семейных расходов:

...Зарплаты там особо не приходилось ждать... Я думала, что будет хотя бы на 50 % выше, и поэтому смогла бы няню (пригласить, чтобы сидеть) с детьми... А так — зачем мне работать, чтобы дети дома голодные сидели. А теперь получается уже предел, уже надо что-то искать, потому что на зарплату мужа — никак (не прожить).

Следует учесть и такой фактор, влияющий на здоровье женщин, как их *двойная нагрузка* — дома и на работе, стремление совместить выполнение традиционных функций в семье и производственных функций. Эта проблема рассматривается как ключевая в исследованиях женского здоровья [14, р. 130] и включает в себя изучение последствий для здоровья матери и ребенка откла-

дывания рождения детей из-за трудностей на работе и усвоения «мужской деловой культуры» с курением и употреблением алкоголя, а также влияния нервных перегрузок, возникающих из-за перенапряжения. В 1990-х гг. действие этого фактора видоизменяется, усиливает разрушающее влияние на здоровье как женщин, так и мужчин в силу потери прежнего баланса, который сложился в стабильных условиях. Так, Т. Лыткина, С. Ашвин показывают, что в 1990-х гг. несогласованность, несбалансированность гендерных ролей в домохозяйстве играет негативную роль и ведет к тому, что и мужчины и женщины страдают, каждый по-своему, от невозможности исполнения своей роли и достижения разумного компромисса [5, 1]. Модель, когда муж обеспечивает семью, а женщина заботится о бытовых вопросах, распоряжается деньгами и отвечает за воспитание детей, эффективная в полной семье и в стабильных социальных условиях, теряет оправдание в условиях кризиса и фактической потери мужья-кормильца (включая случаи утраты им этой роли, несмотря на его физическое присутствие в семье). При этом обычно женщина для того, чтобы содержать семью с неработающим или имеющим низкооплачиваемую работу супругом или возглавляемое ею домохозяйство без супруга, вынуждена экономить на своих потребностях.

Итак, проблемные ситуации в сфере занятости для мужчин и женщин в 1990-е гг. складывались по-разному, хотя тяжесть экономического кризиса являлась одинаковой. Для большинства мужчин весьма важным было, с одной стороны, исполнение роли основного добытчика в домохозяйстве, а с другой — значимость социально-профессионального статуса, в этом и выражалась их двойная нагрузка. Трудности и зачастую невозможность нести эту нагрузку становились факторами стресса и ухудшения здоровья. Двойная нагрузка женщин заключалась в ином и также представляла собой достаточно жесткий круг обязанностей по решению бытовых проблем семьи иногда при потере значимой поддержки супруга, с одной стороны, и сужающихся возможностей улучшить свое положение на рынке труда — с другой. Парадоксально, но эта двойная нагрузка у женщин часто смягчала последствия потери работы и профессиональной идентичности. *В целом же усиление гендерного конфликта ролевых норм и структурных ограничений и у мужчин и у женщин становилось фактором стресса, механизмом ужесточения порочного круга бедности и (не)здоровья в малообеспеченных слоях.*

Поведение мужчин и женщин в отношении своего здоровья

Ответственность за различия в здоровье мужчин и женщин исследователями часто возлагается на особенности их самосохранительного поведения как на уровне норм и ценностей, так и на уровне повседневных практик в сфере здравоохранения в отношении своего здоровья (см., напр.: [10]). Наше исследование подтвердило существование этих различий.

В выборке лонгитюдного исследования в целом и женщины и мужчины также были склонны почти одинаково оценивать свое здоровье: и в той и в другой группе более половины характеризовали его как удовлетворительное. В то же время женщины, как и по России в целом (данные репрезентативных

опросов), несколько чаще считали его плохим. Обоснованность такого мнения подтверждалась и показателями по шкале EQ-5D². Согласно ей, состояние здоровья женщин в выборке было хуже, чем состояние здоровья мужчин. Следует отметить, что лучшее здоровье характеризовало в большей степени одиночек среди женщин и женатых среди мужчин — более половины замужних женщин были отнесены по показателям EQ-5D к категории больных и более двух третей женатых мужчин — к категории здоровых³.

Причинами ухудшения своего здоровья женщины в большей мере считали тяжелое материальное положение в семье, а мужчины — вредные привычки, нездоровый образ жизни. Что касается других причин, то женщины чаще называли конкретные несчастья в семье (смерть мужа, ребенка, плохие жилищные условия, различные заболевания). Мужчины по преимуществу говорили о макрофакторах (криминальное государство, сокращение на работе, ликвидация предприятия).

Сосредоточим теперь внимание на особенностях *мужской и женской моделей поведения в отношении здоровья* — степени влияния на их формирование установок и стереотипов, а также декларируемых и реальных практик обращения к структурам здравоохранения.

Данные лонгитюдного опроса показывают, что мужскую модель поведения в большей степени определяют стереотипы, принижающие значимость заботы о своем здоровье. Женская модель отличается большей гибкостью к изменению условий. Так, женщины в большинстве не признают мнения о том, что те, кто заботится о своем здоровье, белые вороны, тогда как среди мужчин такого мнения придерживается почти треть. Для женщин характерно понимание заботы о здоровье как характеристики современного человека. Они в два раза чаще мужчин не согласны с тем, что постоянная забота о своем здоровье — проявление эгоизма.

Формирование установок и стереотипов в отношении к собственному здоровью у мужчин и женщин происходило под воздействием различных факторов. Мужчины в наибольшей степени находятся под влиянием поведения окружающих, наименьшую роль играют, по их мнению, семейные традиции и медицинские сведения из средств массовой информации. Набор факторов, которые в определяющей степени формируют отношение женщин к своему здоровью, иной, подтверждающий большую прагматичность, ситуативность их поведенческой модели. Среди наиболее значимых факторов женщины называют прежде всего конкретные факты — ухудшение своего здоровья и страх перед возможным заболеванием.

---

² Шкала EQ-5D, разработанная группой EuroQoL, представляет собой вопросник, предназначенный для оценки общего качества жизни, связанного со здоровьем. Она состоит из двух частей. В первой части пациент самостоятельно оценивает свое состояние по 5 аспектам — мобильность, уход за собой, обычная активность, боль/дискомфорт, тревога/депрессия. Методика использована в опросе 2005 г.

³ Другие исследования уточняют: в семьях, где женщины принимают основные решения, их здоровье хуже, чем у их мужей (см.: [13]).

Способы действий мужчин и женщин по сохранению своего здоровья имеют как сходства, так и различия. Судя по ответам, женщины чаще придерживаются диеты, значительно чаще посещают врача в целях профилактики, регулярно принимают лекарства, избегают вредных привычек. Так, курение характеризует в выборке в гораздо большей степени мужчин, чем женщин. Мужчины также значительно интенсивнее курят.

Парадоксален факт, что, несмотря на поведение явно в пользу более здорового образа жизни, женщины гораздо чаще, чем мужчины, не удовлетворены положением дел в отношении поддержания здоровья. Так, более половины женщин не считают, что предпринимаемых ими усилий достаточно для поддержания здоровья. В то же время мужчины более чем в два раза чаще уверены в том, что для этого они делают немало.

Показательны и различия в способах объяснения своего поведения в отношении здоровья. Мужчины гораздо чаще демонстрируют стремление ни в чем не ограничивать себя, слабость воли, необходимой для заботы о здоровье, жалуются на отсутствие времени и желания делать что-то в этом направлении. Женщин больше волнует отсутствие соответствующих условий и денег.

Исследование выявило значительный разрыв в предполагаемых и реальных действиях мужчин и женщин, также свидетельствующий о большем влиянии на мужчин стереотипов «мужского кодекса поведения» в отношении здоровья. Так, одно из наиболее ярких различий между мужчинами и женщинами проявляется в намерениях действовать в случае необычно плохого самочувствия. Мужчины, например, в три раза чаще ничего не собирались предпринимать по поводу плохого самочувствия, предпочитая ждать, когда все пройдет само собой.

В целом эта модель воспроизводилась и на уровне практических действий. Так, женщины значительно чаще использовали в случае проблем со здоровьем целый спектр каналов возможной помощи — от советов близких до обращения к врачу. Надо добавить, что женщины почти в два раза чаще имели постоянного или знакомого врача, к которому обращались в случае необходимости. Достаточно характерны и ответы о причинах необращения к врачу. Женщины чаще жаловались на обстоятельства бытового характера: отсутствие необходимых для этого денег, сложность записи на прием к хорошему специалисту. Кроме того, женщины в большей степени не доверяли нынешним врачам и методам лечения, ориентируясь на получение знаний о своем заболевании из других источников и по возможности контролируя действия врачей:

Уже приходишь к врачу с (своим) диагнозом. И я спрашиваю (у них), что вы колете, и какие таблетки (даете). И потом инструкцию прочитаю от таблеток. Чтобы знать (*И., 33 года, домохозяйка, Москва, в панели с 1996 г.*).

Мужчины, объясняя причины необращения к врачам, чаще ссылаются на бесполезность посещения медиков, противоречие этого своим принципам, возможность другими способами справиться с болезнью, естественность заболевания для их возраста. Встречаются и объяснения экономического характера — отсутствие средств и времени:

...для того чтобы понять, болен человек или не болен, он должен обратиться к врачу, пройти обследование. А для того чтобы обратиться к врачу, в нашей медицине нужны большие деньги или много-много-много свободного времени (*Л., инженер-электромеханик, Москва, в панели с 1996 г.*).

Однако реальное поведение в случае острых заболеваний у самих респондентов или их близких (в анкете предлагалось вспомнить о таком реальном случае) несколько смягчает столь жестко декларируемые установки. И хотя скорую помощь мужчины вызывали в таких ситуациях действительно значительно реже женщин, они в одинаковой с женщинами степени обратились к врачу и в одинаковой же степени лечились самостоятельно (около четверти случаев). Впрочем, обращение к врачам выглядело у мужчин и женщин по-разному — женщины чаще мужчин прибегали в этом случае к помощи широкого круга советчиков (родственников, знакомых, друзей, соседей).

Анализ интервью показывает также, что существуют различия в способах получения информации, на основе которой мужчины и женщины выстраивали стратегии в отношении здоровья. Чисто мужской можно назвать модель *отказа от использования информации о поддержании здоровья, обращения к врачу лишь в случае острой необходимости*. Чисто женской — модель, которую характеризует *фокусированное и тщательное отслеживание литературы и способов действия, мест обращения по поводу здоровья, собственного или близких*.

Итак, исследование подтвердило существенные различия в поведении мужчин и женщин в отношении здоровья при равной степени доступности здравоохранения в однородных социальных слоях. Большая ответственность женщин за свое здоровье, которая является общепризнанной нормой, в бедных и малообеспеченных домохозяйствах усиливается за счет большей ответственности за благополучие семьи. В то же время сохранение мужчинами установок на пренебрежение заботой о своем здоровье не только способствует обострению проблем со здоровьем, но и ведет зачастую к ухудшению материального положения как их, так и их семей.

* * *

Данные репрезентативного общероссийского опроса демонстрируют, что неравенства в социально-экономическом статусе формируются в основном вследствие менее выигрышной позиции женщин в структуре занятости и оказывают значимое, хотя и опосредованное влияние на формирование гендерных неравенств в здоровье. Нестабильность положения женщин отражается на их эмоциональном состоянии, они испытывают страх перед изменениями и невозможностью контролировать ситуацию. Недаром женщины чаще говорят о стрессе как о факторе ухудшения здоровья.

В этом плане женщины находятся в относительно худшем положении, чем мужчины. В то же время особенности существующих гендерных ролей, когда женщина, даже потеряв работу, ощущает свою социальную значимость как мать, жена, бабушка, хозяйка и т. д., смягчает для них эту нестабильность. Мужчины же меньше переживают «на будущее», но в случае реальных проблем с работой испытывают особенно тяжелый стресс. Ухудшает ситуацию и

распространенность определенных гендерных установок, стереотипов в отношении своего здоровья, ограничивающих заботу о нем мужчин.

В этой связи надо добавить, что исследование выявило характеристики мужской и женской поведенческих моделей в отношении своего здоровья. Женскую модель отличают большая гибкость, прагматичность как на уровне установок, стереотипов, так и на уровне действий в реальных ситуациях. Мужская модель в большей степени отражает кодекс норм, предписывающих не заботиться о своем здоровье.

Следствием этого выступает тот факт, что наиболее эффективные модели поведения в экономической сфере, в которые как обязательный элемент входят стратегии экономной профилактики своего здоровья, свойственны преимущественно женщинам. В нашей лонгитюдной выборке, включающей в основном бедные и малообеспеченные домохозяйства, именно такие стратегии чаще приводили и к улучшению материального благосостояния семей. Можно заключить, что при невысоких ресурсах и жестких структурных ограничениях характерная для женщин модель поведения в отношении своего здоровья в большей степени способна обеспечить в России преодоление замкнутого круга бедности и (не)здоровья.

Подводя итоги, подчеркнем, что гендерно направленная социальная политика должна касаться как сферы занятости (прежде всего выравнивание шансов мужчин и женщин на рынке труда), так и жизни домохозяйств (социальная поддержка неполных семей и т. д.). Кроме того, самостоятельным ее направлением должна стать дифференцированная пропаганда здорового образа жизни, формирование новых поведенческих норм и стереотипов.

Библиографический список

1. *Ашвин С.* Гендерная солидарность против экономических трудностей? Влияние советского наследия // Социол. исслед. 2006. № 5. С. 57—67.
2. *Браун Дж. В., Панова Л. В., Русинова Н. Л.* Гендерные различия в здоровье // Там же. 2007. № 6. С. 114—122.
3. *Григорьева Н. П., Чубарова Т. В.* Гендерный подход в здравоохранении. М. : Альфа Принт, 2001. 96 с.
4. *Иванова Е. И.* Смертность российских мужчин : (мужчины и региональные различия) // Социол. исслед. 2010. № 5. С. 87—99.
5. *Лыткина Т. С.* Домашний труд и гендерное разделение власти в семье // Там же. 2004. № 6. С. 85—90.
6. *Назарова И. Б.* Здоровье занятого населения. М. : Макс Пресс, 2007. 526 с.
7. *Неравенство и смертность в России / под ред. В. Школьников, Е. Андреева, Т. Малевой.* М. : Сигнал, 2000. 107 с.
8. *Попова И. П.* Динамика здоровья и материального благосостояния населения : (опыт лонгитюдного опроса) // Россия реформирующаяся : ежегодник. М. : Ин-т социологии РАН, 2006. С. 134—151.
9. «Рано умирать...» : проблемы высокого уровня заболеваемости и преждевременной смертности от неинфекционных заболеваний и травм в Российской Федерации и пути их решения : краткое изложение / Европа и Центральная Азия, Департамент социального развития, Всемирный банк. [Б. м.] : Алекс, 2005. 176 с.

10. *Шилова Л. С.* Трансформация женской модели самосохранительного поведения // Социол. исслед. 2000. № 11. С. 134—144.
11. *Abbott P. A., Turmov S., Wallace C.* Health world views of post-soviet citizens // *Social Science & Medicine*. 2006. Vol. 62. P. 228—238.
12. *Cockerham W. C.* Health lifestyles in Russia // *Ibid.* 2000. Vol. 51. P. 1313—1324.
13. *Cubbins L. A., Szaflarski M.* Family effects on self-reported health among Russian wives and husbands // *Ibid.* 2001. Vol. 53. P. 1653—1666.
14. *Scambler A.* Women and health // *Sociology as Applied to Medicine* / ed. by G. Scambler. 5th ed. London : Harcourt Publishers Limited, 2003.

ББК 60.561.23

А. А. Юдина

**СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЖЕНСКОГО
МАЛОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА
(На примере малого женского предпринимательства
города Гатчина)**

Жизнь малого предпринимателя — это богатое поле возможностей, но и огромное количество трудностей и «ловушек». Неустойчивость предприятий малого бизнеса высока, как ни в одном другом секторе рыночной экономики [11, с. 130]. Однако именно малый бизнес может заполнить те ниши, которые пустовали в плановой экономике, и выполнить те функции, которые зачастую не готов взять на себя крупный и средний бизнес. Это прежде всего услуги населению (бытовые, образовательные, в сфере отдыха и т. д.) и бизнес-услуги (консалтинг, маркетинг и др.).

А что мы знаем о женском малом предпринимательстве? Становление частного бизнеса женщин в современной России идет медленно, наталкиваясь на множество социальных, экономических и юридических барьеров. Женщина как субъект предпринимательской деятельности сталкивается с особым классом социальных проблем. Неизбежная при переходе к рыночной экономике структурная перестройка требует пересмотра концептуальных и методологических подходов к становлению женского предпринимательства. Речь идет о создании благоприятных условий для раскрытия творческого потенциала женщин. Это важно не только для формирования политики занятости женщин на перспективу, но и для решения текущих, порой весьма острых проблем их определения в области карьеры. Тем более что в числе безработных большинство по-прежнему составляют женщины [9].

Весьма важно то, что в настоящее время в России практически нельзя отграничить пространство женского предпринимательства от других сфер бизнеса. Невозможно назвать численность реально действующих фирм в России,

возглавляемых женщинами-предпринимателями, или численность промышленных производств, работающих под руководством женщин. И дело не просто в несовершенстве статистики, а в незаинтересованности лиц, делающих российскую экономическую политику, рассматривать женщин как реальных субъектов экономических преобразований.

Все это еще более осложняется, когда речь заходит о российских регионах. Там знание о статистических параметрах данного процесса можно обнаружить разве что в объединениях женского предпринимательства. Где объединения отсутствуют, можно надеяться лишь на информацию, передаваемую с глазу на глаз.

Проблема малого женского предпринимательства не является новой для отечественной социологии. За последние годы социологическим сообществом получено определенное приращение знаний в вопросах оценки статуса малого женского предпринимательства в России [2], анализа его общественных функций [10, 12], выявления перспектив его развития [4, 7]. Бесспорным результатом такой аналитической работы стало признание того значения, которое имеет участие женщин в предпринимательской деятельности как с точки зрения решения проблем занятости и экономического роста, так и с точки зрения преодоления гендерного неравенства в нашей стране.

Впрочем, практика показывает, что в настоящее время малое женское предпринимательство в России переживает все еще явно не лучшие времена. Разумеется, многие из проблем представительниц данной социальной группы являются общими для отечественного малого предпринимательства, так и не сумевшего избавиться от прессы чрезмерного администрирования, непомерных налогов и высочайших транзакционных издержек. К сожалению, работающие в малом бизнесе женщины, как правило, не имеют никаких привилегий перед их собратьями по цеху — представителями сильного пола. Более того, они скорее оказываются в еще менее завидном положении. Об этом, например, со всей очевидностью свидетельствует наметившаяся тенденция маскулинизации предпринимательства [3] и отток женщин из сферы предпринимательской деятельности в сферу наемного труда — сферу, где у них традиционно имелись худшие по сравнению с мужчинами переговорные позиции, где они заметно проигрывают в оплате труда [9] и имеют существенно более низкий материальный статус [1, с. 57; 6, с. 4].

Все эти факты указывают на то, что, несмотря на политические декларации правящего класса о безусловном приоритете предпринимательской деятельности, малое женское предпринимательство до сих пор не сумело раскрыть свой потенциал. Эта ситуация, разумеется, явилась следствием целого комплекса причин. И, как нам представляется, одна из таких причин — неполнота восприятия анализируемого явления, вызванная отсутствием адекватной объяснительной модели малого женского предпринимательства. Одним из возможных подходов к пониманию этого явления может стать его рассмотрение через призму концепций маргинальности.

Исследование малого женского предпринимательства как феномена маргинальности проходило в г. Гатчина с 1 июля по 28 июля 2011 г. По данным последней переписи населения, в Гатчине проживают 91 872 человека [5].

Большинство малых предприятий города относятся к сфере торговли и сфере услуг. По развитию сферы потребительского рынка Гатчина является одним из лидеров в Ленинградской области [5]. На 1 января 2011 г. в регистре Росстата по МО «Город Гатчина» зарегистрировано 2461 предприятие и организация [8] (т. е. на 37 жителей — 1 предприниматель), что явилось нашей генеральной совокупностью. Была использована серийная гнездовая выборка и метод опроса в форме анкетирования.

В нашем исследовании было опрошено 945 малых предпринимателей, работающих в сфере потребительского комплекса Гатчины. Из них 671 мужчина и 274 женщины. То есть мы видим, что в этой сфере женщин всего лишь 29 %, хотя именно в потребительском комплексе представлены типично женские ниши, такие как торговля и сфера услуг. Это подталкивает нас к мысли о том, что, если рассматривать всю совокупность малого бизнеса, число женщин окажется еще меньше. Большинство женщин — малых предпринимателей сосредоточено в возрастной группе от 31 года до 40 лет (52,2 %), большинство же мужчин — в возрастной группе от 25 до 30 лет (42,6 %). В группе 18 лет — 24 года женщин нет совсем, тогда как мужчины там присутствуют, из чего следует, что более молодым женщинам решиться стать предпринимателями еще тяжелее. Как у большинства женщин, так и у большинства мужчин высшее образование. Большинство мужчин состоят в фактическом и зарегистрированном браке (56,9 и 41 % соответственно), женщины же в основном замужем или разведены (43,1 и 32,8 % соответственно).

Почти всем женщинам было тяжело решиться открыть свое дело (87,6 % от общего числа опрошенных женщин), тогда как 67,3 % мужчин отмечают, что им скорее не было тяжело сделать этот шаг. Ситуация перехода в малые предприниматели для женщин оказалась очень трудной в отличие от мужчин, что также подтверждают ответы на вопрос о том, испытывали ли они психологический дискомфорт, страх, неуверенность в себе в первый год занятия бизнесом, на который большинство из женщин — малых предпринимателей ответили положительно. Коэффициент корреляции Пирсона между переменными «испытывали ли психологический дискомфорт» и «тяжело ли было решиться открыть свое дело» равен 0,769, что подтверждает их зависимость и говорит нам о том, что те, кому было тяжело решиться открыть свое дело (а это в большинстве случаев женщины), в основном и переживали чувства страха, неуверенности в себе в первый год занятия бизнесом. Таким образом, мы видим, что период перехода в малые предприниматели представлялся женщинам как кризис.

Большинство женщин считают, что доступ к определенным сферам деятельности для них затруднен (83,2 %), мужчины же в большинстве случаев отмечают, что могут открыть бизнес и в других сферах (69,3 %). Значительная часть женщин, в отличие от мужчин, ограничены в доступе к капиталу для расширения и развития своего бизнеса (78,5 и 9,5 % соответственно). Большинство женщин уверены, что именно семья их главный помощник в бизнесе (70,4 %), мужчины же так не считают (68,3 %). Между тем 77,7 % женщин отмечают, что семейные обязанности не позволяют им уделять должное внимание своему бизнесу, чтобы сделать его более успешным, мужчины же — малые

предприниматели никогда не сталкивались с такой проблемой. Большинство женщин утверждают, что у них не много знакомых предпринимателей (50,4 %), мужчины же говорят об обратном (77,5 %). Большая часть женщин практически никогда не обращаются за помощью к своим знакомым предпринимателям (78,5 %), и это неудивительно, ведь у них их почти нет, мужчины же прибегают к такой помощи достаточно часто (50,2 %). Также интересно, что в качестве поставщиков, партнеров, консультантов женщины — малые предприниматели практически никогда не используют незнакомых лично им или их ближайшему окружению людей (об этом говорят 74,1 % женщин), тогда как для мужчин-предпринимателей это обычное дело (80,9 %). Примечательно, что имеется зависимость между тем, какие связи используют малые предприниматели в бизнесе, и их материальным уровнем сейчас, а также уверенностью в завтрашнем дне своего бизнеса. Так, предприниматели, часто обращающиеся за помощью к своим коллегам и рискующие вступать в отношения с непроверенными поставщиками, партнерами, консультантами, имеют материальный уровень выше среднего и высокий и считают, что через год их бизнес продолжит успешно существовать (коэффициенты корреляции Пирсона равны 0,554 и 0,322 соответственно). Таким образом, мы видим, что женщины — малые предприниматели используют в бизнесе сильные институциональные связи. Мужчины же имеют более обширные связи, и именно это обеспечивает им доступ к дополнительному капиталу, не ограничивает их в выборе сферы деятельности, увеличивает их материальную базу и дает уверенность в завтрашнем дне.

Интересен тот факт, что большинство женщин — малых предпринимателей скорее не любят свою работу, в отличие от мужчин (48,2 и 0,6 % соответственно). То есть мы видим скептическое отношение женщин к бизнесу, их замкнутость в своей профессиональной сфере, что выражается также в отсутствии знакомых предпринимателей, к которым можно обратиться за помощью.

Откуда такие диаметрально противоположные взгляды мужчин и женщин — малых предпринимателей? Ответ оказался прост: большинство женщин считают, что их обращение к предпринимательской деятельности было вынужденным, в отличие от большинства мужчин (98,9 и 82,3 % соответственно). То есть у мужчин в большинстве случаев предпринимательский старт осуществлялся под действием рационального выбора (рационального взвешивания альтернативных издержек и выгод), у женщин же под влиянием иных причин и обстоятельств — отсутствия альтернативных возможностей обеспечения дохода (отсутствие работы, неудовлетворенность работой: заработной платой, возможностями карьерного роста, отсутствием гибкого графика и т. д.). Именно поэтому женщины — малые предприниматели из сферы потребительского комплекса отмечают, что испытывали психологический дискомфорт, страх и неуверенность в себе в первый год занятия бизнесом и что в Гатчине не сформирована благоприятная внешняя среда для деятельности малых предпринимателей.

Из основных проблем, с которыми сталкиваются мужчины и женщины — малые предприниматели, можно предположить об их установках в бизнесе. Главная установка мужчин — увеличение прибыли, расширение своего сегмента рынка. Об этом свидетельствует то, что важнейшей проблемой своего бизнеса они называют конкуренцию и низкую платежеспособность населения

(53,5 и 12,1 % соответственно). У женщин же основная установка в бизнесе — остаться на плаву, т. е. выжить. Об этом свидетельствуют их главные проблемы — высокая арендная плата и дополнительный капитал (43,1 и 24,8 % соответственно).

Итак, в результате проведенного исследования мы увидели, что среди женщин — малых предпринимателей Гатчины царят достаточно упаднические настроения относительно будущего своего бизнеса. Об этом, безусловно, необходимо задуматься властям, т. к. очевидно, что у этих женщин происходит деформация трудового поведения, сказывающаяся на эффективности как их трудовой деятельности, так и их работников, на которых также воздействует синдром выгорания их руководителей. Если эта ситуация не будет меняться, многие предпринимательницы перейдут в теневую экономику и, возможно, станут использовать нечестные и незаконные методы зарабатывания денег.

Библиографический список

1. Айвазова С. Гендерное равенство в контексте прав человека. М. : Эслан, 2001. 96 с.
2. Журавлев А. Л., Позняков В. П. Российские предприниматели в современной социальной структуре // Социол. исслед. 2005. № 5. С. 61—69.
3. Корнева М. Н. Малое предпринимательство как форма занятости женщин в условиях социально-экономических реформ : дис. ... канд. экон. наук. М., 2002. 148 с.
4. Нельсон Л. Д., Бабаева Л. В., Бабаев Р. О. Перспективы предпринимательства и приватизации в России: политика и общественное мнение // Социол. исслед. 2003. № 1. С. 7—18.
5. Отчет главы администрации Калугина А. Р. о деятельности за 2010 год. URL: <http://www.gatchina-meria.ru/administration/speech.php?id=2> (дата обращения: 10.02.2011).
6. Ржаницина Л. С. Женщины и рынок труда // Библиотечка профсоюзного актива. 2001. № 2. С. 4—12.
7. Смольков В. Г. Предпринимательство как особый вид деятельности // Социол. исслед. 2007. № 2. С. 15—22.
8. Социально-экономическое развитие МО «Город Гатчина» за 1 квартал 2011 года. URL: http://www.gatchina-meria.ru/economy/social2011_1.php (дата обращения: 01.06.2011).
9. Федеральная служба государственной статистики, данные регламентной таблицы за 2011 год. URL: <http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat/rosstatsite/main/population/wages/#> (дата обращения: 15.02.2011).
10. Фетисов Э. Н., Яковлев И. Г. О социальных аспектах предпринимательства : (концептуальное введение в проблему) // Социол. исслед. 2006. № 1. С. 24—30.
11. Чепуренко А. Ю. Малое предпринимательство в России // Мир России. 2001. № 4. С. 130—161.
12. Червяков В. В., Чередниченко В. А., Шапиро В. Д. Россияне о предпринимательстве и предпринимателях // Социол. исслед. 2004. № 10. С. 44—52.

ББК 60.542.21

Т. А. Шабанова

ЖЕНЩИНА, КАК МНОГО В ЭТОМ СЛОВЕ

Метафорическое представление женского образа в феминистском дискурсе России

Отличительной чертой современной культуры является разграничение биологического и социального пола, что находит свое отражение в понятии «гендерная метафора». Именно социальный пол становится фундаментальной культурной метафорой, которая выполняет функцию описания и оформления культурной реальности [7, с. 8].

В последнее время термин «гендерная метафора» употребляется более широко — для обозначения любого метафорического переноса, связанного с полом человека, что отражает общую тенденцию заменять слово «пол» словом «гендер» [1, с. 105].

Гендерная метафора обладает такими чертами, как социальность, историчность, коммуникативность, нормативность, транслируемость. Соглашаясь с Е. Ревенко, мы подчеркиваем, что сформированные в социокультурном контексте установки, нормативы, представления и ожидания, связанные с гендерными ролями и характеристиками, находят осмысление в категориях мужского и женского начал и закрепляются в сознании и языке социума в виде соответствующих стереотипов (см.: [5, с. 7]). Гендерная метафора фиксирует культурно-национальные эталоны и культурно значимые концепты, которые передаются из поколения в поколение.

Она формирует новые понятия, значит, изменяет повседневный язык людей, одновременно меняя их восприятие мира и способы его постижения. Функции смыслообразования, самопознания, самовыражения, выполняемые гендерной метафорой в культурной жизни, становятся отличительной чертой современной культуры.

Симона де Бовуар, французский философ-экзистенциалист, положила начало традиции социокультурного подхода к причинам дискриминации женщин в обществе. Она опубликовала работу «Второй пол», где впервые поставила проблему подавления феминного в культуре. Она показала, что общество конституирует мужское/маскулинное как позитивную культурную норму, а женское/феминное как негативное, как отклонение от нормы, как Другое. Из этой концепции следует, что «различия», культивируемые традиционной культурой, носят гендерный характер, т. е. общество надстраивает над физиологической реальностью еще некоторый социокультурный конструкт. К. Миллет писала о подавлении феминного в культуре как основе политики патриархата.

М. Мид доказала, что социальные нормы в обществе относительны, представления о мужском и женском меняются в истории даже одного и того же социума. Следовательно, не биологический пол, а социокультурные нормы определяют модели поведения, виды деятельности, профессии мужчин и женщин [3].

Таким образом, помимо биологического и социального аспектов, в анализе проблемы пола можно обнаружить еще и социокультурный аспект.

Обратимся теперь к вопросу женской идентичности и дискурса женского движения в России и США.

Несмотря на широко распространенное негативное отношение к феминизму, в российском обществе постепенно формируется феминистский дискурс, развивается женское движение. И в связи с этим необходимо понимать, какие культуры воздействуют на становление этого дискурса, а также помнить, что особые исторические, социальные и институциональные структуры определили понятия, категории, значения (дискурс).

Можно предположить, что наибольшее влияние на феминистское движение в бывших социалистических странах оказывает американский опыт. Женское движение 60-х гг. XX в. в США было одним из первых, наиболее развитым. Интерпретация положения женщины в терминах патриархата, дискриминации, угнетения и подавления была связана с особенностями американского контекста, традициями женского движения, положением женщины в обществе (обычно неработающей американки, принадлежащей к среднему классу).

Современный западный феминизм развивался в контексте мощных социальных протестов 60-х гг., имевших антикапиталистический характер. Для него существенными были либеральные и марксистские теории (а впоследствии психоанализ, постмодернизм, экологизм и пр.). Вопросы, поднимаемые движением, зависели от конкретных условий. Наиболее распространенными среди них были законодательное равенство, равная оплата труда за равный труд, равные образовательные возможности, право на аборт, использование контрацептивов; главным результатом стало изменение политических институтов и общественного сознания.

Нетрудно увидеть, насколько сильно данные условия отличаются от современных российских условий, где не стоят вопросы права женщин на труд, на участие в политической деятельности, свободы аборт, разводов. Проблемы здесь, будучи связаны с экономическими изменениями и политическими кризисами (в том числе с войнами), изменением положения женщин (от превращения в безработных до формирования слоя «богатых домохозяйек»), дифференциацией проблем в разных социальных группах, имеют совсем иной характер. Традиции, институты и дискурс задают особые направления интерпретации женской идентичности.

На примере западного женского движения первой волны (как и на примере стран за пределами западного мира) можно понять, что объединения женщин, отстаивающих свои интересы, необязательно нацелены на изменение половой стратификации, гендерной системы. Интересы женщин могут быть основаны на их роли матери, жены, вытекать из вовлеченности в процесс воспитания детей и обучения, из конкретных проблем и отталкиваться от той гендерной системы, которая существует в обществе (хотя и считается, что основ-

ные, стратегические интересы имеют феминистский характер). Именно это направление и представляется наиболее вероятным для России, т. к. женская субъективность меняется медленно, а российский социальный контекст не способствует переменам (отсутствие феминистского дискурса, развитого женского движения, традиций участия в общественной жизни) в условиях существования прочных гендерных стереотипов в общественном сознании.

Поскольку язык фиксирует в себе все общественные изменения, не вызывает сомнений, что феминизм обратился к проблемам естественного языка с целью доказать наличие в языковой картине мира следов патриархата, вскрыть дискриминирующие структуры языка, продемонстрировать его сексистский характер [1, с. 56]. Вслед за постмодернистами феминистские исследовательницы утверждают, что язык не просто отражает существующую в обществе гендерную дифференциацию, но и непосредственно конструирует гендерные различия, поскольку «представляет собой систему кодов, в которой в имплицитном виде представлена наивная картина мира носителей конкретного языка. Эта система кодов усваивается и передается из поколения в поколение. Взгляды фиксируются через ее отражение и закрепление в языке, что ведет не только к усвоению конкретного языка, но и приобщению к опыту предков носителя этого языка. “Наследие предков” существует в языке в виде кодов, которые ежедневно используются на всех уровнях языковой системы. Расшифровка этих кодов позволяет понять поведение носителя языка в той или иной ситуации, выбор языковых средств и т. д.» [6, с. 24]. Таким образом, язык признается не просто зеркалом гендера, а основным инструментом его конструирования.

Язык, по мнению феминисток, фиксирует картину мира с мужской точки зрения, поэтому он не только антропоцентричен (ориентирован на человека), но и андроцентричен (ориентирован на мужчину): язык создает картину мира, основанную на мужской точке зрения, от лица мужского субъекта, с точки зрения мужской перспективы, где женское предстает главным образом в роли объекта, в роли Другого, Чужого или вообще игнорируется.

Изучение лингвистических особенностей феминистских текстов имеет под собой несколько оснований: во-первых, это глубоко укорененная в философии проблема «мужского» и «женского», а во-вторых, значимость темы в контексте философии феминизма.

Существенные различия между феминистским движением России и Запада не могли не отразиться на метафорическом представлении феминисток и их отношений с обществом. Индустриализация, система образования, гражданская война, репрессии привели к тому, что, в то время как на Западе начала формироваться третья волна феминизма, уже постмодернистского и психологического, который говорил о более сложных механизмах дискриминации на психологическом уровне и т. д., в России зарождалась волна «антифеминизма». «Русская женщина устала быть эмансипированной, — пишет А. В. Очкина. — Вовлечение женщин в общественное производство произошло стремительно, и экономика с определенного момента без них обойтись уже не могла, они были уже “встроены” в отраслевую структуру. После войны естественным образом происходит стремительная либерализация семейно-брачных отношений. Женщина оказывается вовлечена в общественное производство и образование и

фактически совершенно сексуально свободна, но внутрисемейные отношения, основанные на патриархальной системе, перестроиться еще не успели. И поэтому на жизнь русской женщины была полностью возложена двойная нагрузка: и общественно-трудовая, и семейная» [4]. Именно поэтому концепты не приобретают настолько яркой негативной эмоциональной окраски в русском феминистском дискурсе по сравнению с его американским аналогом.

Наш мир переживает эпоху социальных катаклизмов: в один и тот же промежуток времени военные действия ведутся в разных уголках мира, вследствие чего богатый военный опыт находит свое воплощение в метафорах, функционирующих в разных ситуациях и в разные периоды, превращая их в универсальное и доступное средство осмысления социополитических действий.

Агрессивный и воинствующий характер феминистского движения США не мог не отразиться на феминистском дискурсе России, однако претерпел некоторые изменения, связанные с социокультурным наследием страны, менталитетом русских граждан и историческим прошлым. То, что американский феминистский дискурс осмысливается в военных терминах, наглядно показывает раскол общества, где противостояние является уже ключевым моментом национального сознания. Процесс получения власти в России также не протекает в миролюбивой атмосфере и соотносится с военными действиями, хотя и не такими интенсивными, как в Америке. Ср.: «Вы просто не понимаете, что такое феминизм. Это — борьба женщин за равные права с мужчинами, устранение дискриминации» [14]; Теперь коснемся идеологии феминизации общества: «Настало время, когда женщина должна завоевать права, от нее отнятые, и те, которые она добровольно отдала»; «Мужское начало не захочет добровольно дать женщине законное место, но препятствия закаляют силу, и женщина, отстаивая свои космические права, обретет знание своей мощи...»; «Женщина должна принять борьбу с жизненными препятствиями, чтобы на них закалить свои силы и выявить свою истинную сущность» [9].

Специалисты отмечают, что при моделировании действительности в феминистском дискурсе России модели с концептуальными векторами жестокости, агрессивности, соперничества находят не столь частое применение и носят более спокойный характер. Ср.: «Феминизм не участвовал ни в каких войнах. Он не убивал своих оппонентов. Он не создавал концентрационных лагерей, не морил врагов голодом, не совершал никаких жестокостей. Феминизм боролся за образование, за право голоса, за улучшение условий труда, за безопасность на улицах, за службы ухода за детьми, за социальные пособия, за кризисные центры для переживших изнасилование, за убежища для женщин, за реформы законодательства. Если кто-то говорит: “О нет, я не феминистка”, спросите: “Почему? В чем ваша проблема?”» [10]; «Чтобы быть феминисткой или феминистом, не обязательно ложиться под танки, сражаться на баррикадах, стоять на площади с плакатами — это, скорее, карикатурный, навязанный нам образ. Феминизм, если быть точнее, — это внутреннее чутье на неправду и фальшь, это неприятие эксплуатации, социальной несправедливости, лжи. Это — неподдельное стремление к личной реализации, свободе, к равенству. Это чутье свойственно и мужчинам, и женщинам» [8].

В связи с тем что порабощение и унижение сопровождают любые социополитические преобразования в России, широкое применение приобретает метафорическая модель «ЖЕНЩИНА — РАБ». Прагматический смысл данной модели можно сформулировать следующим образом: на протяжении всей истории российское общество существовало за счет молчаливых, беспрекословных и безропотных рабов — женщин. Все это подводит адресата к мысли о том, что жизнь идет не в том русле, что пришло время перемен. Ср.: «Вы говорите о загадке женственности? До тех пор, пока женщина будет оставаться объектом усиленной эксплуатации, унижений и манипуляций, она будет “загадкой”. Слуга, раб всегда загадочны и опасны для господина, они всегда скрытая угроза и “темная сторона Луны”. Женщины — это негры, чеченцы, “цунарефы” нашего общества. Сексизм — дискриминация по половому признаку — есть своеобразный расизм. Их роднит то, что они есть идеологические орудия господствующих задниц, используемые для подчинения широких масс трудящихся правящим кастам» [11]. В данном контексте актуализируется метафорическая модель «МЫ — ЖЕРТВА», создавая тем самым негативный образ мужчины и описывая «тяжелую женскую долю». Ср.: «Дескать, если бы мужчины держались с женщинами как с мужчинами, женщины бы и стали мужчинами: женщин из них делает наше поведение по отношению к ним, женщина — жертва мужских стереотипов» [15]; «С костями мясо глотали бы — если бы, конечно, мужики их не угнали... не угнетнули... не... в общем, не поработили тыщи лет назад, не поломали им психику» [12].

Поскольку духовность и религия являются неотъемлемыми компонентами многих обществ, религиозная метафора приобретает большое значение в моделировании женского образа в российском феминистском дискурсе. Однако если американские феминистки, опираясь на такие базовые семантические компоненты, как религиозность, истинность, возвышенность и духовность, возводят себя в ранг богини, управляющей миром, то метафора *Бога* в феминистском дискурсе России является лишь инструментом в борьбе за равные права с мужчинами. Ср.: «Мать, дающая жизнь, имеет право распоряжаться судьбой своих детей. Поэтому голос женщины-матери должен раздаваться в рядах вершителей человеческих судеб» [13]. Вопрос лидерства здесь не представлен, вероятно, потому, что вопрос веры для русской женщины в первую очередь связан с послушанием, смирением и кротостью.

Несмотря на схожий инструментарий метафорических моделей, используемых для манипулятивного формирования представлений о женщине в российском и американском дискурсе, российский феминистский дискурс отличается большей сдержанностью и сравнительным спокойствием. В отличие от американского дискурса и американских женщин с их концептуальным вектором жестокости, агрессивности и соперничества, российский феминистский дискурс менее агрессивен и притягивает к себе больше душевных и интеллектуальных сил при построении образа женщины и феминистки. Это связано с социокультурным наследием страны, менталитетом и историческим прошлым. Тема смирения и послушания, столь несвойственная американской женщине, звучит в феминистском дискурсе России и находит свое отражение в меньшей категоричности, агрессивности и враждебности. Исключение данных показате-

лей не представляется возможным в связи с тем, что традиции феминистского дискурса США оказывают прямое воздействие на российское движение.

Поскольку социополитическая сфера является важной составляющей национальной культуры, сопоставление систем метафорического моделирования в феминистском дискурсе открывает богатые возможности для изучения языковой картины мира и национальных менталитетов динамично развивающихся сообществ.

Последовательное сопоставление метафорической концептуализации феминистской действительности позволяет выявить доминантные модели метафорической категоризации, ключевые для определенной культуры слова и концепты, найти мировоззренческие точки соприкосновения разных народов и их специфические характеристики, что способствует повышению эффективности межкультурного общения и развитию толерантности в обществе.

Библиографический список

1. Кирилина А. В. Гендер: лингвистические аспекты. М.: Ин-т социологии РАН, 1999. 189 с.
2. Кирилина А. В. Феминистская критика языка // Словарь гендерных терминов / под ред. А. А. Денисовой; Региональная общественная организация «Восток — Запад: женские инновационные проекты». М.: Информация — XXI век, 2002. С. 232—234.
3. Мид М. Мужское и женское: исследование полового вопроса в меняющемся мире. М.: Рос. полит. энцикл., 2004. 416 с.
4. Очкина А. В. Феминизм меняет сознание женщин. URL: http://www.russia.ru/video/expert_6577 (дата обращения: 14.12.2009).
5. Ревенко Е. С. Гендерно маркированные номинации лиц в лингвоэтническом аспекте: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Владивосток, 2006. 22 с.
6. Супрун А. Е. Лекции по теории речевой деятельности. Минск, 1996. 287 с.
7. Хорошильцева Н. А. Гендерная метафора в современной культуре: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Ставрополь, 2003. 19 с.
8. URL: http://fe-mail.ru/politics/what_is_feminism.htm (дата обращения: 18.11.2009).
9. URL: <http://grani.agni-age.net> (дата обращения: 17.03.2010).
10. URL: <http://lurkmore.ru/Феминизм> (дата обращения: 04.09.2010).
11. URL: http://www.avtonom.org/lib/theory/kabanos_feminism.html (дата обращения: 08.09.2010).
12. URL: <http://www.denisfilimonov.ru> (дата обращения: 03.06.2010).
13. URL: <http://www.duel.ru> (дата обращения: 21.04.2010).
14. URL: <http://www.lovehate.ru/Feminism> (дата обращения: 25.11.2009).
15. URL: <http://www.regions.ru/news> (дата обращения: 05.10.2010).

ББК 60.542.21

М. Е. Барсукова

ЖЕНЩИНЫ И МИГРАЦИЯ: ПРИЧИНЫ, ПРОБЛЕМЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ

Роль женщин в процессе развития межнациональных отношений зачастую считают второстепенной. Так, Л. Л. Рыбаковский в своей работе «Миграция населения. Три стадии миграционного процесса» говорит, что мужчины и лица трудоспособных возрастов участвуют в миграции более активно, чем нетрудоспособные и женщины. Велики различия в миграционной подвижности лиц различных национальностей, а также коренных жителей того или иного района и недавно переселившихся туда из других местностей [12]. Тем не менее в ходе миграции женщины оказываются на ведущих позициях, и даже если внешне кажется, что в первой роли выступают мужчины, жизнь показывает обратное.

Гендерной проблематикой в миграционном пространстве занимается ряд исследователей, в том числе Е. И. Тюрюканова, затрагивающая в своих трудах эмиграционную составляющую женских перемещений, Н. Г. Абдуразакова, защитившая в 2008 г. кандидатскую диссертацию «Женская трудовая миграция в процессе глобализации» [1], Н. Е. Русанова, защитившая в 2010 г. диссертацию по экономике «Репродуктивные возможности демографического развития», в которой отражены некоторые аспекты, рассматриваемые в нашей статье (см.: [11]).

В своей работе мы опираемся на предложенные Л. Л. Рыбаковским функции миграции, среди которых ученый выделяет три основные: ускорительную, перераспределительную и селективную, а также две дополнительные функции: экономическую и социальную. В контексте данной статьи нам наиболее интересна именно селективная, суть которой заключается в том, что неравномерное участие в миграции различных социально-демографических групп ведет к изменению качественного состава населения разных территорий [12].

Мы согласны с положениями, рассматриваемыми в ракурсе значимости гендерного развития миграционных отношений, предложенными вышеобозначенными, а также иными авторами (И. Б. Бритвина [4], А. Г. Дугин [6], М. Мороквасик), хотя в ряде работ имеются спорные моменты. Полагаем, что исследования по миграционной проблематике вообще и ее гендерному аспекту в частности в современных условиях глобализации мирового сообщества являются приоритетными для разработки стратегических планов и построения прогнозов развития межнациональных отношений и связей, в том числе для достойного воспитания молодого поколения граждан России. Именно эти основания послужили почвой для написания данной статьи.

Зачастую в процессе изучения миграции женщин не считают конкурентоспособными на рынке труда именно по причине их ненадежности в работе, ве-

роятности ухода в декретный отпуск, что не выгодно работодателю. Мужчина более свободен от семейных обязательств, нежели женщина. Именно это, на наш взгляд, можно обозначить как основную причину второстепенной значимости женщин в процессе трудовой миграции. Но женщины задействованы в домашнем хозяйстве, воспитании детей, что также является весомым компонентом развития общественных отношений, и его нельзя сбрасывать со счетов в ходе определения роли в развитии социокультурных связей, межнациональных отношений. Женщина в данном случае более свободна для других занятий и не рассматривается как первостепенный элемент на рынке труда, но при этом занята не менее важным делом — воспитанием подрастающего поколения, и в этом ключе сложно сказать, кто действительно главнее.

Возможно, что дети не участвуют в процессе миграции, тогда мигранты считаются трудовыми в полном объеме, но опыт показывает, что в этих случаях дети, рожденные и проживающие в стране исхода, также становятся мигрантами, но уже на принципиально новом уровне. Это может быть обусловлено обучением в вузе, а затем работой в качестве привлеченного специалиста. В любом случае мигрант во втором поколении оказывается более подготовленным и адаптированным к условиям проживания в другом государстве, нежели его родители. Ему буквально с молоком матери прививаются навыки жизни в другом государстве, основные традиции и варианты поведения в новых условиях, что значительно облегчает моменты адаптации, расширяет возможности общения и проявления себя.

Несомненно, создание семьи и воспитание детей — важнейший элемент общественных отношений, где значение женщин неоспоримо. Именно поэтому в рамках данной статьи мы предлагаем затронуть проблему заключения фиктивных браков с целью получения гражданства России. Сфера брачных отношений с иностранцами подробно рассматривается кандидатом юридических наук, адвокатом О. Калиберновой [7].

Процедура заключения браков между гражданами РФ и иностранцами все чаще попадает в поле зрения контролирующих органов и законодательной власти. Это обусловливается тем, что намного проще получить гражданство, а вместе с ним и пакет государственных прав, социальных услуг и содействие в трудоустройстве, заключив брак с гражданином России, нежели проходить все стадии учета и контроля со стороны миграционной службы, включая предоставление разрешения на временное проживание, выдачу вида на жительство, что в лучшем случае займет 11 лет. Именно длительность процедуры получения гражданства и желание пользоваться правами уже сейчас толкают иностранных граждан на заключение фиктивных браков. Сделки такого характера нередко приводят к недвусмысленным отношениям и в российских семьях, и среди иностранных граждан.

Но не только выгоды для осуществления свободной миграции приобретает лицо, получившее очередное гражданство. В ряде стран имеется положение, по которому при получении гражданства другого государства от первого он вынужден отказаться. Существует перечень государств, с которыми возможно иметь двойное гражданство для граждан России, например Таджикистан. Еще одной проблемой, возникающей в результате получения российского граждан-

ства и обретения статуса бипатрида, лица с двойным гражданством, становится необходимостью соблюдения законодательств обеих стран. Тем не менее, несмотря на все возможные последствия наличия двойного, а в некоторых случаях и более гражданств, браки для облегчения получения гражданства продолжают заключаться, и вопрос об их фиктивности или наличии реальных отношений между супругами остается открытым.

По данным информационного агентства REGNUM, в России сокращается заключение браков с гражданами ближнего зарубежья. Статистика, приводимая за 2009 г., говорит о том, что из стран ближнего зарубежья предпочтение при заключении браков с иностранцами отдается в первую очередь Украине, во вторую — Армении, третье место занимает Таджикистан. В Азербайджане за первое полугодие 2011 г. возросло количество браков с иностранцами по сравнению с данными 2010 г. [9], что подчеркивает интерес к заключению межнациональных браков со стороны граждан этого государства. Данный рейтинг меняется из года в год, но тенденция на снижение общего количества браков с гражданами СНГ неизменна. В то же время наблюдается рост количества браков с представителями дальнего зарубежья [10]. Полагаем, что инициатива в данном случае исходит со стороны российских соотечественников, а скорее соотечественниц, желающих выехать за границу, сочетав себя узами брака с иностранцем [5]. Среди стран, в которые они стремятся, выделяются Германия (361 брак по итогам первого полугодия 2009 г.), Турция (261), Израиль (180), Великобритания (127), Китай (123), США (91), Япония (27), Чехия (12) [10].

Особо хотим отметить интерес, проявляемый к получению гражданства жителями Китая, активно ассимилирующими на территории России, в частности путем заключения фиктивных браков. Так в Красноярском крае через посредника за определенную сумму в течение года (на момент июня 2011 г.) сочетались браком более сотни женщин. Основными критериями при выявлении фиктивных браков, применяемыми при проверках Федеральной миграционной службой, признается совместное проживание, а также смена фамилии, в целом определение легитимности такого брака весьма трудоемкий процесс. В случаях признания брака фиктивным, лицо, заключившее данный брак с российским гражданином, подлежит депортации [3].

Вопрос в том, насколько отдают отчет своим действиям определенные лица, остается открытым. Для осознания значимости заключения фиктивных браков предлагаем разработать систему их предупреждения и наказания лиц, преднамеренно заключивших фиктивный брак с лицом иностранного происхождения в корыстных или иных целях, не предполагающих создания семьи и поддержания супружеских отношений. Поскольку даже фактор демографической убыли не является оправданием для развития необратимых процессов политического характера, происходящих в настоящее время.

В числе прочих проблемных вопросов, возникающих в связи с наличием мигранток в стране, обозначим следующие.

1. Риск заражения инфекциями от нелегально прибывших в Россию женщин, в частности при их попадании в родильные дома и другие медицинские учреждения. Зачастую эти женщины не проходят соответствующих обследований и являются носительницами многих инфекционных заболеваний. Тратятся

огромные средства для устранения последствий и предупреждения возникновения указанных обстоятельств. Медицинские учреждения попадают под штрафы в случае неоповещения миграционной службы о таких пациентках. А прочие роженицы отказываются от услуг родильного дома, узнав о возможности подобного соседства.

2. Осложнение работы в медицинских учреждениях в связи с безграмотностью мигранток и порой незнанием даже родного языка для ознакомления с необходимыми документами при оформлении ребенка или ведения медицинской карты. Все это приводит не только к убыткам в конкретных медицинских учреждениях, но и к безусловной социальной напряженности, возникновению национальной неприязни.

3. Проблема выписки из больницы женщины с ребенком, в случае если она забирает его с собой. На практике выписка иногда осуществляется просто на улицу или в перенаселенную квартиру, где говорить о необходимых квадратных метрах для проживания не только новорожденных, но и их родителей не приходится. В дальнейшем дети становятся социальными изгоями. Данная проблематика весьма актуальна в условиях современного российского общества. Необходима разработка и принятие концептуальных решений по этому вопросу, поскольку некоторые дети мигрантов, рожденные на территории РФ, это уже граждане России, от которых также зависит будущее государства.

4. Неразрывная связь проблемы материнства и детства с мигрантками, их ролью в воспитании российских граждан. Так, на Урале в качестве суррогатной матери зачастую выступают мигрантки из стран ближнего зарубежья [8]. Такая подработка бывает весьма прибыльной, но существует определенный риск для мигранток, поскольку иногда происходит отказ со стороны приемных родителей. Роженица, находящаяся в тяжелом материальном положении, вынуждена оставить ребенка в родильном доме. Здесь следует поднять вопрос о генетическом происхождении потенциальных россиян. Со времени распада Советского Союза прошло не так много времени, а межнациональные браки в его границах не были редкостью. Сегодня мы, как и прежде, остаемся многонациональным котлом, где выплавляется потенциальный российский гражданин. А каким он будет в процессе культурной социализации, зависит от нас с вами.

Кроме проблем, связанных с миграцией, рассмотренных выше, существует и обратная проблема «утечки женщин», процесс, аналогичный процессу «утечки мозгов». Данную проблематику подробно рассматривают в своей работе Г. П. Анашкина и С. А. Погодина. По их мнению, из России эмигрирует ее национальный генофонд, и это, несомненно, размывает, ослабляет русский этнос и российский суперэтнос [2].

Таким образом, именно гендерный аспект миграционных процессов позволяет говорить не только о возникновении некоторых особенностей в межнациональных отношениях, но о восполнении народонаселения России, решении демографических проблем путем репродуктивной миграции. Необходимы разработка эффективных программ по социальной адаптации детей мигрантов, оставшихся без попечения родителей, а также создание специализированных детских дошкольных образовательных учреждений для таких детей, для того

чтобы в будущем мы увидели достойный результат от предпринятых сегодня мер в этом направлении.

Именно женщина в современном обществе, как и во все времена, является тем самым инструментом, с помощью которого формируется сознание не только младенцев, но и целого поколения детей, подростков, молодежи, да и зрелых людей. Женская мудрость всегда позволяла находить самые разумные решения и претворять их в жизнь. Надеемся, что разработанные проекты по обеспечению развития стратегически значимых для государства приоритетных направлений в сфере миграции помогут женщине сбалансировать интересы всех сторон в межкультурном пространстве.

Библиографический список

1. *Абдуразакова Н. Г.* Женская трудовая миграция в контексте глобализации : дис. канд. ... социол. наук. Казань, 2008. 219 с. : ил. URL: <http://www.disscat.com/content/zhenskaya-trudovaya-migratsiya-v-kontekste-globalizatsii> (дата обращения: 23.07.2011).
2. *Анашкина Г. П., Погодина С. А.* Брак с иностранцем как новая модель адаптации российских женщин в условиях переходного общества // *Этножурнал*. URL: <http://www.ethnonet.ru/lib/0903-03.html> (дата обращения: 24.07.2011).
3. Браки с иностранцами : уроки ликвидации юридической безграмотности для русских девушек — невест или жен западных мужчин // Рос. центр правовой помощи. URL: <http://www.lawyers.su/?p=64> (дата обращения: 24.07.2011).
4. *Бритвина И. Б.* Гендерная детерминация адаптации вынужденных мигрантов: социологический анализ : дис. ... д-ра социол. наук. Екатеринбург, 2006. 353 с. : ил. URL: <http://www.dslib.net/sociologia-kultury/britvina.html> (дата обращения: 31.07.2011).
5. *Гюнтер Г.* Статистика браков москвичек с иностранцами за первое полугодие 2011 г. URL: <http://forum.dpni.org/showthread.php?t=36324&page=1> (дата обращения: 24.07.2011).
6. *Дугин А. Г.* Социология пола (структурная социология) : лекция № 10 // Центр консервативных исследований. URL: <http://konservatizm.org/konservatizm/sociology/140509120251.xhtml> (дата обращения: 31.07.2011).
7. *Калибернова О.* Брак с иностранцем // *Любовь, семья, дом : журн.* URL: http://www.sv-nn.ru/article/index.php?id_article=474 (дата обращения: 24.07.2011).
8. На Урале суррогатными матерями становятся, как правило, мигрантки, 21.02.2011 г. URL: http://www.russurrogacy.ru/news/na_urale_surrogatnymi_materyami_stanovyatsya_kak_pravilo_migrantki (дата обращения: 23.07.2011).
9. *Рзаев Т.* В Азербайджане увеличилось число браков, заключаемых с иностранцами // *1NEWS.AZ*, 20.07.2011 г. URL: <http://1news.az/society/20110720032107111.html> (дата обращения: 24.07.2011).
10. Россияне стали заключать меньше браков с иностранцами: кого любят граждане РФ // *ИА REGNUM*, 07.12.2009 г. URL: <http://www.regnum.ru/news/1232568.html> (дата обращения: 24.07.2011).
11. *Русанова Н. Е.* Репродуктивные возможности демографического развития // *Ученые России. Ученые стран СНГ и ближнего зарубежья : энцикл.* URL: <http://www.famous-scientists.ru/list/3961> (дата обращения: 24.07.2011).

12. *Рыбаковский Л. Л.* Миграция населения. Три стадии миграционного процесса // Русский гуманитарный интернет-университет, 2001 г. URL: <http://www.i-u.ru/biblio/archive/migracia/1.aspx> (дата обращения: 24.07.2011).

ГЕНДЕРНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

ББК 74.03(2)5:60.542.2

Л. В. Штылева

ДЕТЕРМИНАНТЫ, ЭТАПЫ И ТЕНДЕНЦИИ ТРАНСФОРМАЦИЙ «ВОПРОСА ПОЛА» В ОТЕЧЕСТВЕННОМ ОБРАЗОВАНИИ И ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ НАУКЕ (XVIII — НАЧАЛО XX в.)

«Пол» на протяжении столетий является одним из факторов, определяющих конструкции образования, объектом прямых и скрытых педагогических стратегий. С точки зрения современной науки все, что связано в образовании с дефиницией «пол», отражает в большей степени не психофизиологические характеристики девочек и мальчиков, а присущее каждой эпохе «знание пола». Знания о том, «что такое пол», исторически производятся, поддерживаются и трансформируются социальными институтами (церковь, наука, государство, СМИ и др.) в виде религиозных мифов, стереотипов обыденного сознания, донаучных и научных концепций пола, государственной гендерной идеологии и гендерной политики, а также отражаются в образовании, педагогических теориях и практике воспитания. Исследования свидетельствуют о нескольких этапах трансформации «вопроса пола» в отечественном образовании и педагогике. Каждый этап характеризуется взаимодействием социокультурных предпосылок, ключевых субъектов, изменений в подходах к «вопросу пола» в науке и/или общественном сознании. Главными вопросами, отражающими сущность «вопроса пола» в образовании, являются: цели, содержание и доступность образования для мальчиков и девочек, характер обращения.

Задача данной статьи — охарактеризовать детерминанты и этапы трансформаций «вопроса пола» в отечественном образовании и педагогике в XVIII — начале XX в., подчеркнуть тенденции.

1. Социокультурные и исторические детерминанты трансформаций «вопроса пола» в отечественном образовании и педагогической науке XVIII—XX вв.

В ряду предпосылок, которые обуславливали изменение подходов к «вопросу пола» в отечественном образовании XVIII—XX вв., можно выделить закономерности, присущие развитию западноевропейской цивилизации, и факторы, характерные непосредственно для России.

© Штылева Л. В., 2012

Начало. Окончание в четвертом номере.

К фундаментальным предпосылкам относятся: диалектика смены общественно-экономических формаций в результате развития производительных сил и производственных отношений, переход европейской цивилизации на рубеже Нового времени от богословского мирозерцания к научному постижению мира, тенденция перехода «от ценностей рода к ценностям индивидуальности», переосмыслению природы и сущности человека, развитие идей эмансипации и прав человека.

К специфически русским факторам относятся: особое внимание к «вопросу пола» в русской философии женственности XVIII—XIX вв. [1]; феномен превращения «вопроса пола» в ключевой вопрос просвещенного российского общества XIX в. — «женский вопрос»; исключительная роль русского феминистского движения последней трети XIX — начала XX в. в борьбе за права женщин, и прежде всего на образование; либерально-демократическая направленность общественно-педагогического движения XIX в.; квазиэгалитарный характер идеологии марксизма по «женскому вопросу», который фундировал государственную гендерную политику с 1917 г. до конца 1980-х гг., и др.

Отражая магистральное направление трансформаций европейской цивилизации, «вопрос пола» в отечественном образовании и педагогической мысли как часть более широкого социально-философского дискурса равноправия и прав человека — женщины на протяжении XVIII—XX вв. прошел путь от «природосообразности» и целесообразности образования для женщин в принципе (XVIII в.) до идеи гендерного равенства полов в образовании (конец XIX — начало XX в.) при периодическом обращении к идее учета психоспецифики пола в образовании как условию эффективной самоактуализации личности (рубежи XIX—XX и XX—XXI вв.).

Историко-педагогическое исследование позволяет выделить и обосновать *четыре этапа* трансформаций в отечественном образовании, связанных непосредственно с «вопросом пола»:

- XVIII в. — середина XIX в.;
- середина XIX в. — 1917 г.;
- 1917—1992 гг.;
- с 1992 г. до наших дней.

Рассмотрим характеристики этих этапов более подробно.

2. Предпосылки и тенденции трансформаций «вопроса пола» в педагогической мысли и образовании XVIII — середины XIX в.

Первый этап трансформаций в образовании, связанных с «вопросом пола», совпадает с периодом становления системы государственного светского образования в России. Определяющими социокультурными факторами становления государственной системы образования в России XVIII в., по оценкам историков, являлись:

— фундаментальные трансформации в политике, экономике и культуре в результате реформ Петра I, которые обусловили острую потребность в обучении и воспитании нового человека;

— потребность в срочной подготовке специалистов для развивающейся экономики, армии и флота;

— стратегия европеизации России, которая обусловила заимствование западноевропейских социальных идей, новых образцов маскулинности и фемининности, систем государственного и общественного устройства, технических и научных открытий.

К важнейшим интеллектуальным предпосылкам отражения «вопроса пола» в архитектуре и содержании государственной системы образования относятся:

— секуляризация общественной и духовной жизни россиян, переориентация философской и научной мысли от богопознания к познанию природы и человека, развитие отечественной науки;

— поэтапная эволюция «вопроса пола» в русской философии и общественном дискурсе, которая характеризовалась тенденцией к изменению характера и содержания аргументации межполовых различий, сменой богословского этапа научным.

Богословский этап «вопроса пола» в русской философии XVIII в. в полной мере отразился в структуре и содержании образования:

1) на этапе становления государственного (светского) образования андроцентризм и гендерная поляризация религиозно-церковной идеологии пола легли в основу гендерно асимметричной политики государства в области образования;

2) гендерная стереотипия мировоззрения русских просветителей XVIII в. отразилась непосредственно в обосновании различий между «мужским» и «женским» образованием на институциональном и содержательном уровнях:

— институционально система образовательных учреждений государственного среднего и высшего образования в России с первых шагов своего существования формировалась как монополовая, ориентированная исключительно на представителей мужского пола. Реальные шаги по созданию системы образовательных учреждений для «дочерей одного сословия дворян и чиновников» стали предприниматься лишь в последней трети XVIII в., во времена правления Екатерины II;

— если содержание «мужского образования» определяли принципы обширного общего и специального образования, то содержание «женского образования» — модели «эстетической» и «утилитарной» женственности (П. Ф. Каптерев, В. Я. Стоюнин), соответствовавшие концепции полоролевого воспитания Ж-Ж. Руссо, Ф. Фенелона и, в принципе, не выходявшие за рамки традиционных религиозно-церковных представлений правящей элиты о нормативной женственности и мужественности.

Основатели института государственного образования в России XVIII в. не были индифферентными к признаку пола учеников. Формально их приоритеты можно объяснить необходимостью срочной подготовки квалифицированной рабочей силы для разных отраслей молодой российской промышленности (судо-строительной, горнодобывающей и перерабатывающей и др.) и торговли, а также специфическим состоянием техники и технологий того времени, которые, как правило, требовали большой физической силы. Но «по умолчанию» проблема гендерной асимметрии образования связана с легитимными для общества и правителей России гендерными представлениями о том, кому пристало заниматься деятельностью за стенами дома. Этот вывод строится на простом предположении, что и в те времена велика была потребность в грамотных писарях, счетоводах и т. п., чем вполне успешно могли бы заниматься лица «слабого пола».

Причина, на наш взгляд, заключалась в том, что детерминанты развития мужского и женского образования в России XVIII в. имели существенные различия. Образование женской части населения напрямую не подталкивалось потребностями институционального и экономического развития государства, поскольку потребность в рабочей силе для молодой русской промышленности удовлетворялась за счет мужчин, а женской сферой самореализации и жизни по-прежнему оставался дом, частная жизнь. Из этого следует, что *импульсом к развитию женского образования в России в большей степени явились не социально-экономические и политические потребности, а либеральные идеи западноевропейского Просвещения, которые нашли поддержку среди ученых, государственных и общественных деятелей, просвещенных монархов*. Многие из них по-своему понимали необходимость образования для женщин и высказывались в его поддержку (А. Ф. Бестужев, Екатерина II, Елизавета Петровна, М. В. Ломоносов, Ф. Прокопович, С. Г. Сковорода, Ф. Салтыков, В. Н. Татищев, А. Н. Новиков и др.).

В свете вышеизложенного обсуждение «женского образования» как чего-то «иного» по сравнению с имеющейся уже системой образования для юношей, требующей отдельного внимания и проекта, — свидетельство не только исторической нехватки этого компонента в общей архитектуре отечественного образования XVIII в., но прежде всего *аргумент в пользу признания специфической роли «фактора пола» в конструировании системы образования*. В программной записке И. И. Бецкого «Генеральное учреждение о воспитании обоюбого пола юношества» (1764) содержится прямая апелляция к полу как фактору образования, который подлежит учету и который, в свою очередь, корректирует проект образования.

В итоге, с одной стороны, в XVIII — начале XIX в. Россия совершила прорыв к созданию государственной системы общего и профессионального образования для избранных слоев населения, с другой — именно в этот период на институциональном, организационном и содержательном уровнях образования были заложены основы гендерного неравенства полов в доступе к образованию и его результатам, неравенство между «мужским» и «женским» образованием по содержанию и государственной поддержке.

Гендерный аспект мировоззрения просвещенной верхушки российского общества XVIII в. отразился в педагогическом обосновании идеологии женского образования, в определении различий «идеалосообразности» мужского и женского образования в целом (цели, задачи, содержание). Педагогическая мысль об «идеалосообразности» воспитания в соответствии с полом в России XVIII в. развивалась в русле ключевых подходов, сложившихся в западноевропейской и русской философии (андроцентризм, гендерная поляризация и биологический эссенциализм), заимствовала и использовала западноевропейские теории полоролевого воспитания (Ф. Фенелон, Ж-Ж. Руссо, И. Г. Кампе).

Сказанное позволяет сделать вывод, что к концу XVIII в. сформировалась гендерная стратегия государства в образовании, основанная на андроцентричной и гендерно-поляризованной идеологии женского и мужского в культуре.

В первой половине XIX в. тенденция к использованию стратегии, ориентированной на установление и усиление гендерного неравенства в образовании, сохранялась.

3. Социокультурные и исторические детерминанты трансформаций «вопроса пола» в педагогической мысли и образовании на рубеже XIX—XX вв.

Второй период изменений в отечественном образовании под углом зрения «вопроса пола» (вторая половина XIX — начало XX в.) связан с комплексом социально-исторических и социокультурных детерминант, наиболее существенными из которых являлись:

- а) кризис крепостничества и смена общественно-экономической формации во второй половине XIX в. (переход от феодализма к капитализму);
- б) существенные изменения в структуре и гендерной идеологии российского общества накануне и после отмены крепостного права;
- в) укоренение и развитие в сознании просвещенной части российского общества западноевропейской теории естественных прав и идеи эмансипации женщины;
- г) актуализация «женского вопроса» в русской философии, общественном и общественно-педагогическом дискурсе;
- д) открытия в области естественных и общественных наук;
- е) активная борьба русских феминистских организаций и либерально настроенной общественности за экономические и социальные права женщин, доступ к высшему образованию.

Спектр позиций русских мыслителей второй половины XIX в. по вопросам половых различий и оценки женственности лежал, в основном, в русле идей западноевропейской философии. От женщины требовали развития и изменений, но в то же время — сохранения и подтверждения тотемов патриархатной женственности, смысл которых выражался в «абсолютной податливости» и послушании.

Великая русская литература XIX в. показывала обществу, что женщины всех сословий не удовлетворены своей жизнью. На ее страницах отразился поиск нового женского идеала, борьба идей и течений в обществе. В стремительно изменяющихся условиях реформирующейся России представители разных идеологических и философских течений существенно расходились по разным аспектам «женского вопроса», но сходились в вопросе поддержки женского образования, интеллектуального и духовного развития женщины.

Резюмируя тенденции и основные направления трансформаций «вопроса пола» в философии, литературе, науке и общественной мысли России XIX в., необходимо подчеркнуть следующее:

- «вопрос пола» из периферийного выдвинулся в один из ключевых вопросов русской философии, общественных наук, общественно-педагогического, феминистского и политических движений;
- дискурс пола трансформировался из богословского дискурса первородного греха в светский дискурс прав человека — женщины, постепенно ослабевали тенденции андроцентризма и гендерной поляризации в «вопросе пола»;
- богословская риторика сменилась аргументами из анатомии, биологии, физиологии и других естественных наук, но сохранялась эссенциалистская трактовка социополовых и ментальных различий между женщинами и мужчинами;

— наметился переход от рассмотрения «женского вопроса» только с позиций интересов и пользы для общества к рассмотрению его с точки зрения самоценности женской личности и ее потребностей в развитии, ценности женского в культуре.

Иными словами, «вопрос пола» в XIX в. оказался в центре фундаментального идеологического спора между «реформаторами» и «консерваторами», которые по-разному представляли место России и пути ее развития в мировом сообществе, по-разному осмысливали идеи западноевропейского Просвещения о ценности и суверенности личности, о правах человека и гражданина.

Появление проекта «открытых бессловных женских училищ для приходящих девиц», разработанного профессором педагогики Н. А. Вышнеградским в 1858 г., явилось закономерным результатом взаимодействия педагогической мысли с доминирующим в российском обществе либерально-демократическим дискурсом эмансипации, ответом на объективно назревшие потребности изменений в воспитании и образовании женщины в условиях перехода к капитализму. Именно в процессе реформирования женского образования в полной мере обнаружил себя «вопрос пола в образовании», для всех стала очевидной связь между гендерной идеологией общества, частью которого являлись «эксперты» в вопросах педагогики, и проектами женского образования. Выявилась роль образования и как специфического инструмента эмансипации женщины, и как института гендерной социализации молодежи, и как социальной технологии конструирования гендерных отношений в семье и обществе. Наконец, выявилась способность гендерного плана образования регулировать ресурсы развития и самореализации индивида.

Либерально-демократическое направление педагогической мысли получило дальнейшее развитие в период наступления реакции 1880—1890-х гг. в трудах известного педагога и психолога П. Ф. Каптерева. Он, с одной стороны, подчеркнул значение социокультурных предпосылок половых различий в образовании, а с другой — поставил вопрос о необходимости серьезного исследования различий между женским и мужским психологическими типами для учета психоспецифики пола в образовании. В итоге на рубеже XIX—XX вв. проблема «пол и образование» в отечественной педагогике получила многостороннее освещение и была институционализирована. Об этом свидетельствовали широкий круг экспертов, вовлеченных в ее обсуждение в 1890-х гг., большое количество публикаций в педагогической и популярной печати, разработка соответствующих рекомендаций и методических пособий для практиков, большой интерес к обсуждаемой проблеме со стороны правящих и педагогических кругов, общественности в целом.

Подводя итоги, подчеркнем следующие тенденции:

— методологические идеи женского образования в русской педагогике XVIII—XIX вв. эволюционировали от традиционной идеи «решения многих нравственных проблем семьи и российского общества» за счет «соответствующей постановки женского образования» (Екатерина II, Н. И. Бецкой, А. И. Герцен, Н. И. Пирогов, К. Д. Ушинский, В. Я. Стоюнин и др.) к либеральной идее удовлетворения посредством образования всех духовных потреб-

ностей женщины, как общечеловеческих, так и специфически женских (П. Ф. Каптерев, Е. И. Конради, М. Л. Михайлов, Н. Г. Чернышевский, М. Н. Вернадская), что соответствовало постепенному развитию дискурса эмансипации женщины и прав человека — женщины среди просвещенной верхушки российского общества XVIII—XIX вв.;

— традиционный (эссенциалистский) полоролевой подход к «вопросу пола в образовании» в русской педагогике конца XIX в. постепенно трансформировался в направлении анализа социокультурных детерминант социализации мальчиков и девочек, требований выравнивать условия социализации юношей и девушек, прежде всего уравнивая их права в образовании;

— тем не менее педагогическим воззрениям как творцов системы государственного образования в России XVIII в., так и либерально настроенных деятелей общественно-педагогического движения XIX в. присущ *биологический эссенциализм* в интерпретациях различий между девочками и мальчиками в образовании;

— в результате взаимодействия социокультурных, экономических и интеллектуальных предпосылок гендерная асимметрия государственной системы образования России на рубеже XIX—XX вв. начала сглаживаться. Наметилась тенденция к сближению характеристик женского и мужского (среднего) образования по критериям равенства доступа и содержания, но сохранились большие различия по критерию равенства результатов (социальных и экономических перспектив);

— если ключевую роль в регулировании отношения к «вопросу пола» в общественном сознании и образовании россиян в XVIII в. играла церковь, то к началу XX в. наметился рост влияния просвещенной общественности, литературы и науки. Однако решающая роль в модернизации гендерной политики в образовании оставалась за самодержавным государством [2].

Библиографический список

1. *Рябов О. В.* Русская философия женственности (XI—XX века). Иваново : Юнона, 1999. 360 с.
2. *Хасбулатова О. А.* Российская гендерная политика в XX столетии: мифы и реалии. Иваново : Иван. гос. ун-т, 2005. 372 с.

АННОТАЦИИ

Мицюк Н. А. «Образование не для одной только гостиной». Феномен провинциальных женских пансионеров

Представлен анализ феномена частных женских пансионеров в российской провинции XIX в. Автор раскрывает особую роль пансионеров в развитии женского образования провинции в первой половине XIX в., которые зачастую были единственными женскими учебными заведениями. С другой стороны, показано, что возможность открывать и содержать пансионеры для женщин провинции явилась новой формой гендерной идентичности. Анализируются причины открытия пансионеров, социальный и имущественный состав провинциальных содержательниц, особенности образовательного и воспитательного процесса. Раскрывается повседневный быт провинциальных пансионеров.

Ключевые слова: женский пансион, женское образование, гендер, пансионеры, провинция.

Морозов С. Д. Мужчины и женщины России на рубеже XIX—XX вв.: тенденции брачности

Изучается состояние брачности населения России на рубеже XIX—XX вв. Приводится возрастно-половой состав вступивших в брак мужчин и женщин в разных районах и губерниях страны. Анализируются факторы, влиявшие на «постарение» брачного возраста женихов и невест, на повторные браки. Приведена статистика разводов.

Ключевые слова: Россия, рубеж XIX—XX вв., браки, разводы, мужчины, женщины, возрастно-половой состав, структура брачности.

Николаенко О. А. Гендерные аспекты формирования памяти (На примере поляков юго-западных губерний Российской империи в конце XIX — начале XX в.)

Проанализированы особенности воспроизводства памяти в польском обществе правобережных украинских губерний. На основании нарративного анализа множества воспоминаний сделаны выводы о доминирующей роли женщин в формировании альтернативной памяти — семейной, национальной, которая позволила полякам через десятилетия отсутствия государственности и политику ассимиляции воссоздать независимость.

Ключевые слова: историческая память, гендерная история, польское население, нарративный анализ, юго-западные губернии Российской империи.

Меньшикова Е. Н. Анализ «выдающихся черт» исторического облика женщины-купчихи провинциальной России в 60—90-е гг. XIX в. (На примере купеческого семейства Гладковых из Курской губернии)

По материалам региональных архивов — Государственного архива Курской области и Курского государственного областного краеведческого музея — охарактеризованы черты исторического облика женщины-купчихи провинциальной России в 60—90-е гг. XIX в. В качестве исследовательской модели выступили представительницы двух поколений купеческого семейства Гладковых (одного из влиятельнейших в

Курской губернии во второй половине XIX в.), переживавшего, как и все купечество, существенные изменения стиля жизни в условиях пореформенной России. Реконструкция «женской истории» семьи Гладковых ломает стереотипное восприятие «женского мира» провинциального купеческого сословия как замкнутого, жестко иерархичного, пространство которого якобы исключало нестандартное поведение женщин, замыкалось только лишь на частной жизни.

Ключевые слова: женщина-купчиха, провинциальная Россия, пореформенный период, стиль жизни, исторический облик, социальный облик.

Базуева Е. В. Эффективность внешней среды как детерминант качества системы институтов гендерной власти

Дана краткая характеристика институтов гендерной власти, функционирующих на каждом уровне иерархии. Установлено, что в совокупности данные институты образуют иерархическую систему, качество которой, с одной стороны, определяется внешней макросредой, с другой стороны, влияет на состояние, направленность и эффективность ее функционирования. С использованием методов корреляционного и регрессионного анализа модели линейной регрессии выявлена причинная взаимосвязь воздействия экономических, социальных и институциональных параметров внешней среды на уровень качества институционального регулирования степени гендерной власти.

Ключевые слова: институты гендерной власти, система институтов, качество институтов, экономическое и социальное развитие, степень гендерной власти, эффективность.

Чикалова Е. А. Исследования отцовства и маскулинности: точки пересечения

Представлен обзор зарубежных и отечественных исследований отцовства и маскулинности. Обосновывается актуальность изучения данной проблематики в современном обществе. Анализируются этапы развития исследований отцовства и маскулинности, подходы к трактовке данных понятий. Рассматриваются возможности анализа феномена отцовства во взаимосвязи с феноменом маскулинности. В качестве перспективного направления исследования этой проблематики предлагается использовать гендерный подход.

Ключевые слова: отцовство, маскулинность, мужские исследования, гендерный подход.

Попова И. П. Мужчины и женщины в сферах занятости и здоровья: контекст девяностых

На основании данных лонгитюдного исследования рассматривается влияние трансформаций 1990-х гг. на углубление гендерных неравенств в здоровье, в связи с этим анализируются особенности положения в сфере занятости, характеристики моделей поведения мужчин и женщин в отношении здоровья в постперестроечные годы.

Ключевые слова: гендер, неравенство, здоровье, кризис.

Юдина А. А. Социологический анализ женского малого предпринимательства (На примере малого женского предпринимательства города Гатчина)

Дается социологический анализ малого женского предпринимательства. Приводится обоснование целесообразности рассмотрения малого женского предпринимательства в свете концепций маргинальности. Анализируются специфические пробле-

мы и трудности, с которыми сталкиваются малые предприниматели сферы потребительского комплекса Гатчины в гендерном разрезе.

Ключевые слова: малое предпринимательство, маргинальность, структура связей, вынужденные предприниматели, бизнес-установки, деформация трудового поведения.

Шабанова Т. А. Женщина, как много в этом слове. Метафорическое представление женского образа в феминистском дискурсе России

Рассматривается метафорический образ женщины в феминистском дискурсе России. Изучаются исторические предпосылки возникновения движения, его развитие и влияние феминистского движения США.

Ключевые слова: метафора, гендерная система, женское движение, феминизм, права женщин, дискриминация, феминистский дискурс.

Барсукова М. Е. Женщины и миграция: причины, проблемы и последствия

Автор размышляет о важности женщин в развитии миграционных процессов. Определяется значение женщин в формировании международных отношений, указываются основные проблемы, возникающие в связи с присутствием мигрантов в стране, рассматриваются вопросы заключения фиктивных браков с целью получения гражданства. Представлены рекомендации по развитию и регулированию данных социальных процессов.

Ключевые слова: миграция, роль женщин, межнациональные отношения, фиктивные браки.

Штылева Л. В. Детерминанты, этапы и тенденции трансформаций «вопроса пола» в отечественном образовании и педагогической науке (XVIII — начало XX в.)

Представлены результаты историко-педагогического исследования «вопроса пола» в отечественном образовании и педагогике на протяжении двух веков (XVIII — начало XX в.). Последовательно характеризуются ключевые социокультурные предпосылки трансформации, выделяются этапы и периоды, подчеркиваются направления и тенденции изменений.

Ключевые слова: «вопрос пола» и образование, предпосылки и закономерности трансформаций, государственная гендерная политика, гендерные стратегии, тенденции трансформаций.

SUMMARIES

***Mitsyuk N. A.* «Education is not only for living-rooms». The phenomenon of provincial women's boarding school**

The analysis of private women's boarding schools phenomenon in Russian province of XIX century is given. The author covers special role of a boarding school in the development of women's education in province in the first half of the XIX century, which was unique women's educational settlement at that time. From the other side the idea that possibility of foundation of provincial women's boarding schools was a new form of gender identity is expressed. The analysis of the main purposes of boarding school foundation, social and property cast of provincial she-boarders and peculiarities of educational process is given. Moreover the information about everyday life of provincial she-boarders is introduced.

Key words: women's boarding school, women's education, gender, boarder, province.

***Morozov S. D.* Men and women of Russia at the turn of XIX—XX centuries: trends of marriages**

The state of marriage of Russian population at the turn of XIX—XX centuries is studied in article. Age-sex composition of married men and women in different regions and provinces of the country is given in article. The factors that influenced the «aging» of marriageable brides and grooms, remarrying are analyzed in the article. The statistics of divorces is also given in the article.

Key words: Russia, boundary of XIX—XX centuries, marriages, divorces, men, women, age-sex composition, structure of marriage.

***Nikolaenko O. A.* Gender aspects of memory formation (On the example of the Poles of south-western provinces of the Russian Empire in the late XIX — early XX centuries)**

Article analyzed the peculiarities of memory replacement in Polish society of right-bank Ukrainian provinces. On the basis of the structure analysis of many memories conclusions about the dominant role of women in building of alternative memory — family, national, which allowed the Poles to re-establish independence through decades of statehood and policies of assimilation, are made.

Key words: historical memory, gender history, the Polish population, narratives analysis, the south-western provinces of the Russian Empire.

***Menshikova E. N.* Analysis of «the outstanding features» of the historical appearance of the woman-merchant of provincial Russia in 60—90-th years of the XIX century (On the example of the merchant's family of Gladkovyh from the Kursk region)**

On materials of the regional archives (the State archive of the Kursk region and Kursk state museum of local lore) the article describes the features of the historical image of the woman merchant of provincial Russia in 60—90-th years of the XIX century. As the research-models the representatives of two generations of merchant's family Gladkovyh (one of the most influential families of the Kursk province in the second half of the XIX-th century), which went through like all merchants, significant changes of life style in the conditions of post-reform Russia in 60—90-th years of the XIX century were taken. Reconstruction of

the «women's history» of family Gladkovykh breaks the stereotype perception of the «women's world» of provincial merchant class as a reserved, hard-hierarchical one, the space of which excluded non-standard behavior of women, became isolated only in private life.

Key words: woman-merchant's wife, provincial Russia, the post-reform period, life style, historical character, social character.

Bazueva E. V. The effectiveness of the external environment as a determinant of the quality of the system of institutions of gender power

We have implemented the characteristic of institutions of gender power, which operate at every level of the hierarchy. We have established that in the aggregate these institutions form a hierarchical system of institutions of gender power. On the one hand, the quality of operation of the system is determined by the external macroenvironment. On the other hand, it influences the state, focus and efficiency of its operation. With the use of correlation and regression analysis of the linear regression model, we identified a causal relationship of the impact of economic, social and institutional parameters of the environment on the quality of institutional regulation of the degree of gender power.

Key words: institutions of gender power, system of institutions, quality of institutions, economic and social development, degree of gender power, efficiency.

Chikalova E. A. Studies of fatherhood and masculinity: points of intersection

The article presents an overview of foreign and domestic studies of fatherhood and masculinity. It substantiates the importance of studying of this problem in modern society. It analyzes the stages of development of studies of fatherhood and masculinity, the approaches to the interpretation of these terms. The article examines the possibilities of the analysis of the phenomenon of fatherhood in relation with the phenomenon of masculinity. Gender approach is suggested to be used for the perspective direction of studying of this problem.

Key words: fatherhood, fathering, masculinity, men's studies, gender approach.

Popova I. P. Men and women in the spheres of employment and health: the context of the 90-th

In the article on the basis of longitudinal research data the influence of transformation of 1990-th on the deepening of gender inequalities in health is studied. On the grounds of it the peculiarities of employment, characteristics of men and women behavior models regarding health in post reform years are analyzed.

Key words: gender, inequality, health, crisis.

Yudina A. A. Sociological analysis of women's small entrepreneurship (On the example of women's small entrepreneurship on Gatchina)

This article provides a sociological analysis of women's small entrepreneurship. The basis of expediency of small women's entrepreneurship consideration in the light of the concepts of marginality is given. Specific problems and constraints faced by small enterprises of the sphere of the consumer complex of Gatchina in the gender context are analyzed.

Key words: small business, marginality, the structure of relations, forced entrepreneurs, business settings, deformation of labour behavior.

Shabanova T. A. Image of the woman. A viewpoint of Russian feminists

This article gives a metaphorical representation of the woman in a feminist discourse of Russia. The author studies its historical background, development and influence of the USA.

Key words: metaphor, gender system, women's movement, feminism, women's rights, discrimination, feminist discourse.

Barsukova M. E. Women and migration: causes, challenges and consequences

In this article we reflect on the importance of women in development of migration processes. The importance of women in formation of international relations is determined, the main issues arising from the presence of migrants in the country are pointed out, such subject as the conclusion of sham marriages in order to obtain citizenship is considered. In addition to it we disclose their consequences and give recommendations on development and control of these social phenomena.

Key words: migration, role of the women, international relations, fictitious marriages.

Shtylyova L. V. Determinants, stages and trends of transformations of «the sex/gender question» in Russian education and pedagogics (XVIII — the beginning of XX century)

The article presents the results of the historical and pedagogical research of «the sex/gender question» in Russian education and pedagogics during two centuries (XVIII — the beginning of XX century). The key sociocultural pre-conditions of the transformation are characterized successively; the author allots four stages and several periods, underlines the main aspects and tendencies of changes.

Key words: «sex/gender question» and education, pre-conditions and regularities of transformations, the state gender politics, gender strategies, the transformations' tendencies.

Авторы номера

- БАЗУЕВА**
Елена Валерьевна кандидат экономических наук, доцент кафедры экономической теории и отраслевых рынков, Пермский государственный национальный исследовательский университет.
bazueva.l@mail.ru
- БАРСУКОВА**
Мария Евгеньевна помощник депутата, Администрация г. Иркутска.
maria777-07@mail.ru
- МОРОЗОВ**
Сергей Дмитриевич доктор исторических наук, профессор кафедры истории, Пензенский государственный университет архитектуры и строительства.
office@pguas.ru
- МЕНЬШИКОВА**
Евгения Николаевна кандидат исторических наук, доцент кафедры российской и всеобщей истории, Белгородский государственный национальный исследовательский университет.
menshikova@bsu.edu.ru
- МИЦЮК**
Наталья Александровна кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры философии, Смоленская государственная медицинская академия, редактор журнала «Вестник СГМА»
ochlokratia@yandex.ru
- НИКОЛАЕНКО**
Ольга Александровна кандидат исторических наук, доцент кафедры украиноведения, Харьковский национальный автомобильно-дорожный университет.
nikolajenko@mail.ru
- ПОПОВА**
Ирина Петровна кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, Институт социологии РАН.
irina_porova@list.ru
- ЧИКАЛОВА**
Екатерина Азаматовна аспирантка кафедры психологии человека, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена.
kate4ka123@rambler.ru
- ШАБАНОВА**
Татьяна Андреевна аспирантка кафедры риторики и межкультурной коммуникации, Уральский государственный педагогический университет.
tatshab@yandex.ru
- ШТЫЛЕВА**
Любовь Васильевна кандидат педагогических наук, доцент кафедры социальной педагогики, дошкольного и начального образования, Мурманский государственный гуманитарный университет.
many-ny@rambler.ru
- ЮДИНА**
Анна Александровна магистрантка социологии труда и предпринимательства, Санкт-Петербургский государственный университет сервиса и экономики.
YUDIN13@YANDEX.RU

CONTENTS

ЖЕНСКАЯ И ГЕНДЕРНАЯ ИСТОРИЯ

Мицюк Н. А. «Образование не для одной только гостинной». Феномен провинциальных женских пансионов	3
Морозов С. Д. Мужчины и женщины России на рубеже XIX—XX вв.: тенденции брачности	9
Николаенко О. А. Гендерные аспекты формирования памяти (На примере поляков юго-западных губерний Российской империи в конце XIX — начале XX в.)	16
Меньшикова Е. Н. Анализ «выдающихся черт» исторического облика женщины-купчихи провинциальной России в 60—90-е гг. XIX в. (На примере купеческого семейства Гладковых из Курской губернии)	24

МЕТОДОЛОГИЯ ЖЕНСКИХ И ГЕНДЕРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Базуева Е. В. Эффективность внешней среды как детерминант качества системы институтов гендерной власти	34
Чикалова Е. А. Исследования отцовства и маскулинности: точки пересечения	43
Попова И. П. Мужчины и женщины в сферах занятости и здоровья: контекст девяностых	53
Юдина А. А. Социологический анализ женского малого предпринимательства (На примере малого женского предпринимательства города Гатчина)	67
Шабанова Т. А. Женщина, как много в этом слове. Метафорическое представление женского образа в феминистском дискурсе России	72
Барсукова М. Е. Женщины и миграция: причины, проблемы и последствия	78

ГЕНДЕРНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

Штылева Л. В. Детерминанты, этапы и тенденции трансформаций «вопроса пола» в отечественном образовании и педагогической науке (XVIII — начало XX в.)	83
<i>Аннотации</i>	90
<i>Авторы номера</i>	96

СОДЕРЖАНИЕ

WOMEN'S AND GENDER HISTORY

Mitsyuk N. A. «Education is not only for living-rooms». The phenomenon of provincial women's boarding school	3
Morozov S. D. Men and women of Russia at the turn of XIX—XX centuries: trends of marriages	9
Nikolaenko O. A. Gender aspects of memory formation (On the example of the Poles of south-western provinces of the Russian Empire in the late XIX — early XX centuries)	16
Menshikova E. N. Analysis of «the outstanding features» of the historical appearance of the woman-merchant of provincial Russia in 60—90-th years of the XIX century (On the example of the merchant's family of Gladkovyh from the Kursk region)	24

SOCIOLOGY OF FAMILY

Bazueva E. V. The effectiveness of the external environment as a determinant of the quality of the system of institutions of gender power	34
Chikalova E. A. Studies of fatherhood and masculinity: points of intersection	43
Popova I. P. Men and women in the spheres of employment and health: the context of the 90-th	53
Yudina A. A. Sociological analysis of women's small entrepreneurship (On the example of women's small entrepreneurship on Gatchina)	67
Shabanova T. A. Image of the woman. A viewpoint of Russian feminists	72
Barsukova M. E. Women and migration: causes, challenges and consequences	78

GENDER SOCIOLOGY

Shtylyova L. V. Determinants, stages and trends of transformations of «the sex/gender question» in Russian education and pedagogics (XVIII — the beginning of XX century)	83
<i>Summaries</i>	90
<i>Authors of the issue</i>	96

УВАЖАЕМЫЕ КОЛЛЕГИ!

Журнал «Женщина в российском обществе» издается на базе Ивановского государственного университета и Российского межвузовского центра гендерных исследований с 1996 года. За более чем десять лет, прошедших с выхода первого номера, журнал зарекомендовал себя как серьезное научное издание, посвященное разработке методологии гендерных исследований, научному осмыслению эволюции социального статуса женщин и мужчин, их роли в общественном развитии России, методическому обеспечению курсов по гендерной проблематике. География авторов научных статей представляет все крупные регионы России от Москвы до Дальнего Востока. С 2008 года наш журнал включен в список ВАК.

Основные задачи журнала:

— способствовать институционализации гендерного образования в вузах России через создание научно-методической базы для чтения курсов по специальностям различного профиля;

— интегрировать научное сообщество, занимающееся разработкой гендерной проблематики и представляющее авторитетных и молодых ученых России, докторантов, аспирантов;

— предоставить право первой публикации новому поколению молодых ученых.

Журнал «Женщина в российском обществе» выходит ежеквартально, распространяется бесплатно по предварительным заявкам ученых и библиотек.

Надеемся, что вы проявите интерес к нашему изданию и пожелаете сотрудничать с нами. Будем рады видеть вас среди авторов журнала. Мы поместим ваши научные статьи, рецензии на монографии и диссертации, переводы, обзоры конференций по следующим направлениям:

- теория и методология гендерных исследований,
- гендерная социология,
- проблемы гендерного равенства в политическом процессе,
- гендерные аспекты труда и занятости,
- гендерная лингвистика,
- женщины и мужчины в истории,
- гендерная педагогика и гендерное образование,
- гендерная психология,
- женское движение: традиции и современность.

Приглашаем вас на сайт журнала (www.womaninrussia.ru), на форуме которого можно принять участие в обсуждении направлений издания и проблематики статей.

По всем вопросам, связанным с публикацией и оформлением заявки на получение журнала, можно обращаться по электронной почте: gafizovanb@mail.ru, inna_kodina@mail.ru, riabova2001@inbox.ru

С уважением

главный редактор журнала

«Женщина в российском обществе»,

доктор исторических наук, профессор О. А. Хасбулатова

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

1. В журнал принимаются материалы в электронном виде на дискете стандартного формата с приложением одного экземпляра распечатки на белой бумаге.

Объем научных статей — 0,5—1,0 авт. л. (20 страниц текста через 1,5 интервала, 30 строк на странице формата А4, не более 65 знаков в строке, выполненного в редакторе Microsoft Word шрифтом Times New Roman или Times New Roman Суг, кегль 14), сообщения — 0,5 авт. л. (10 страниц).

2. Материал для журнала должен быть оформлен в следующей последовательности: **УДК, ББК**; на русском и английском языках: **инициалы и фамилия автора, название материала**, для научных статей — **аннотация** объемом 10—15 строк и **ключевые слова; текст статьи** (сообщения).

3. Библиографические источники должны быть пронумерованы в алфавитном порядке, ссылки даются в тексте статьи в скобках в строгом соответствии с пристатейным списком литературы (к каждому пункту списка должен быть отсыл в тексте). Библиографическое описание литературных источников к статье оформляется в соответствии с ГОСТами 7.1—2003, 7.0.5—2008. В каждом пункте библиографического списка, составленного в алфавитном порядке (сначала произведения на русском языке, затем на иностранном), приводится одна работа. В выходных сведениях обязательно указание издательства и количества страниц, в ссылке на электронный ресурс — даты обращения.

4. Фотографии, прилагаемые к статье, должны быть черно-белыми, контрастными, рисунки — четкими.

5. В конце представленных материалов следует указать полный почтовый адрес автора, его телефон, фамилию, имя, отчество, ученую степень, звание, должность. Материал должен быть подписан всеми авторами.

6. Направление в редакцию ранее опубликованных и принятых к печати в других изданиях работ не допускается.

7. Материалы, представляемые к публикации в журнале, должны пройти научную экспертизу и сопровождаться положительной рецензией.

8. Редакция оставляет за собой право осуществлять литературную правку, корректирование и сокращение текстов статей.

9. Все материалы публикуются бесплатно.

ЖЕНЩИНА В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Российский научный журнал

№ 2 (63) — 2012

Директор издательства *Л. В. Михеева*
Редакторы *О. В. Батова, О. В. Боронина*
Технический редактор *И. С. Сибирева*
Компьютерная верстка *Т. Б. Земсковой*

Подписано в печать 18.06.2012 г. Формат 70x108^{1/16}
Печать плоская. Бумага писчая. Усл. печ. л. 8,93. Уч.-изд. л. 6,7. Тираж 300 экз.

Издательство «Ивановский государственный университет»

✉ 153025 Иваново, ул. Ермака, 39 ☎ (4932) 93-43-41

E-mail: publisher@ivanovo.ac.ru

ООО «Центр социальной поддержки женщин и семьи»
(Издательский центр «Юнона»). 153002 Иваново, пр. Ленина, 47